

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СВЕТЛА

№8 АВГУСТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2012

Из российской истории	
<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Иван Калита 4
Штрихи к портрету	
<i>Евгения Гордиенко</i>	Прыжок в пустоту 20
Минувшее	
<i>Денис Логинов</i>	Элоиза и Абеляр 30
Рассказ	
<i>Эми Поттер</i>	Лотерея 36
<i>Амария Рай</i>	Монтенегро 108
Неизвестное об известном	
<i>Артем Омельченко</i>	Ботик Петра Великого 44
Это интересно	
<i>Татьяна Харламова</i>	Ковчег на Красной Пресне 52
Новое имя	
<i>Ольга Займенцева</i>	«Елизавета вам» 64
Шедевры	
<i>Ирина Олимах</i>	«Се человек» Яна Мостарта 70
Логунова шутит	
<i>Елена Логунова</i>	Инь, Янь и Хрень 80
Житейская история	
<i>Геннадий Трохин</i>	Четвертый 84
Забывтые страницы	
<i>Александр Беляев</i>	Невидимый свет 92
Поэзия	
<i>Ольга Кравцова</i>	Стихи 104
Детектив	
<i>Александр Аннин</i>	Хромой пеликан 124
Кроссворд. Эрудит	188

Главный редактор, Генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Мирошник Константин, Кургузова-Мирошник Наталья
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуевая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №802

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.07.2012

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Наталья Вельченко

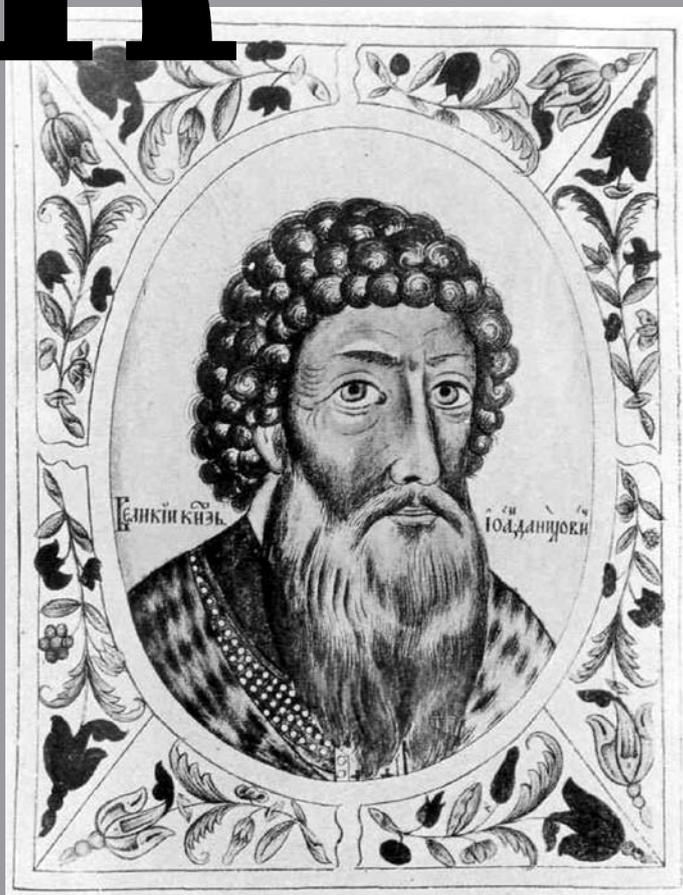
г. Барнаул, актриса, 30 лет

Время

Безумное время все мчится и мчится,
И всех за собой, увлекая, стремится.
«Куда? Для чего? И зачем нас уносит?» —
Оно, безусловно, об этом не спросит.
Стремительно время свой ход ускоряет,
Оно никому ничего не прощает.
Мелькают столетья, народы и лица,
Но время не может остановиться.
Хотя бы на миг замереть, оглядеться,
По-новому в жизнь и проблемы всмотреться.
Но время быстрее свой ход набирает,
Секунды, часы и года отмеряет.
Так что же оно или кто, как понять?
Безжалостно время, так проще сказать.
Как призрак за нами неслышно крадется,
Бесшумною кошкой порой обернется.
То тянется долго в течение дня,
То с шумом проносится, грозно звеня.
Не нужно ему ни трофеев, ни славы;
Размеренно пишет эпохи, как главы
В той книге, которой за тысячи лет.
И нет в ней начала, конца тоже нет.

ИВАН ИЗ КАЛИТА

Светлана
Бестужева-Лада

Внук Александра Невского, сын Московского князя Даниила Александровича, князь Московский, князь Новгородский и великий князь Владимирский, он в течение долгого времени оставался в тени своего старшего брата князя Юрия, но после его гибели в 1325 году занял великое княжение в Москве.

Времена его правления были эпохой усиления власти Москвы и ее возвышения над другими русскими городами. Иван Данилович обеспечил безопасность Москве тем, что заслужил расположение и доверие Узбека.

«Перестали поганые воевать русскую землю, — писал летописец, — перестали убивать христиан; отдохнули и опочили христиане от великой истомы и многой тягости и от насилия татарского; и с этих пор наступила тишина по всей земле».

Так кто же все-таки Иван Калита — патриот или предатель? Стяжатель или щедрый благодетель? Второе — менее известное — прозвище у него было «Добрый». Так, может, попробуем разобраться?

У Александра Невского было четыре сына: старший, Василий, княжил в юности в Новгороде, а впоследствии в Костроме, где и умер. Димитрий и Андрей вели между собою кровавый спор за великое княжение, последний отличился тем, что дважды наводил на Русь татар, которые произвели в ней ужаснейшие опустошения (1282 и 1294 гг.), отозвавшиеся на целые десятилетия.

Четвертому сыну Невского, Даниилу, досталась в удел Москва, считавшаяся незначительным «пригородом» города Владимира. Даниил был первым князем, начавшим укреплять позиции Москвы на Руси, и положил начало тому расширению владений, которое затем так последовательно вели все его преемники.

Умер он в 1303 году, приняв перед смертью схиму. По летописным данным, Даниил был погребен в деревянной церкви Святого Михаила, которая стояла на месте нынешнего Архангельского собора в Москве, а предание, записанное в его Житии, помещает его могилу в Данииловом монастыре, будто бы им основанном. Он оставил пятерых сыновей: Юрия, Ивана, Александра, Бориса и Афанасия.

Впервые Иван Данилович (еще не Калита и не «Добрый») упоминается в новгородской летописи в 1296 году в связи с поездкой в Великий Новгород. В начале XIV века он княжил в Переславле-Залесском, и в 1305 году разбил под Переславлем войско тверского боярина

Акинфа, который пытался захватить город.

В Москве княжили сначала его отец, а затем — старший брат Юрий. С братом своим Иваном Юрий всю жизнь жил дружно, но с другими братьями, Александром и Борисом, не ладил так, что они убежали в Тверь к его непримиримому врагу. Этот враг в 1308 году еще раз покусился на Москву и опять не взял ее. Взаимная злоба еще более усилилась после нового нападения на Москву и, наконец, прорвалась отчаянной борьбой по поводу Новгорода.

Со времени татарского завоевания Новгород, пользуясь своею внутренней самостоятельностью, вынужден был допускать у себя пребывание на Городище великокняжеских наместников и платить великому князю дань в качестве участия в общем платеже выхода (дани) хану. С тех пор отношения между Новгородом и великим князем всегда были натянутые и нередко делались открыто враждебными.

До самого падения Великого Новгорода в конце XV века не было ни одного великого князя, за исключением Юрия Даниловича, с которыми бы новгородцы находились в дружеской и искренней связи.

Но весной 1315 года пришло Юрию приказание явиться в Орду. Князь не посмел ослушаться и поехал. Ему пришлось прожить в Орде более двух лет. Последствием такого долгого пребывания было то, что Юрий вошел в милость к хану Узбеку

*Митрополит
Петр
и Иван Калита*

и женился на его сестре Кончаковне, которая приняла в крещении имя Агафии.

На Русь Юрий возвратился... вместе с татарским войском, которое бесчинствовало по пути в Костроме, Ростове, Дмитрове и Клине. С татарами были хивинцы и мордва. Но тверской князь Михаил сумел дать отпор: князь Юрий бежал в Торжок, а оттуда пробрался в Новгород.

Новгородцы дружно принялись за дело своего союзника, к ним присоединились и псковичи. Недавно был заключен новгородцами мир с Михаилом, и нападать на него было бесчестно, поэтому новгородцы решили прежде послать к Михаилу

требование сделать все угодное Юрию, а вступить с ним в войну предполагали только тогда, когда тот откажет.

Боясь ханского гнева, Михаил оказался сговорчив во всем, кроме одного — отпустить жену Юрия было невозможно: она умерла в плену, говорили, что ее там уморили зельем, так что пришлось выдать Юрию только ее тело. При посредстве новгородцев соперники порешили на том, что им обоим надо идти в Орду, к хану Узбеку.

Хан приказал рассудить дело Михаила Ярославича с Юрием. Михаилу предъявили такое обвинение: «Не давал царевой дани, бился против

*Даниил
Александрович,
князь
Московский,
отец
Ивана Калиты*

царского посла и уморил княгиню жену Юриеву». Михаил был казнен, а Юрий, получив от хана великое княжение, возвратился в Русь с большими почестями.

Сделавшись великим князем, он послал в Новгород своего брата Афанасия, но после смерти последнего в 1322 году сам переехал в Новгород и остался в нем, уступив Москву брату Ивану. Через три года

князь Юрий был убит сыном князя Михаила Дмитрием. Тело его было привезено в Москву, а убийцу казнили по приказанию хана Узбека.

Иван I Данилович наследовал Московское княжество. В первый же год своего правления он, желая положить благое начало своему княжению, призвал из Владимира митрополита Петра. Это сразу сделало Москву духовным центром Руси и

обеспечило московскому князю поддержку церкви. Москва стала резиденцией митрополита «всех Руси», а Петр способствовал Ивану в проведении политики централизации русских земель.

В отличие от своего старшего брата, Иван любил Москву. Именно при нем был построен дубовый Кремль, который защищал центр города и посады за его пределами. С большой скоростью возникали села. Бояре с радостью отправлялись к московскому князю и получали от него земли. Иван Данилович заботился о безопасности своего княжества, стро-

рые он использовал для расширения своей территории покупкой чужих княжеств.

Но первоначальным своим возвышением Иван Данилович был обязан благоволению к нему ордынского хана. В 1327 году Иван Калита вместе с другими князьями отправился в поход на Тверь для подавления народного восстания против монголо-татар. За это князь был награжден в 1328 году ханом Узбеком: получил Костромское княжество и право контроля над Великим Новгородом.

В том же году Иван Данилович предпринял поход на Тверь, где уби-

Впервые Иван Данилович упоминается в новгородской летописи в 1296 году в связи с поездкой в Великий Новгород. Он тогда княжил в Переславле-Залесском и разбил войско тверского боярина Акинфа, который пытался захватить город

преследовал и казнил разбойников, поэтому купцы могли спокойно ездить по русским дорогам.

Свое вошедшее в историю прозвище Иван Данилович получил еще при жизни и, прежде всего, от привычки носить с собой постоянно кошелек («калиту»), чтобы раздавать милостыню бедным. Позже Калитой его стали называть и враги — за огромные богатства, кото-

ли татарского посла со свитой, сжег города и села, взял в плен множество тверичан и... получил в награду титул князя Новгородского. Правда, ярлыка на великое княжение ему так и не дали, несмотря на щедрые дары хану и его окружению.

Пришлось временно удовольствоваться только городом Владимиром и Поволжьем, но потраченные на взятки средства хотелось чем-то

компенсировать. Иван Данилович потребовал от новгородцев дань в увеличенном размере, получил отказ и пошел войной на недавних союзников, заняв города Торжок и Бежецкий Верх. После чего, призвав на помощь митрополита Феогноста, Иван Калита заключил с Новгородом мир. В 1336 году новгородцы признали его своим князем и выплатили все требуемые деньги.

Мир скрепили браком старшего сына Ивана Симеона с дочерью литовского князя Гедемина Айгустой (в святом крещении нареченной Анастасией). Помимо этого, Иван Калита выкупил в Орде из плена брата Айгусты-Анастасии Наримунта, заручился его расположением и отправил в Литву, к отцу Гедемину. Новгородцы же, опасаясь как Калиты с ордынцами, так и шведов, пригласили Наримунта на северные волости, дав ему в вотчину Ладогу, крепость Орешек, Корельскую землю и половину Копорья.

Но Наримунт предпочел жить в Литве, передоверив управление своими землями свекру своей сестры. А еще до этого Иван отдал двух своих дочерей замуж за Василия Ярославского и Константина Ростовского для того, чтобы распорядиться и их уделами. Так, при помощи династических браков, взяток и прямых набегов, Иван Калита укреплял свою власть и расширял владения. И добился многого: согласно летописи, во всей Северо-Восточной Руси наступила тишина на многие годы. Да-

же татары перестали совершать набеги на Русь, опасаясь ханского гнева: Узбек настолько доверял князю Ивану, что даже поручил ему сбор податей с населения.

Наконец Калита добился у Узбека ярлыка на признание себя великим князем Всея Руси. За мирные отношения с Золотой Ордой он собирал для нее с населения огромную дань, а все народные недовольства, вызывавшиеся тяжелыми поборами, беспощадно пресекал. Также с помощью татар Иван устранил многих своих политических соперников — других князей.

Он неуклонно стремился к расширению территории своего княжества и собиранию русских земель вокруг Москвы. Накопленные средства князь расходовал на покупку территорий своих соседей. Его влияние распространилось на ряд земель Северо-Восточной Руси (Новгородская земля, Ростов, Тверь, Углич, Галич, Псков, Белоозеро). И хотя в этих городах правили местные князья, они, по существу, являлись лишь наместниками московского князя.

Собственно, Иван Данилович лишь продолжал то, что было начато его старшим братом Юрием. Тот тоже избирал «другие пути» к усилению своей власти и своей Москвы. Тотчас после смерти отца захватил Можайск и привел пленным в Москву тамошнего князя Святослава. В 1306 году удушил рязанского князя Константина, взятого в плен отцом его Даниилом и содержавшегося в Москве в неволе.

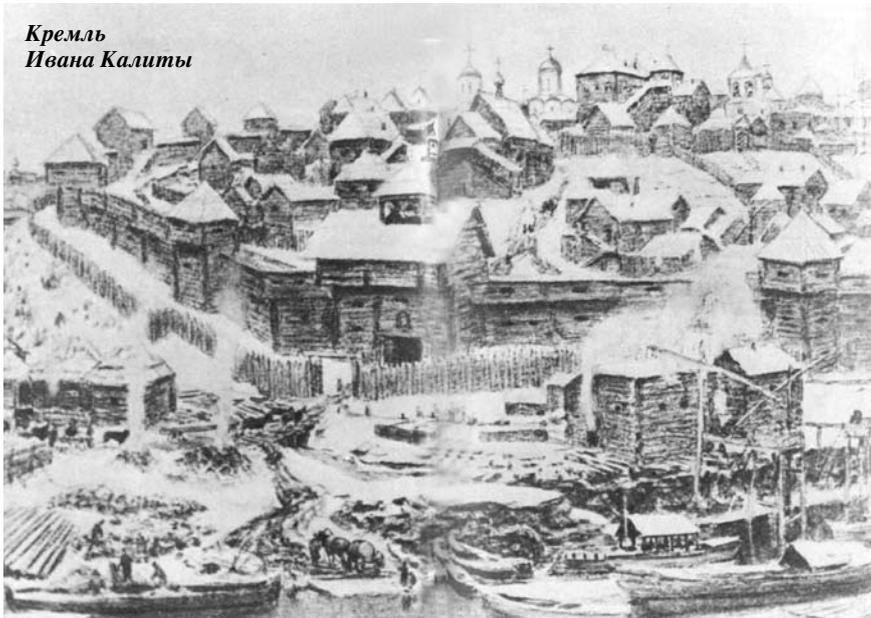
Иван I Данилович наследовал Московское княжество. В первый же год своего правления он призвал из Владимира митрополита Петра, что сразу сделало Москву духовным центром Руси и обеспечило московскому князю поддержку церкви

Московский князь думал присвоить себе и Рязань, но это ему не удалось: молодой рязанский князь Ярослав выпросил у хана ярлык на рязанское княжение. Тем не менее Юрий смог присоединить к Москве Коломну, принадлежавшую до того времени рязанским князьям.

Годы правления Ивана были эпохой усиления Москвы и ее возвыше-

ния над остальными русскими городами. Помимо Кремля были построены Успенский и Архангельский соборы, церковь Иоанна Лествичника, Преображенская церковь, а при ней открыт монастырь. Свято-Данилов монастырь был перемещен на новое место. В Переславле-Залесском Иван основал Горичкий (Успенский) монастырь.

*Кремль
Ивана Калиты*

Свое прозвище Иван Данилович получил еще при жизни от привычки постоянно носить с собой кошелек («калитү»), чтобы раздавать милостыню бедным. Позже Калитой его стали называть и враги — за огромные богатства, которые он использовал для расширения территории покупкой чужих княжеств

Летописцы отмечали, что князь заботился о безопасности жителей, строго преследовал и казнил разбойников и воров, всегда чинил «правый суд», помогал бедным и нищим. За это он получил второе свое прозвище — «Добрый».

Иван Калита являлся крупным политическим деятелем своего времени, хотя его личность неоднозначно оценивалась историками. В.О. Ключевский скороговоркой занес Ивана Даниловича «в череду серых личностей на великокняжеском престо-

ле». М.Н. Тихомиров, напротив, полагал, что этот князь «...заложил основы могущества Москвы, будучи блестящим политиком и дипломатом».

Кому верить? Истина, скорее всего, находится где-то посередине. Иван Данилович действительно способствовал заложению основ политического и экономического могущества Москвы и начала экономического подъема Руси. Например, он ввел в действие земледельческий закон и установил новый порядок наследования. После смерти Ивана великокняжеский престол более или менее постоянно переходил к его прямым потомкам. Именно с княжения Ивана Калиты можно начинать отсчет самодержавного правления на Руси.

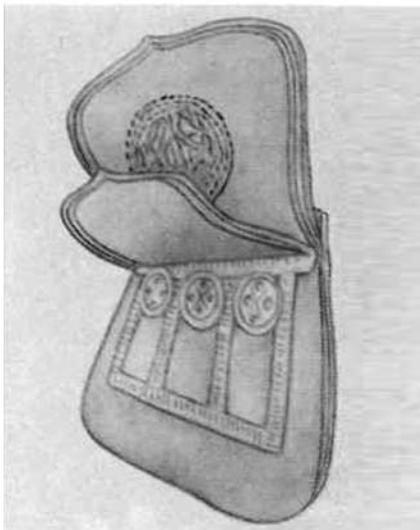
Что же касается дипломатии... Принципы этого князя целиком и полностью укладываются в нехитрый постулат: с волками жить — по-волчьи выть. Ему удалось добиться длительной и прочной благосклонности Золотой Орды, что само по себе было не простым делом. И вопрос заключался даже не в деньгах: все русские князья, так или иначе, «кланялись деньгами» ордынским ханам, в очень большой степени зависели от их расположения.

Кто приходился по нраву властителю, того он, не стесняясь ничем, мог назначить великим князем. Но в Орде, как вообще в азиатских деспотических государствах, милость властителя и доступ к нему покупались угождением и задариванием близких к царю вельмож. И русский князь, ис-

кавший в Орде какой бы то ни было ханской милости, а тем более первенствующего сана, должен был достигать своей цели, во-первых, обещанием большого выхода (дани) хану, а во-вторых, подарками и подкупом разных лиц, имевших при ханском дворе влияние.

Так что в те времена титул великого князя мог купить любой, у кого было достаточно денег и не слишком много гордости. Тем не менее при благоприятном раскладе титул великого князя мог утвердиться в одной княжеской линии и сделаться фактически наследственным. При этом великий князь продолжал зависеть от произвола ордынских владык и должен был отдавать себе в этом трезвый отчет. Помимо этого, нужно было умело распоряжаться своим богатством, постоянно поддерживать дарами доброе

Та самая калита

расположение к себе влиятельных лиц в Орде и тем самым подготавливать своему сыну и наследнику благоприятную почву для получения ярлыка на великое княжение. А такая преемственность почти автоматически делала «счастливое княжество» первым среди всех остальных.

Подло? Не более, чем все остальное, происходившее в те времена между многочисленными князьями и княжатами на Руси. Причем надо отметить, что все спорные вопросы между русскими князьями решались татарами в Золотой Орде. Ханы, в зависимости от своих прихотей, или давали тому или иному князю ярлык на княжение и поддерживали его, или отказывали и отдавали на растерзание соотечественникам. Причем частенько это растерзание было буквальным. Знали ордынцы принцип «разделяй и властвуй» или нет, но пользовались они им весьма грамотно, а иногда даже виртуозно. Слишком независимых и сильных князей убирали руками других князей, даже не утруждая себя в большинстве случаев организацией набегов на Русь. Сами все привезут и сложат в ханском шатре к ногам хана.

За примерами далеко ходить не надо. В 1337 году главный против-

ник московского князя, князь Александр Тверской покорился, наконец, хану и тем самым вернул себе тверское княжение. Но спустя два года князь Иван Данилович поехал в Орду с доносом на князя Александра, составленным, по-видимому, очень умело и убедительно. Александр Тверской получил приказ явиться к хану и отправился в Орду вместе со старшим сыном Федором. Оба были казнены «за измену».

Иван Калита, вернувшись из Орды прежде всего приказал снять с тверской церкви Святого Спаса колокол и привезти его в Москву. Брат Александра Тверского, Константин, вновь был вынужден подчиниться. Вот так, не ведя никаких военных действий, интригами и символическими поступками московский князь взял верх над тверским. Дипломатический талант? Или обычное везение? Ведь все могло обернуться совершенно иначе, не зря же на Руси с давних пор бытовала поговорка: «Доносчику — первый кнут».

Другой пример: город Владимир во времена Ивана Калиты уже почти потерял статус главного города Руси, князья, получавшие от хана ярлык на владимирское княжение, не обязаны были пребывать во Влади-

*Москва.
Кремль и посад
XII–XIII вв.*

мире, они могли называться великими князьями и жить в прежних своих уделах.

Но главным в то время было то, что Орда, несмотря на все свое видимое могущество, уже пошатнулась, признаки разложения были отчетливо ощутимы. На берегах Черного моря возникла другая Орда, Нагая, не желавшая признавать власти волжских ханов. Это было началом распада монгольской монархии. В самой Волжской Орде достоинство хана перестало переходить по наследству, и там все чаще происходили государственные перевороты с многочисленными жертвами.

Пока Орда была сильна единовластием, она могла диктовать свою волю не столько покоренным, сколько покорившимся ее воле русским князьям, тем более, что те предпочитали выклянчивать и покупать свои «ярлыки» у «проклятых захватчиков», не гнушаясь при этом никакими средствами в борьбе с другими князьями. Должно было пройти несколько столетий кровавых и разорительных междоусобиц, плюс естественное вырождение и ослабление власти Орды, чтобы из среды русских князей выдвинулся человек, способный собрать вокруг себя если не всех, то большую часть русских князей.

Русские бояре, кстати, очень быстро смекнули, что хранить верность слабому князю по меньшей мере глупо и никак не вознаграждается. Наметилась тенденция перехода бояр «под боле сильную руку», причем они тянули за собой и людей, состав-

лявших их дружину и получивших в те времена название «детей боярских». Вряд ли они понимали, что с падением Орды хана естественным путем заменит самый сильный и ловкий из князей, а вот Иван Данилович понял это, пожалуй, раньше всех остальных. И, помимо неуклонного накапливания богатств и приращения земель к Московскому князеству, приложил все силы, чтобы его великое княжение не «ушло с молотка» после его смерти, а досталось наследникам законным путем.

Пока еще подобного закона не существовало, его еще только предстояло принять. Начало XIV века было той роковой эпохой, когда требовалось решать, какая из княжеских линий выдвинется выше всех, и какая русская земля, со своим главным городом, сделается средоточием русского мира, стягивая к себе разрозненные его части?

Одной из главных черт характера Ивана Даниловича была гибкость в отношениях с людьми и настойчивость в достижении поставленной цели. Он очень часто ездил в Орду с «дружескими визитами» и, естественно, богатыми дарами, ничего при этом не выпрашивая у хана, и вскоре добился его полного расположения и доверия. Поэтому в то время, когда другие русские земли время от времени подвергались внезапным и опустошительным ордынским набегам, владения московского князя оставались спокойными, их население и благосостояние неуклонно росли.

Иван Данилович сам собирал со своих земель дань для Орды, подавляя при этом народное недовольство быстро и жестко, но уж, конечно, не так, как это делали татары с непокорным народом. Так же стремительно и жестко московский князь расправлялся со своими политическими противниками — другими русскими князьями, которые не смогли обзавестись столь сильным покровителем, как Орда.

Смело можно говорить о том, что Иван I усилил московско-ордынское

стах: около Костромы, Владимира, Ростова и даже в новгородской земле, пренебрегая законом, запрещавшим князьям покупать там земли. Более того, он заводил в Новгородской земле слободы, населял их своими людьми и распространял таким образом свою власть в этих землях де-факто.

При этом Иван Данилович не забывал и о духовном возвышении Московского княжества. Помимо строительства храмов, монастырей и украшения Кремля, он приказал

Годы правления Ивана были эпохой усиления Москвы и ее возвышения над остальными русскими городами. Помимо Кремля были построены Успенский и Архангельский соборы, Преображенская церковь, а при ней Свято-Данилов монастырь, а в Переславле-Залесском Иван основал Успенский монастырь

влиание на ряд земель Севера Руси (Тверь, Псков, Новгород). Он к тому же сумел накопить огромные суммы, которые использовал для покупки земель в чужих княжествах и владениях. Его внук Дмитрий Иванович Донской в своей духовной грамоте сообщил, что Иван Калита купил Углич, Галич Мерский и Белоозеро.

Кроме того, Иван Данилович покупал и выменивал села в разных ме-

написать так называемое «Сийское евангелие», сохранившееся и по сей день в архивах Академии наук. Сделано это было в качестве вклада в монастырскую библиотеку. Содержащаяся в конце рукописи памятная запись указывает на ее заказчика — «написано быс(ть) си Еуа(н)г(ели)е въ граде Москве поведением княжим...»

Евангелие написано на пергаменте и содержит 216 нenumерованных

листов. Текст написан в два столбца по 24 строки. На полях имеются приписки, выполненные уставной скорописью. Рукопись сохранилась в полном объеме, за исключением первого листа. Евангелие заключено в простой переплет, обтянутый пергаментом, без каких-либо украшений.

К моменту смерти — а скончался Иван Данилович в весьма почтенном

для того времени возрасте шестидесяти пяти лет — великий князь Московский оставил богатую казну, почти вдвое увеличенное Московское княжество. И десять детей от двух браков — пятерых сыновей и столько же дочерей. Один сын — Даниил, правда, умер в раннем возрасте, но Симеон, Иван, Андрей и Владимир пережили своего отца, который был погребен в Архангель-

ском соборе Кремля в начале апреля 1341 года.

Но за год до смерти он успел организовать поход на Смоленск против князя Ивана Александровича, вступившего в союз с Гедимином и, главное, отказавшегося платить дань Орде. Порядок был наведен не столько с помощью ордынских войск, сколько при активном участии дружины рязанского князя, который предпочитал дружбу с набиравшей силы Москвою традиционным распрям.

Сразу после смерти Ивана Даниловича почти все русские князья рванулись в Орду к хану Узбеку, надеясь получить возделенный ярлык на великое княжение.

Желание это было тем более острым, что при жизни Московский князь сумел «обидеть» едва ли не всех своих коллег: кого материально, а кого и физической расправой. Немуद्रено, что все князья Владимирской Руси, не желая наследника Калиты Симеона Ивановича, едва ли не впервые объединились в стремлении добыть ярлык на великое княжение князю Константину Суздальскому. Хан обещал «подумать».

Через несколько месяцев этих раздумий он выдал ярлык... Симеону, по которому «все князи Русские под руце его даны». А Симеон, прежде всего, заключил договор с ... родными братьями «бысть им за один до живота и безобидно владеть каждому своим». И лишь после этого, обезопасив тылы, венчался шапкой Мономаха во владимирском Успенском соборе на великое княжение.

Симеон явно унаследовал дипломатические таланты отца: когда обеспокоенный усилением Москвы ве-

дал Кориата Симеону «с головою», что заставило Ольгерда просить мира у Московского князя.

Уже овдовевший к тому времени Симеон женился вторично на дочери Александра Михайловича Тверского и даже поддержал претензии его сына Всеволода на тверское княжение. Объяснялось это просто: прямого наследника у Московского князя пока не было, ибо все его дети умирали в младенчестве, и Симеону нужно было обеспечить непрерывность правления и политики своего отца.

К моменту смерти — а скончался Иван Данилович в возрасте шестидесяти пяти лет — он оставил богатую казну, почти вдвое увеличенное Московское княжество и десять детей от двух браков — пятерых сыновей и столько же дочерей

ликий князь литовский Ольгерд, занявший престол после борьбы между братьями Гедиминовичами, отправил брата Кориата в Золотую Орду с просьбой послать войско против Москвы, новому хану Джанибеку была послана из Москвы «ябеда»:

«Ольгерд опустошил твои улусы и вывел их в плен; теперь то же хочешь сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, разбогатевши, вооружится и на тебя самого...»

Хан Джанибек, уже безнадежно погрязший во внутренних разборках Орды, ничтоже сумняшеся, вы-

Увы, этим планам не суждено было сбыться. Симеон умер от «моровой язвы» (великой эпидемии чумы) в 1353 году. От той же болезни погибли два его малолетних сына и младший брат Андрей.

Московский, а затем и владимирский престол перешел к младшему брату Симеона Ивану по прозвищу «Красный», отцу Дмитрия, который впоследствии вошел в историю под именем Дмитрия Донского.

Но это уже совсем другая история... □

Сегодня, в век интернет-поисковиков и всеобщей доступности информации, трудно представить, что существуют вещи, порой великие и неповторимые, которых нам никогда не увидеть. И пусть герой нашей истории жил во времена, когда уже существовала фотография и съемка, у нас не осталось ни одного кинокадра, где мы могли бы увидеть это чудо — прыжок Вацлава Нижинского...

ПРЫЖОК

Евгения Гордиенко

Его не сразу приняли в Петербургское балетное училище. Сначала сказали, что слишком мал, и велели подождать пару лет. Эти годы дались его матери Элеоноре непросто. После расставания с мужем балерина труппы Варшавского театра осталась совсем без средств к существованию. Поскольку Томаш Нижинский не желал принимать участия в воспитании детей (их было трое — Вацлав, брат Станислав и сестра Бронислава), Элеонора, переехав в Пе-

В ПУСТОТУ

тербург, постаралась «пристроить» их на казенное обучение. С Вацлавом, в итоге, получилось так, что на экзамене его данные были признаны довольно средними, но когда его попросили прыгнуть, ребенок продемонстрировал такой прыжок, какого преподаватели училища еще не видели. И для него началась совсем другая жизнь...

Шесть смен нижнего белья, три форменных костюма, два пальто, кожаные ботинки и легкие туфли для дома — об этом мальчишка из

бедной семьи раньше мог только мечтать. Теперь же у него, надежды училища и будущей звезды Мариинского театра, все это было.

Однако вряд ли можно сказать, что жизнь Нижинского сразу стала безоблачной. Изнуряющий балетный труд и нелюбовь сверстников не сломили Вацлава, но научили его закрываться в себе. Он мало общался с соучениками, не старался поделиться чем-либо, хотя и так выглядел в жизни, по словам современников, довольно заурядно: не-

высокого роста, с раскосыми, чуть азиатскими глазами, с мускулистым, «балетным», телом. Но на сцене Вацлав полностью преобразался, причем ничего для этого не предпринимая. Будучи человеком, мало наделенным собственными эмоциями, он сливался с образом, с эмоциями персонажа, что делало его то жалким Петрушкой, то соблазнительным Зо-

лотым негром, то очаровательным Альбертом. Он завораживал публику, в него влюблялись, и, встречая его вне сцены, многие не могли поверить, что именно этот невзрачный юноша еще недавно покорила сердца зрителей.

За два года до окончания училища Вацла-

ва пригласили в труппу Мариинского театра — неслыханный прецедент, однако Нижинский, к удивлению всех, вежливо отклонил приглашение, испросив разрешения вначале закончить училище. В труппу Мариинского он, разумеется, все же попал — и танцевал вместе с Николаем Легатом, Тамарой Карсавиной и даже Матильдой Кшесинской — примой не только императорских театров, но и императорских сердец.

А Нижинский, попав в театр, тоже довольно быстро устроил свою судьбу, правда, не совсем так, как было принято в то время. С другой стороны, можно сказать, что он принял обычную в театре формулу по-

иска влиятельного покровителя. Однако в его случае это была не влиятельная дама, а представитель «другого Петербурга», князь Павел Дмитриевич Львов. У Нижинского стали появляться дорогие подарки, он часто «кутил» в ресторанах, хотя было ясно, что все это ему довольно скучно. Львов, по-своему искренне его любивший, решил не мучить Вацлава таким образом жизни и вскоре, удостоверившись, что «мальчик» попал в «хорошие руки», оставил его.

Руки же назвать хорошими можно было лишь условно.

В 1909 году, протанцевав сезон в Мариинке, Вацлав Нижинский отправился в Париж вместе с Сергеем

Дягилевым, чтобы открыть первый сезон «Русского балета». Об именах напоминать вряд ли стоит: Анна Павлова, Ида Рубинштейн, Бакст, Бенуа... и Нижинский.

Стоит сказать, что успех Нижинского во многом был определен и временем, в которое он появился на мировой сцене. Классический балет тогда если не умирал, то агонизировал, потому что был сугубо женским, «сладким, кремовым». Мужчины в балете считались «костылями», то

есть нужны были исключительно для того, чтобы поддерживать балерин. Но новому веку требовалась интрига, конфликт, и лучшим выходом стало противопоставление женскому балету равноправного мужского.

Так появился Михаил Фокин, танцовщик и балетмейстер, готовый ставить спектакли, которых не было прежде. И танцевал в них Нижинский, приводя публику то в восторг, то в ярость. Но больше всего восторга и ярости вызывал он у своего

главного зрителя — у Сергея Дягилева.

Богатый, барственный, импозантный, Дягилев по-своему любил Нижинского и заботился о нем. Он, как никто, понимал, что самостоятельность этому таланту противопоказана. За пределами сцены Вацлав часто не знал, чем ему заняться, куда пойти, что сказать. У него, безусловно, было собственное мнение относительно многого, только вот не было у такого «человека в футляре» привычки выражать это самое мнение. И Дягилев держал его, по мнению многих, в золотой клетке. Не столько из желания постоянно ви-

*Супруга Нижинского —
Ромола де Пульски*

деть при себе эту «райскую птицу», а, скорее, пытаться оградить «птицу» от жестокого мира. К тому же, он был очень ревнив и приставил к Нижинскому некоего Василия, которого отпускали только тогда, когда рядом с Вацлавом был сам Сергей Павлович. В прочее время Василию было предписано «лишних людей» к Вацлаву не допускать, а все визиты гостей согласовывать прежде с самим Дягилевым...

Говорят, что ревность — проявление любви. Наверное, это и была любовь. Только любовь губительная, не сделавшая счастливым ни Дягилева, ни Нижинского.

Полностью приняв тот факт, что талант Нижинского является его, Дягилева, собственностью, Сергей Павлович решил раскрыть новые его грани и предложил Вацлаву заняться режиссурой. Это было уже в 1912 году, но до этого произошло событие, еще больше «привязавшее» Нижинского к Дягилеву.

В 1911 году Вацлав танцевал в Мариинском театре Альберта в балете «Жизель». Танец его, разумеется, был безупречным, а вот костюм — нет. Альберта привыкли видеть в коротких штанишках, скрывающих его половую принадлежность, а Нижинский был одет в колет и трико — костюм, выполненный по эскизам Бенуа, и выглядел при этом довольно вызывающе.

А вот дальше мнения расходятся. Кто-то говорил, что присутствовавшей на спектакле вдовствующей императрице Марии Федоровне костюм показался вопиющим, и она повелела уволить «бесстыдника». Кто-то уверял, что виной всему была интриганка Кшесинская, которой не понравилось, что дуэт с ней Нижинский променял на танец с юной Тamarой Карсавиной. Ходили слухи, что именно она передала повеление вдовствующей императрицы уволить Нижинского, хотя Мария Федоровна такого распоряжения не давала. Так или иначе, Нижинский был уволен из Мариинского театра. И полностью попал во власть Дягилева.

Имея в труппе прекрасного танцовщика, Сергей Павлович решил

превратить его в режиссера. Для постановки был выбран «Послеполуденный отдых фавна» Дебюсси. Всего 12 минут музыки, но за эти 12 минут Нижинский показал совсем другой балет, тот балет, к которому зритель был просто не готов, — балет двухмерного пространства, лишенный классических основ, балет, где идея нового танца куда важнее музыки.

Нижинского, разумеется, не поняли. Он был освистан, хотя некоторые его и поддержали, в частности, Огюст Роден, который впоследствии хотел изваять скульптуру Вацлава. Работа не была окончена, так как ревнивый Дягилев постоянно под разными предлогами отменял сеансы позирования.

«Не пошел» у зрителей и спектакль 1913 года — «Весна священная». Был ли тому виной сам Нижинский или музыка Стравинского и декорации Рериха, теперь уже не узнать. Но зал снова свистел, зрителей, не выдерживавших рваной музыки и страстной энергетики танца, выводили из зала...

Нижинский был раздавлен. Он страдал, окончательно замкнулся в себе и думал, думал... Бог знает, какие мысли крутились в его голове, но считают, что именно в это время безумие начало проникать в него.

В этом подавленном состоянии он отправился с труппой на гастроли в Южную Америку. На этот раз Дягилева рядом с ним не было. Сергею Павловичу нагадали, что ему суждена смерть от воды, поэтому

он отказался от многодневного путешествия на пароходе. И произошло то, чего так боялся Дягилев — Нижинского... увели.

Но не очередной поклонник его молодости и таланта, как можно было бы предположить, а молодая очаровательная голубоглазая блондинка — балерина Ромола де Пульски.

Эта венгерка, дочь известной в Будапеште драматической актрисы, красивая, обеспеченная, предприняла немало усилий, чтобы заполучить Нижинского. Специально для этого она выучилась танцевать, причем настолько хорошо, что смогла попасть в труппу «Русского балета» Дягилева и добилась того, что ее от-

правили в составе труппы на гастроли в Южную Америку, куда Карсавина поехать не смогла. Она неоднократно «знакомилась» с Нижинским, потому что он был столь рассеян, что не запоминал ни имен, ни лиц. Ее старания привели к тому, что прямо на пароходе, правда, не сам, а через третьих лиц, Нижинский сделал ей предложение. И они поженились в Буэнос-Айресе в католической церкви Архангела Михаила.

На этой свадьбе присутствовали русский и австро-венгерский министры, мэр Буэнос-Айреса, журналисты. Мэр говорил по-испански, и его переводили на русский, венгерский и французский языки, чтобы было понятно всем участникам и гостям церемонии...

Дягилев, узнав о женитьбе Нижинского, пришел в ярость. Он сообщил ему, что «Русский балет» больше не нуждается в его услугах. По сути, именно с женитьбой на Ромоле и закончилась балетная карьера Нижинского. Он пытался работать самостоятельно, но ничего не получалось, денег не было, а вскоре у них с Ромолой родились дочери Кира и Тамара. Нижинский постепенно начал сходить с ума.

Когда Ромола поняла, что, по сути, именно она стала причиной того, что Вацлав расстался с балетом, то пришла в ужас. Она видела, что ее муж умирает без работы, умирает его мозг. Много раз и она, и Дягилев, давно простивший беглого возлюбленного, пытались оживить

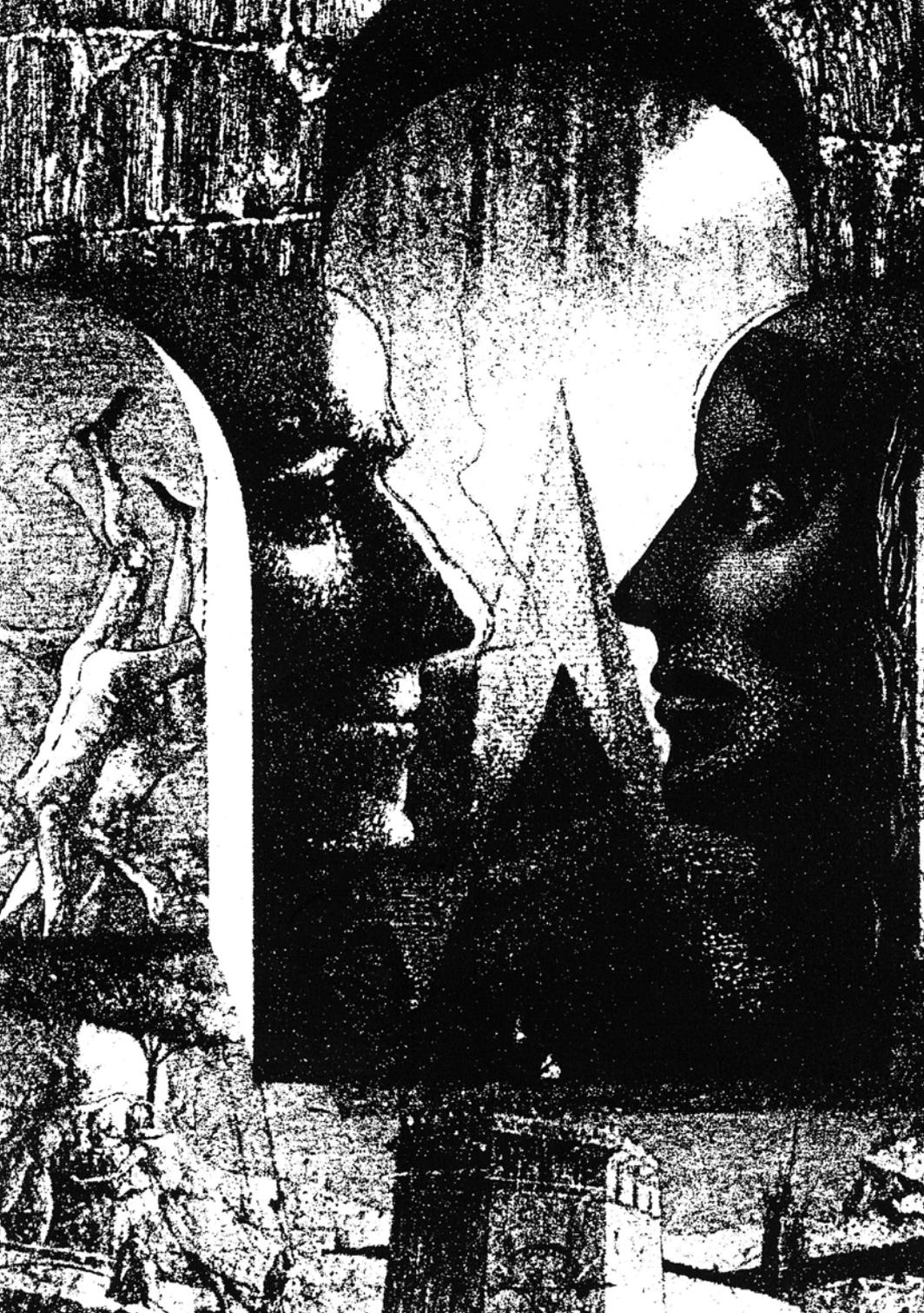
*Памятник на могиле
Вацлава Нижинского*

его сознание с помощью музыки, танца, но Нижинский уходил все дальше и дальше... Ромола даже пригласила Сержа Лифаря, чтобы он станцевал перед не молодым уже Нижинским. Лифарь танцевал несколько часов подряд, и в какой-то момент в затуманенных глазах Вацлава проснулось что-то, и он... прыгнул! Так, как прыгал раньше, с баллоном, с этим великолепным «зависанием» над сценой. Прыгнул и угас снова. То был его последний прыжок.

В Россию Нижинский после того памятного путешествия в Южную

Америку так и не вернулся. Он умер в Лондоне, в 1950 году, а через три года его прах перевезли в Париж и захоронили на кладбище Монмартра.

...Великий Божий Клоун, как он сам себя называл в дневниках, гениальный Петрушка, грустная марионетка в руках влиятельных любовников, великий артист, Вацлав не оставил нам ничего, что мы могли бы увидеть, — только грустное осознание того, что когда-то он был — Нижинский... □

Элоиза и Абеляр

На заре XII века в южной Франции, в Провансе, возникла и постепенно вошла в обиход так называемая куртуазная любовь. Мужчине, чтобы добиться благосклонности благородной дамы, приходилось долго за ней ухаживать, оказывать всяческие знаки особо пристрастного внимания. То была первая победа, настоящий триумф, одержанный слабым полом в мрачном средневековье. Однако первая пара возлюбленных, пошедших на такой неслыханный риск, жестоко поплатилась за это, о чем на разные лады трубят вот уже восемь столетий.

Их звали Пьер Абеляр и Элоиза Фульбер.

Пьер дю Палле, известный во всем мире как Абеляр, родился в 1079 году в небольшом городке в Бретани. Родители старались дать ему хорошее воспитание. И вот, с бла-

гословения отца, он отправился в Париж и поселился в знаменитом Латинском квартале, который получил такое название потому, что приезжавшие со всех стран Европы

студенты разговаривали между собой на одном, понятном им всем языке — латинском. Все они посещали монашескую школу, расположенную рядом с первой, построенной еще древними римлянами, базиликой Нотр-Дам, куда записался и Абельяр, а очень скоро и возглавил ее.

Он открыто, не стесняясь, называл себя «единственным стоящим чего-то на земле философом». Им восхищались мужчины, его обожали женщины. Но змий-искуситель уже подстерегал его, беда «караулила» в доме, расположенном в двухстах шагах от того класса, где Абельяр читал студентам нравоучения.

В это время в Париже жила милая девушка по имени Элоиза. Родилась она, вероятно, в 1100 году. Ее родители умерли, когда девочка была еще совсем маленькой, и ее взял на воспитание дядя — каноник Фульбер. Они жили в одном из домиков для священнослужителей на территории храма, на котором до сих пор сохранилась надпись: «Здесь жили Элоиза с Абельяром. Искренние возлюбленные. Драгоценные образцы для подражания. Год 1118».

Дядюшка отдал Элоизу на воспитание в женский монастырь Святой Марии. Монастырь славился тем, что там жили несколько монахинь, обладавших поистине великой эрудицией. И Элоиза к четырнадцати годам не только читала, но и свободно разговаривала на ла-

тинском, греческом и древнееврейском языках.

Слава о невероятных познаниях девочки достигла Нотр-Дама, вызывая восхищение у студентов. А непредсказуемая Судьба уже готовила почву для неизбежной встречи Абельяра с Элоизой.

Однажды каноник Фульбер пригласил Абельяра к себе домой, дабы продемонстрировать дорогому гостю два своих бесценных сокровища: обширную библиотеку и умницу-племянницу. За столом, под звон бокалов, Абельяр, словно невзначай, осведомился, не сдадут ли ему внаем какую-нибудь спальню. За что обещал неплохо заплатить и, к тому же, бесплатно стать домашним учителем племянницы.

«Вначале нас соединила общая крыша, а потом уж жаркие сердца! — признавался Пьер. — Под предлогом занятий мы целиком отдавались любви; уроки для нас стали лишь теми минутами, когда нас влекла друг к другу таинственная, непреодолимая сила; в наших беседах сухие ученые слова вытеснялись нежными и любовными, объяснения трудных мест в текстах откладывались из-за страстных поцелуев...» А Элоиза вторила ему в своих письмах: «Есть ли на всем свете хоть одна королева или принцесса, которая не завидовала бы мне?»

Абельяр был для Элоизы знаменитым ученым, великим мыслителем, мудрым, красивым, обаятельным человеком — как же не подчи-

няться его малейшему капризу? Да, она его любила. И Абельяр очень скоро понял, что влюблен так же глубоко и страстно, как и она, его Элоиза. Капкан любви захлопнулся, и оба оказались его пленниками на всю жизнь.

Все вокруг уже открыто называли Элоизу «любовницей» Абельяра, но она, как ни странно, этим только гордилась. А какая женщина на ее месте не испытывала бы гордости за связь с таким великим человеком? Она была счастлива оттого, что именно ей, круглой сироте, Абельяр отдал предпочтение перед остальными знатными красавицами.

В Париже теперь все знали, что происходит в доме каноника Фульбера, кроме самого хозяина. Прошло несколько месяцев, когда, наконец, у него открылись глаза на то, чем на самом деле занимаются в его доме ученый постоялец и племянница. Однажды ночью Фульбер застал их и, потрясенный увиденным, указал совратителю на дверь.

После громкого скандала их ожидала долгая разлука. Теперь, лишившись возможности встречаться, возлюбленные тайно обменивались любовными письмами. Вскоре Элоиза поняла, что скоро станет матерью, и с восторгом сообщила об этом Абельяру, спрашивая, как следует ей поступить. Будущий отец, конечно, понимал, что произойдет с Элоизой, если обо всем узнает ее опекун.

Однажды ночью Абельяр тайно проник в дом к своей возлюбленной и увез ее с собой в Бретань. Там вскоре родился сын, которого тут же отдали на воспитание дальним родственникам, и ни мать, ни отец больше никогда не видели своего ребенка.

Угрызения совести, однако, не давали Абельяру покоя. Ведь, по существу, только он один был виноват в несчастье старика и нравственном падении его племянницы. Он долго размышлял над тем, как избавиться от тяжкого греха, и, укротив гордость, полгода спустя после рождения сына, решил пойти к убитому горем канонику и просить прощения за содеянное. Призвав на помощь все свое красноречие, Абельяр выразил готовность жениться на Элоизе. Но лишь при одном условии: их брак будет сохранен в тайне.

Каково же было его изумление, когда Элоиза наотрез отказалась идти с ним под венец, хоть тайно, хоть явно! Наверное, никогда еще ни одна женщина с такой холодной рассудительностью не выступала против ритуала, который все женщины на свете считают венцом своих желаний.

Какую славу принесет она своему мужу, запальчиво возражала Элоиза, если тем самым покроет его бесчестьем и унизит как великого ученого? Элоиза живо нарисовала малоприятную картину скучной повседневной супружеской жизни: грязные, орущие младенцы, вонючие пеленки, постоянные заботы об

их пропитании. Разве приземленные домашние хлопоты приличествуют такому великому философу, каким является ее любимый?

Выдвинутые Элоизой в споре с Абеяром убедительные аргументы будут на протяжении столетий подхвачены многими выдающимися личностями, видевшими в браке лишь тяжкие оковы. Однако ни один из приводимых аргументов в пользу отказа от брака не мог заставить Абеяра отказаться от женитьбы на ней.

Чувствуя, что Абеяра неумолим, Элоиза смирилась с его твердым решением и, разрыдавшись, произнесла почти пророческую фразу: «Нам ничего другого не остается, но подстерегающий впереди Рок принесет нам такие страдания, которые по своей мучительности могут сравниться только с пережитой нами страстной любовью»...

И вот однажды, рано утром, Элоиза с Абеяром обвенчались в присутствии нескольких близких друзей, давших торжественную клятву не разглашать тайну новобрачных. Сразу же после брачной церемонии они расстались. Абеяра возобновил курс лекций в университете, а Элоиза поселилась в монастыре Святой Марии. Абеяру было уже под сорок, Элоизе даже не исполнилось восемнадцати.

Хотя слухи о двух «великих грешниках» и их странном «тайном браке» немного поутихли, каноник Фульбер не смирился с похищением племянницы. Однажды ночью, когда Абеяра

спал, его подкупленный слуга открыл дверь на условный стук. На пороге стоял Фульбер и врач с медицинским сундучком. Набросившись на спящего Абеяра, они привязали его толстыми веревками к кровати и задрали ночную рубашку. В руках хирурга сверкнул острый скальпель. В ту же минуту острейшая боль в паху пронзила Абеяра...

Это преступление радикальным образом изменило жизнь влюбленных. Абеяра решил стать монахом и отослал несчастной, разбитой горем Элоизе письмо, в котором потребовал, чтобы и она постриглась в монахини в Арженштейе. «Да будет на то воля твоя!» — смиренно ответила Элоиза.

На этом кончается история любви — всеобъемлющей, земной, физической и краткой, любви, которая длилась, от силы, два года... Но там, где она внезапно обрывается, начинается другая любовь — духовная, ибо и Абеяра, и Элоиза умели любить друг друга и на расстоянии.

Элоизе исполнилось всего девятнадцать, когда она, по требованию Абеяра, постриглась в монахини. Всего каких-то жалких восемнадцать месяцев ей было отпущено судьбой, чтобы почувствовать себя настоящей женщиной, вкусить кусочек от жизненных радостей. Она стала аббатисой монастыря Арженштей. Конечно, Элоиза была обязана подавать во всем пример своим монахиням и не любить никого, кроме Бога. Но... Ни утомительные молит-

вы, ни насильственное умерщвление плоти не могли утолить ее любви к мужу.

Абеляр тоже не мог забыть свою возлюбленную, и его визиты в монастырь участились. Увы, но и эти встречи вызывали у окружающих подлое подозрение. Ему приходилось горестно сокрушаться: «Ненависть моих врагов такова, что, вероятно, не пощадила бы и самого Христа!» Он не раз признавался Элоизе, что опасается за свою жизнь. Давление на него со стороны Церкви усиливалось, и Абеляру не оставалось ничего другого, как сдаться.

В 1141 году, больной, разбитый, немощный шестидесятилетний калека, Абеляр пешком отправился в Рим, чтобы лично предстать перед папой Иннокентием II. По дороге он останавливался в монастырях, чтобы немного отдохнуть и набраться сил. Но истерзанному, измученному жизнью и великой любовью к Элоизе старику уже ничто не могло по-

мочь. 12 апреля 1142 года Абеляр наконец обрел покой, которого никогда не имел здесь, на грешной земле...

Скорбная весть о смерти возлюбленного мужа сразила Элоизу. Тело Абеляра привезли для захоронения в ее монастырь. Она ухаживала за его могилой, пока не присоединилась к нему. Элоиза тоже прожила 63 года...

В 1814 году их останки перенесли в Париж и предали земле в одной могиле на кладбище Пер-Лашез.

Сохранилась прекрасная легенда об этой замечательной паре вечных влюбленных. Говорят, в тот момент, когда в могилу к супругу опустили тело Элоизы, Абеляр простер к ней руки, чтобы обнять ее. А может, сама Элоиза раскрыла свои объятия, чтобы навсегда принять в них любимого Абеляра. Это мог сделать каждый из них. Кто рискнет измерить на весах истории, чья любовь была сильнее? □

Эми Поттер

Лотерея

— Он обошелся мне всего в доллар! — возбужденно воскликнул Дональд, шумно отхлебывая кофе. — И этот доллар может принести нам сорок два миллиона!

— Зачем нам столько? — удивилась я, переворачивая на сковородке его любимые сырные ломтики. — Ты не рад тому, что у нас уже есть? У тебя хорошая работа, нормальная зарплата...

— Тогда я смогу купить тебе новую машину, — гордо сообщил он, — такую же, как у Маргарет.

— Мне больше нравится «катласс», — буркнула я. — Он такой же надежный, как ты.

Дональд обиженно засопел и, с громким стуком поставив кружку на стол, удалился в гостиную.

— Почти готово, — предупредила я, нарезаю хлеб и прислушиваясь к шипению жарящегося сыра. — Далеко не уходи.

— Я только на минутку, в гараж.

Услышав, как хлопнула входная дверь, я подошла к окну и раздвинула шторы. У гаража Дональд обернулся, и я помахала ему рукой — словно на прощанье. Он покачал головой.

— А жаль, — прошептала я.

Как обычно, ужин прошел в молчании, лишь изредка нарушаемом сопением Дональда. Обмакнув свой сэндвич в гороховый суп с беконом, он попытался запихнуть его в рот целиком. То, что туда не уместилось, осталось у него на губах и подбородке. Зрелище было не из приятных, и я поморщилась.

— Дорогой, тебе бы стоило поучиться хорошим манерам.

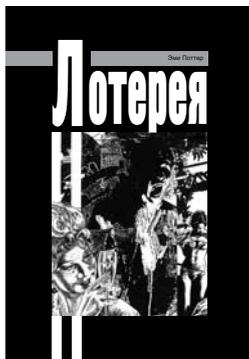
— Бетти, да что на тебя нашло?! — Он стукнул по столу кулаком, и немного супа пролилось на скатерть. — С того момента, как я сказал тебе про лотерейный билет, ты ведешь себя как настоящая стерва!

— Билет здесь ни при чем, — холодно ответила я, стараясь не вспылить. — Просто я устала от твоих манер. Или от их отсутствия.

— Раньше тебя это почему-то не волновало. — Утершись тыльной стороной ладони, Дональд оглядел меня с головы до ног: — Между прочим, ты и сама, знаешь ли, не подарок.

— Да, дорогой, ты, как всегда, прав.

Я положила ложку, промокнула уголки губ салфеткой и, встав из-за стола, принялась складывать свою посуду в мойку. Пустила воду, выдавила на тарелку остатки «фэйри»... Молча доев суп и сэндвич с сыром, Дональд прошествовал в гостиную и включил телевизор, предоставив домысливать всю посуду мне.

Как обычно. Он ужинал, смотрел телевизор, ложился спать, утром вставал и отправлялся на работу... и так пять дней в неделю. Я же, как примерная домохозяйка, готовила, стирала, гладила, перешивала ему брюки, когда он прибавлял очередные несколько фунтов... Так продолжалось уже тридцать лет подряд, и пытаться изменить этот давно ставший привычным ритуал не имело смысла.

Опустив руки в горячую мыльную воду, я достала тарелку. Каемка в синий и желтый цветочек была измазана кетчупом. Я стерла его губкой и вздохнула.

Из гостиной донеслось сосредоточенное сопение Дональда. Ну, как же, новости!

«Вчера ночью была изнасилована и убита маленькая девочка...»

Дональд крикнул.

«Убийца нанес семнадцать ножевых ранений...»

Дональд шмыгнул носом.

Я начала вытирать тарелки.

«Пока что расследование не дало положительных результатов...»

Тишина.

Поставив посуду в шкаф, я заглянула в гостиную. Дональд, запрокинув голову и приоткрыв рот, спал в своем любимом продавленном кресле.

Я выключила телевизор, достала вязание и уселась на диван.

— Когда у меня будет сорок два миллиона, я, наконец, заживу полной жизнью! — как зачарованный, проговорил Дональд, уставившись на лотерейный билет.

— Полной? — усмехнулась я, бросая полоску бекона на сковородку. — У нас и так есть все, что нужно.

— Но ты же всегда мечтала о путешествиях...

— Это ты мечтал! А мне и здесь хорошо. — Я повернулась к нему: — И тебе, между прочим, тоже было неплохо.

Он фыркнул, спрятал билет в карман и, запихивая в рот жареное яйцо, промычал:

— Зря мы не завели детей. Они бы не дали тебе скучать.

Подцепив вилкой последнюю полоску бекона, я бросила ее ему на тарелку и сквозь стиснутые зубы процедила:

— Возможно.

— Вон, у Маргарет целых шестеро.

— Ей повезло.

Дональд смахнул застрявший в уголке рта кусочек желтка, встал и, выйдя в прихожую, начал натягивать пальто.

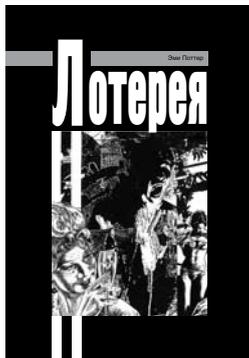
— Вечером у нас цыпленок?

— Как всегда по средам.

Я отодвинула тарелку с остывшей яичницей и посмотрела на свои руки. Морщины... Раньше их не было и в помине. Я встала, вышла в спальню, глянула в зеркало и... замерла. Мои волосы — когда-то золотистые — теперь отливали серебром. В уголках глаз расплзлась сеточка «гусиных лапок», губы казались поджатыми и застывшими в недовольной гримасе. Грудь потеряла упругость и обвисла, тонкая талия исчезла... Я уже далеко не та, на которой вечность назад женился Дональд, а лишь слегка походила на нее. Эта женщина — такая красивая, что по сравнению с ней я ощущала себя уродиной — изредка напоминала о себе в самые неожиданные моменты, но только тогда, когда этого хотелось ей... а не мне. Она могла потряхнуть головой, разметав по ветру пышную гриву волос, вырядиться в коротенькое красное платье, обтягивавшее ее, словно вторая кожа... Когда она смеялась, то от хохота сотрясалось все ее тело, белозубая улыбка могла заморозить любого мужчину... Любого!

Да и Дональд в те времена тоже был парень не промах, с густой шевелюрой, не то, что сейчас — реденький венчик волос вокруг лысой макушки. Он встречал меня после работы на черной машине с опускающимся верхом и увозил за город, дарил цветы (украденные из соседского сада) и то и дело норовил запустить мне руки под блузку. Он был таким же страстным, как и я. Я дожидаться не могла, когда мы с ним окажемся наедине, увидеть, как загораются его глаза при виде моего обнаженного тела... Как мы наслаждались друг другом!

Я опустила на кровать и посмотрела в окно. Маргарет, сидя на корточках, подстригала растительность во дворе своего дома. Придерживая верхушку куста, она щелкнула секатором, и на землю посыпались тоненькие веточки. Затем выпрямилась, поправила прозрачный пластиковый козырек и утерла пот со лба. Завидев машину Дональда, она послала ему воздушный поцелуй и... резко обернувшись, с испугом посмотрела на мое

окно. Я натянуто улыбнулась и помахала ей. Знала бы она, чего это мне стоило!

— Я видел, как Маргарет подстригала кусты у себя в саду, — с набитым ртом прочавкал Дональд, подбирая остатки соуса кусочком хлеба. — Очень мило. Может быть, тебе тоже...

— Еще цыпленка? — Насадив на вилку последний кусок, я сунула его ему под нос.

— Я сыт. — Он оттолкнулся от стола и, мечтательно закатив глаза, похлопал себя по карману рубашки: — Завтра тираж лотереи, и тогда...

— Ты и впрямь считаешь, что сорок два миллиона сделают нас счастливее?

— Что значит — счастливее? А ты что, несчастна? Вот уж никак не думал, что я у тебя такой плохой!

— Просто я...

— Ну, конечно! Ведь я даже не догадывался, какое ты ведешь жалкое существование! В доме, который купил тебе я, с машиной, которую подарил тебе я, на деньги, которые зарабатываю тоже я! — Он вскочил и пнул стул с такой силой, что тот проехал через всю кухню. — Ах, бедняжка Бетти, живет в таком чудесном доме и по-прежнему несчастна!

Я положила вилку и начала разминать затекшие запястья — в последнее время они болели все сильнее.

— А вот Маргарет жаловаться не стала бы!

Чтобы не сорваться, я сжала кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

— Может, тебе на ней и следовало жениться?

— Может быть! — Оставив меня на кухне, он прошествовал в гостиную и включил телевизор. Было слышно, как он что-то бормочет, но кроме слова «неблагодарная», мне ничего не удалось разобрать. А потом начались новости.

«Мужчина застрелен в собственном доме...»

Дональд шмыгнул носом.

«Соседи услышали три выстрела и вызвали полицию...»

Дональд фыркнул.

«Убийца успел скрыться еще до прибытия блюстителей закона...»

Тишина.

«Пока что поиски не дали никаких результатов...»

Я заглянула в гостиную и выключила телевизор. Как обычно, Дональд спал — запрокинув голову и приоткрыв рот. Я достала вязание...

— Сегодня мой самый счастливый день!

Я обмакнула кусок хлеба в растопленное масло и бросила его на сковородку. Масло тут же зашипело и брызнуло мне на руку, но я даже не поморщилась.

— Можешь начинать паковать вещи, Бетти. — Дональд похлопал себя по карману. — Вот он, мой билет в новую жизнь.

— Еще гренок не хочешь?

— Нет, наелся до отвала. Не желаешь подровнять сегодня кустики? Может, тогда выручим за дом немного побольше?

— Если Маргарет одолжит секатор. — Я стояла спиной к нему, с нетерпением дожидаясь его ухода.

— Умница моя! — хмыкнул он и ущипнул меня за ягодичку так, что я подпрыгнула.

Хлопнула дверь. Я по привычке взяла со стола его тарелку, на которой в лужице сиропа застыл недоеденный гренок. А потом с размаху швырнула ее в раковину и, вытерев руки о фартук (подарок Дональда к прошлому Рождеству), решительно направилась в прихожую.

— Ты и в самом деле подстригла кусты! — У Дональда был удивленный вид. — Надо же! Секатор у Маргарет одолжила?

— У нее. — Я положила ему на тарелку еще кусок лазаньи. — Чесночный хлеб будешь?

— А как же!

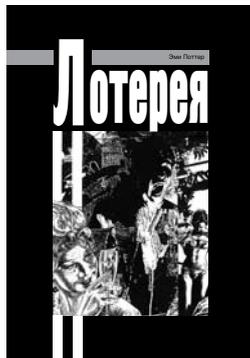
Я посмотрела на висевшие над плитой часы:

— Почти шесть.

— Черт, ну, конечно, лотерея! — Он схватил свою тарелку и бросился в гостиную, крикнув на ходу: — Дорогуша, захвати мое молоко.

Я медленно отодвинулась от стола вместе со стулом, взяла его стакан и направилась следом за ним. Телевизор был включен на полную мощность, и музыкальная заставка программы была по ушам.

— СЕГОДНЯ ПОБЕДИТЕЛЮ ДОСТАНУТСЯ СОРОК ДВА МИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ!!!

Дональд прочистил горло.

— ИТАК, ЛЕДИ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, ПЕРВЫЙ НОМЕР — «СЕМЬ»!

Как раз в июле мы и поженились.

— СЛЕДУЮЩИЙ... «ДВАДЦАТЬ ДВА»!

Мне тоже тогда было двадцать два.

— Да! Да, черт возьми! — Дрожа от возбуждения, Дональд выхватил билет из кармана и воскликнул: — Пока все сходится!

Я протянула ему стакан.

— Поставь на столик! — рявкнул он, придвигаясь к телевизору чуть ли не вплотную. — Не видишь, что ли, я занят!

— НА СЕЙ РАЗ ВЫПАЛО... «ТРИДЦАТЬ»!

Совсем недавно мы отпраздновали тридцатую годовщину нашей свадьбы...

— А СЕЙЧАС, ЛЕДИ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, У НАС... «ТРОЙКА»!

Мы познакомились третьего октября...

— «ДЕСЯТЬ»!

— Дональд...

— Бетти, мать твою, ты загораживаешь мне экран!

Я вздрогнула, как от пощечины, выбежала в спальню, рухнула на кровать и... вскрикнула от боли — секатор Маргарет, о котором я совсем забыла, весьма чувствительно кольнул меня в бедро.

— ВСЕГО ДВА НОМЕРА, ДРУЗЬЯ! И ТАК... ВЫПАЛО «ПЯТЬДЕСЯТ ДВА»!

Мне пятьдесят два года...

— Сейчас объявят последнее число! — Было слышно, как Дональд топнул ногой. — Господи, вот бы повезло! Я должен убраться из этой чертовой дыры!

Я положила руку на секатор, провела пальцами вдоль лезвий...

— ОСТАЛСЯ ПОСЛЕДНИЙ, САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР! СЕЙЧАС, ДРУЗЬЯ МОИ, КТО-ТО ИЗ ВАС СТАНЕТ... МУЛЬТИМИЛЛИОНЕРОМ!!!

— Господи, ну, не тяни же, идиот!

Я вошла в гостиную, держа руку за спиной. Дональд, потный и растрепанный, нетерпеливо ерзал на краешке кресла, стискивая в дрожащих пальцах свой драгоценный билет.

— Дональд! — едва слышно прошептала я.

— Бетти, отстань, я занят! Понятно?!

Он даже не посмотрел в мою сторону. Поэтому так и не узнал, что именно вонзилось ему в грудь в районе сердца, а потом с силой вошло в глазное яблоко.

— НОМЕР «ДЕВЯТНАДЦАТЬ»! ПОЗДРАВЛЯЕМ ОТ ВСЕЙ ДУШИ!!

Я бросила секатор на пол рядом с Дональдом, который больше не фыр-кал... не сопел... не рыгал... не шмыгал носом... и подняла розовый билетик. 3... 7... 10... 19... 22... 30... 52...

— Дорогой, ты был прав, — улыбнулась я и посмотрела на него. Он лежал, скорчившись возле кресла, и вид у него был весьма жалкий. — Билет-то и в самом деле выигрышный.

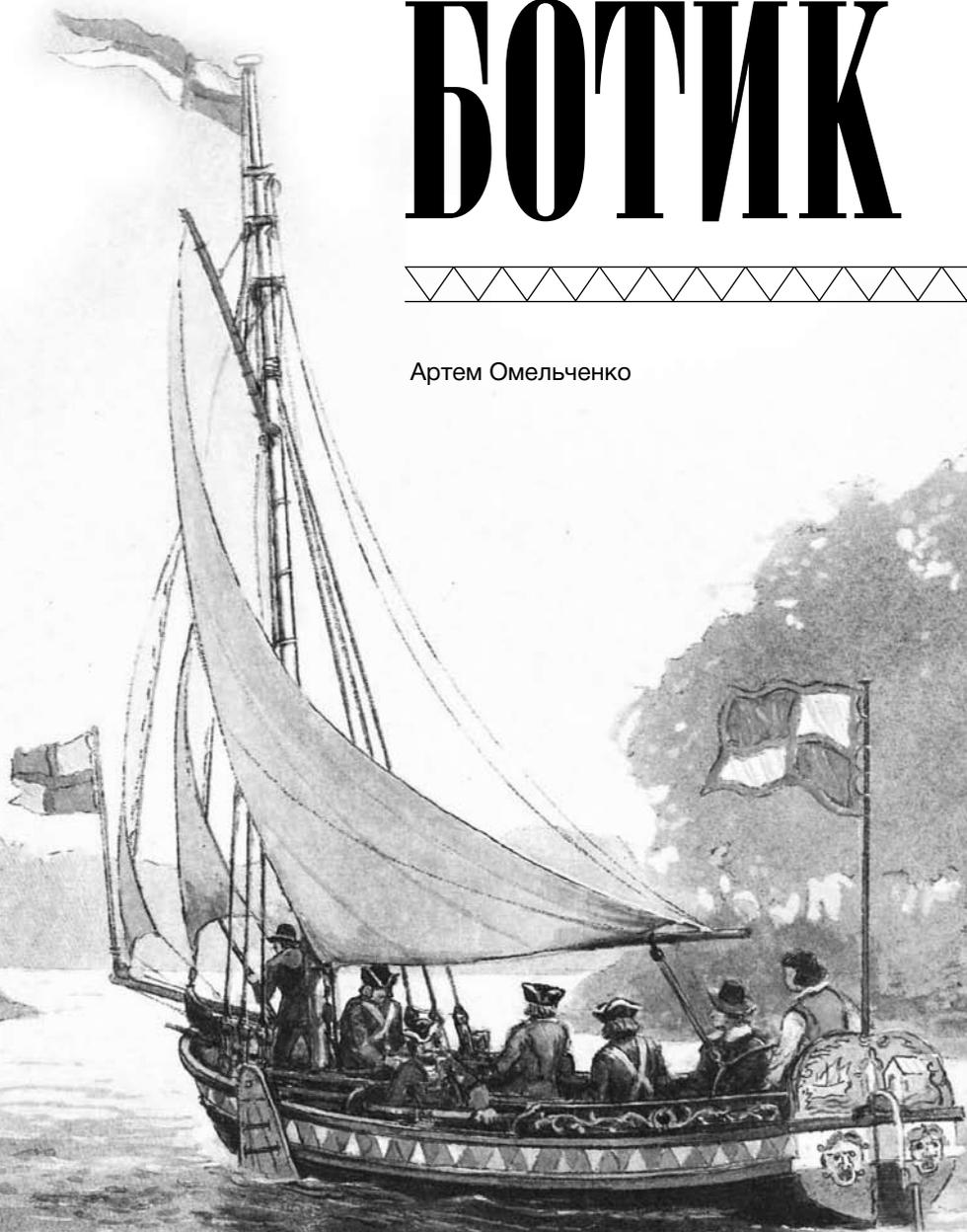
Из приоткрытого окна подул прохладный ветерок, и на душе у меня стало легко и спокойно. Я положила лотерейный билет в карман фартука, погладила его ладошкой, вышла из дома и села в свой старенький синий «катласс». Вставила ключ в замок зажигания, достала пачку сигарет из тайника под сиденьем и закурила — наконец-то в открытую! Выпустила густую струю дыма в ветровое стекло. А затем задним ходом вырулила с подъездной дорожки на улицу и, поворачивая в сторону банка, во весь голос закричала:

— Сегодня мой самый счастливый день!!! □

Перевод с английского **Дмитрия Павленко.**

БОТИК

Артем Омельченко

Петра Великого

*Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпении
Конь Великого Петра.*

...Вся поэзия выдающейся русской поэтессы Анны Андреевны Ахматовой просто напоена петербургским воздухом. И, наверное, поэтому, едва я начал работать над материалом, сразу оказался в плену ярких магических поэтических образов...

Поэзия Петербурга. Это понятие трудно определяемое, но все петербуржцы очень отчетливо чувствуют:

*Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера, —
Над Невой темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.*

В одном из залов Центрального военно-морского музея в Санкт-Петербурге находится интереснейший экспонат — ботик Петра I. Историки называют его «дедушкой русского флота», потому что этот

обычный ботик стал свидетелем очень многих значительных событий в истории страны. Он присутствовал при самом зарождении русского военно-морского флота и видел его первые победы...

Чтобы упрочить государство и дать возможность развиваться русской торговле, непременно нужен был выход к морям. Петр I понимал это, как никто другой, и именно он стал основателем и создателем русского флота.

Петра с самого детства тянуло к морю. Он с удовольствием изучал морское дело, занимался арифметикой, астрономией, фортификацией, артиллерией. А самые первые уроки морского дела ему преподавал бывший моряк голландец Франц Тимерман, живший в России.

Однажды, гуляя с Тимерманом, Петр обнаружил в амбаре села Измайлово среди вещей своего двоюродного деда боярина Никиты Ивановича Романова небольшую шлюпку. О том, как это произошло, он написал в предисловии к Морскому уставу 1720 года: *«... случилось нам быть в Измайлове на алленом (льняном) дворе и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дома деда Никиты Ивановича Романова, увидел я судно иностранное, спросил вышереченного Франца, что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил, где его употребляют, он сказал, что при кораблях для езды и воски».*

Что же представлял собой знаменитый ботик Петра Великого и каким образом он стал национальной морской реликвией, получившей название «дедушка русского флота»?

Оказывается, своими габаритами он ничуть не превосходил обычную небольшую шлюпку и весил менее 80-ти пудов. Длина его составляла 19 футов 9 дюймов, ширина 6 футов 5 дюймов, а высота, от киля до верха, всего 2 фута и 8 дюймов. Высота мачты равнялась 21 футу, флагшток — 8-ми футам. Выкрашен был бот красной краской, а по борту его шла полоса, состоящая из треугольников белого, красного и зеленого цветов. Над полосой этой в кормовой половине, на чуть возвышенной части борта, была нарисована желтой краской гирлянда.

Ремонт ботика Петр I поручил голландцу Карстену Брандту, приехавшему в Россию в составе группы мастеров для строительства первого русского военного корабля «Орел».

Когда корабль был построен, Брандт стал служить на нем плотником и «товарищем корабельного пушкаря». По чину это был артиллерийский унтер-офицер.

Он оказался настоящим асом, в совершенстве владевшим плотницким делом, и не только очень быстро отремонтировал ботик, но стал и первым наставником Петра в управлении им. Много позже сам Петр вспоминал: *«... на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом когда я часто употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил, для чего так, он сказал, что уска вода, тогда я и перевез его на Просяной пруд...»*

По велению юного царя ботик был перевезен в московский Кремль, где бережно хранился до 1722 года.

Потом он еще трижды подвергался ремонту. В 1722 году его приводил в порядок Филипп Пальчиков. И поныне имеется сохранившийся документ, который свидетельствует, что ремонтными работами весьма интересовался сам царь, и что велись они под непосредственным его наблюдением.

Тот ремонт 1722 года был совсем незначительным, так же, как и в 1874 году, когда ботику только заменили сгнивший киль и произвели окраску корпуса, в частности, подправили росписи его декора. В 1969 году весь корпус судна был промыт специальным раствором. Реставраторы установили на место гюйсшток,

изготовили пять утраченных деревянных окованных юферсов, выточили из металла муляж пушечного ствола, также утраченного.

В январе 1722 года, празднуя победу России в Северной войне со Швецией, важную роль в которой сыграл флот, царь приказал установить ботик на специальном постаменте в центре Кремля для всеобщего обозрения. И мимо него протащили, поставив на полозья, макеты больших кораблей, принимавших участие в той войне.

После празднеств Петр принял решение переправить ботик в Санкт-Петербург. Перевозка осуществлялась с большими предосторожностями. Четыре месяца длилось то путешествие «дедушки русского флота». Только 30 мая 1723 года его торжественно встретили на Неве, у стен

с почетом установлен на Государевом бльверке Петропавловской крепости. Однако это место для него оказалось далеко не идеальным.

Некоторое время он стоял под открытым небом, и только в середине февраля его прикрыли промасленной парусиной. В 1761 году в Петропавловской крепости по проекту архитектора А.Ф. Виста был сооружен изящный павильон — Ботный домик.

При праздновании 100-летия со дня основания города на Неве, 16 мая 1803 года, «дедушка русского

флота» находился на шкафуте десятипушечного корабля «Гавриил». Почетными стражами его были четыре столетних моряка петровского времени.

Свое очередное и важное длительное путешествие ботик предпринял весной 1872 года. В торжественной обстановке он отправился в Москву, где открывалась Политехническая выставка, посвященная 200-летию со дня рождения Петра I.

Морской раздел выставки начинался знаменитым «дедушкой русского флота».

В 1928 году из Петропавловской крепости его перевезли в Петергофский парк и поместили в бывшем Птичьем вольере. А в августе 1940 года исполком ленинградского совета депутатов трудящихся принял решение передать ботик на вечное хранение в Центральный военно-морской музей, куда его и доставили осенью того же года.

Во время Великой Отечественной войны ботик покинул Ленинград: 16 июля 1941 года на речной барже он был отправлен в Ульяновск, а в марте 1946 года по железной дороге вернулся обратно в музей.

Более трехсот лет прошло с тех пор, как Петр I нашел в сарае ботик, положивший начало созданию

русского военного флота. И очень символично, что через века переплелись судьбы «дедушки русского флота» и его «внучат», экипажи которых отличились во многих сражениях, в проведении многочисленных экспедиций, в осуществлении географических открытий и исследовании Мирового океана...

В 1720 году в «Похвальном слове» в честь Гренгамской победы новгородский архиепископ Феофан Прокопович написал о ботике:

«Кто не скажет, что малый ботик против флота есть аки зерно противу древа?.. О ботик, позлащения достойный... Мой бы совет был ботик сей блюсти и хранить в сокровищах на незабвенную память последующему роду!» □

Ковчет

Татьяна Харламова

на Красной Пресне

Справа: Манул — символ Московского зоопарка

Анекдот из жизни животного мира:

Сидят в лаборатории две обезьяны, старая и молодая. За стеклом бегают лаборант в белом халате. «Кто это?» — спрашивает молодая мартышка. «Да лаборант дрессированный», — отвечает старшая. «Как это, дрессированный?!» — не понимает молодая. «Да очень просто. Как только мне захочется съесть банан, я нажимаю вот эту красную кнопку, и он тут же приносит»

Московский зоопарк готовится к своему важному юбилею — ему исполняется 150! Сейчас здесь прописаны восемь тысяч зверей, птиц, рыбок и рептилий разных мастей. Ежегодно он принимает больше двух миллионов посетителей.

Летом в зоопарке особенно многолюдно. У вольеров собираются сотни детей и взрослых, приходят целыми семьями, чтобы полюбоваться грацией тигра или забавной неуклюжестью белого медведя. Чтобы глубже познать мир природы и острее ощутить родство с нашими братьями меньшими.

Первое, что попадает на глаза, — это капибара. Ее уютное жилище расположено у самого входа в зоопарк. Она очень важная, можно даже сказать, самодостаточная, смо-

трит на посетителей слегка снисходительно или вообще не удостоивает внимания. Капибара — самый крупный в мире грызун. Она быстро привыкает к человеку и хорошо поддается дрессировке.

А несколько лет назад в зоопарке распахнул двери роскошный Дом птицы. Здесь среди журчащих фонтанчиков прыгают с ветки на ветку изумительные попугаи и другие экзотические птицы самых разных расцветок. Модельерам надо бы приходить сюда каждый день. Напрасно говорят: «нарядился, как попугай». Их одежды, придуманные природой, и сочетания красок изумительны и неповторимы.

Здесь же можно получить настоящую релаксацию у аквариума с «пончиками», так любовно обозвали маленьких пингвинчиков сотруд-

ники зоопарка. Эти очаровательные создания то ныряют и плавают, как торпеды, то задумчиво созерцают друг друга.

Об обитателях зоопарка можно рассказывать бесконечно. Но лучше Джеральда Даррелла это сделать трудно. Так считает и директор Московского зоопарка Владимир Владимирович Спицин, поэтому он советует почаще брать в руки томики произведений этого писателя и фаната-зоолога. А мы поговорим о другом...

Зоопарк, по словам Владимира Владимировича, — не только среда обитания редких животных, но и научная лаборатория. Это семьсот че-

ловек, обслуживающих редких представителей флоры и фауны, большой живой организм, в котором все взаимосвязано и который должен развиваться.

— Владимир Владимирович, с чего все начиналось? — спросили мы. — **Как создавался этот «ковчег» в центре Москвы?**

— Мы были двадцатым зоопарком на момент, когда открылись. Сейчас их уже больше тридцати только в России.

— Какие цели и задачи ставили перед собой организаторы зоопарка сто пятьдесят лет на-

зад? Насколько изменились они сейчас?

— Сильно изменились. Во-первых, поначалу он располагался на десяти гектарах, а сейчас разросся и стал в два раза больше. Во-вторых, когда зоопарк создавался, ученые еще не осознавали, какую опасность для природы несет своей деятельностью человек. Кроме того, за это время произошли большие изменения и в самой науке биологии. И сейчас главная цель зоопарка — сохранение редких вымирающих видов и их воспроизведение.

Когда зоопарк только открылся, его коллекция насчитывала 286 жи-

вотных, и половина из них были чисто сельскохозяйственными. Тогда пропаганде знаний о сельскохозяйственных животных уделялось очень большое внимание. Потом эта функция перешла к ВДНХ...

Конечно, за сто с лишним лет в зоопарке очень многое изменилось. Мы стараемся знакомить людей с живым миром животных, который существует на сегодняшний день, потому что, сколько бы вы книг не прочитали, сколько бы фильмов об этом мире не посмотрели, ничто не заменит живого общения. Ведь в фильмах нет запахов, нет возможности взглянуть животному в глаза,

кроме того, часто о них рассказывается превратно. Например, в кино мы видим животных в движении, и создается впечатление, что хищники только и занимаются тем, что охотятся. А на самом деле лев, царь зверей, спит двадцать часов в сутки, а на все остальные потребности, включая охоту, ему хватает четырех часов. Только когда наблюдаешь за настоящим живым зверем, начинаешь понимать, какой он на самом деле. В зоопарке животные еще менее активны, потому что еду им приносят на «блюдечке с голубой каемочкой». Но, несмотря на это, в вольерах они живут в два раза дольше, чем на дикой природе.

— Как выживал и выживает сегодня зоопарк? Были ли за время его существования тяжелые кризисы или, наоборот, моменты процветания?

— Зоопарк всегда финансово существовал на деньги правительства, плюс пожертвования меценатов и деньги от лекций профессоров-биологов. Часто он находился на грани краха. Организация зоопарка была делом новым, и ученые, далекие от экономики, не понимали, что он никогда не может быть рентабельным, говоря сегодняшним языком, необходимы бюджетные вливания. К счастью, ему всегда удавалось выживать. Были, правда, и кри-

тические моменты, когда приходилось сдавать зоопарк в аренду частным лицам.

Самый сильный урон нанесла ему революция 1905 года, которая «полюхала» на Красной Пресне. Пушечные ядра разбили ворота и аквариум, сгорели все архивы в библиотеке. Поэтому историю приходится собирать по крупицам...

— Как развивался зоопарк в годы советской власти?

— К концу советской власти он пришел в жуткий упадок. В течение многих лет помещения не реконструировались, не создавались новые, но ведь зоопарк — живой орга-

низм, требующий постоянного обновления. Необходим и новый подход к экспонированию. Раньше животные сидели за решетками, а сегодня мы показываем их за стеклом, используем рвы. Это намного лучше и комфортнее и для зверей, и для посетителей.

— Действительно, за последние годы вы добились многого. А что еще планируете улучшить?

— Очень хочется, например, построить хорошую просторную оранжерею — это очень важная вещь для обеспечения кормами наших животных. А в будущем планируем экспо-

нировать в оранжерее бабочек и колибри.

Долго и тщательно строили громадный слоновник. Кажется, слонам там вполне комфортно. Недавно зоопарк пережил большую радость — здесь отметили свой день рождения четверо очаровательных белых мишек.

Зоопарк еще строить и строить, жизнь идет вперед, и многое уже приходится переделывать. А расширяться некуда, мы вплотную подошли к жилым домам. Существовали планы создания тропического отдела, но на его месте лет пять назад построили элитные жилые дома. Тишинский рынок тоже планировали отдать под зоопарк. Сегодня же речь об этом уже не идет. Конечно, городу необходим второй зоопарк. Но, кажется, это дело далекого будущего...

— Владимир Владимирович, существует мнение, что зоо-

парк всегда выживал благодаря, прежде всего, энтузиастам, работающим в нем. Как на сегодняшний день — не иссяк ли этот энтузиазм?

— Главный человек в зоопарке, как и прежде, — рабочий по уходу за животными. Это люди, для которых любовь к братьям нашим меньшим, — образ жизни. Именно они вытащили зоопарк в годы войны, особенно Первой мировой. Многие ученые и меценаты эмигрировали, и судьба животных оказалась в руках рабочих по уходу за ними. Как они выживали, трудно сказать. Но известно, что на каждом клочке земли были огороды, которые и кормили

животных. Продавали какие-то иглы дикобразов, поделки, чтобы прокормить своих подопечных. Сами голодали, но животных кормили. И сохранили зоопарк. Потому что к 1919 году, несмотря на войну и революцию, было что национализировать.

Одна из главных специальностей в зоопарке — зооинженер. Это специалист по содержанию животных в неволе: чем их накормить, как обустроить вольер. В научном отделе не так много специалистов — примерно пятнадцать человек, но все они заняты тем же — проблемой, как лучше обустроить животных в неволе, как сделать их жизнь комфортнее. И очень важно — условия

для размножения. Энтузиастов меньше не стало, все ставки сейчас заплачены. А работа очень тяжелая. Ведь главное — не только вовремя накормить животных, но и постоянно поддерживать чистоту в их жилищах.

— Скажите, все ли редкие виды животных экспонируются? Например, что-то давно не видно манула — симпатичную дикую пушистую кошку, которая стала символом зоопарка...

— Поначалу символом зоопарка был лось. В конце семидесятых-восьмидесятых на нашем логотипе появился манул — большая степная

пушистая кошка. Это редкое животное, которое мы разводим, ведем племенную книгу. К сожалению, долгое время манул не экспонировался, вольеры реконструировались. Это очень пугливая кошка, и ей необходимы особые условия для выживания и размножения. Поэтому манулы у нас, в основном, живут в Волоколамском питомнике под Москвой. Одну такую дикую кошечку мы показывали, но она росла в доме, с детьми, и привыкла к людям... В этом году мы можем порадовать поклонников этого пушистого обаятельного зверька. В Московский зоопарк доставили несколько манулов, которые после карантина переезжают в уютные комфортные вольеры.

В зоопарке много животных, которые не экспонируются по разным

причинам. Цель зоопарка — разведение, размножение редких видов — не всегда совмещается с посещениями публики. Тем более, в таком тесном зоопарке, как у нас. Для Москвы — это безумно маленький зоопарк, и он всего один. В Нью-Йорке, например, их — пять, в Вашингтоне — три.

— Что такое племенная книга? Она как-то связана со специализацией зоопарка? Ведь крупные зоопарки, как правило, специализируются на определенных видах животных, уделяют им особое внимание?

— Совершенно верно. Ведение племенных книг для зоопарка очень важно. Мы, например, ведем такие международные книги на манула и

белоплечего орла. Белоголовый орел — это символ Америки, а белоплечий живет на Камчатке. Это очень красивая птица. Будь наша воля, на российском гербе красовалась бы именно она. Это был бы двойной символ — красота, необычность, нестандартность России, плюс сохранение редчайшей птицы, которой в других регионах нет. Наш зоопарк первый, который добился размножения белоплечего орла. Также мы специализируемся на манулах, водоплавающих птицах и орангутанах. Недавно, например, в зоопарке произошло приятное событие, семейство орангутанов пополнилось очаровательной девчушкой...

— Сейчас многие зоопарки осуществляют программу выпуска редких животных, выращенных в зоопарке, в заповедники, в более естественные для них условия жизни. Московский зоопарк участвует в такой программе?

— Для того чтобы выпустить диких животных на природу, в заповедники, нужно их приучить к самостоятельной жизни. Пока эта программа в зачаточном состоянии, как и в большинстве зоопарков. А вот в программе реинтродукции для журавлей мы активно участвуем и выпускаем их на волю. А вообще, это завтрашний день зоопарка. Для того чтобы сделать

эти выпуски, нужно, чтобы еще и природная среда существовала.

Зоопарки, к примеру, могли бы обогатить среду амурскими тиграми, 800 особей которых нежатся в вольерах, но некуда их переселить. Амурский тигр существует на огромной территории — 400 квадратных километров, меньшая площадь не обеспечит ему прокорма,

так как в северных краях мало копытных — его пищи. Поэтому, прежде чем принимать какое-то решение, нужно сто раз подумать, иначе мы можем понести громадные потери. Каждая из этих красивейших «кошек» на счету.

— Владимир Владимирович, зоопарк — удовольствие не дешевое. На что, в основном, уходят деньги? Наверное, на корм хищникам, ведь тигров или слонов трудно прокормить?

— Нет, самых больших затрат требует строительство.

— И все-таки с питанием, наверное, тоже есть проблемы? Ведь у вас проживает тысяча видов животных, и для каждого необходимо разработать свой рацион...

— Большую часть корма мы закупаем. Заключаем договора с организациями на поставку сена, мяса, овощей, фруктов и веников. Веники требуются хорошие, со свежими листьями, чтобы там витамины сохранялись. А вот насекомых мы разводим сами. У нас есть небольшая фабрика, где выращиваем саранчу, тараканов. Это лакомство для птиц, обезьян и многих рептилий, такое нигде не купишь. В свою очередь, саранче тоже корм требуется, поэтому мы выращиваем для насекомых зелень. Корм составляет всего двадцать процентов от

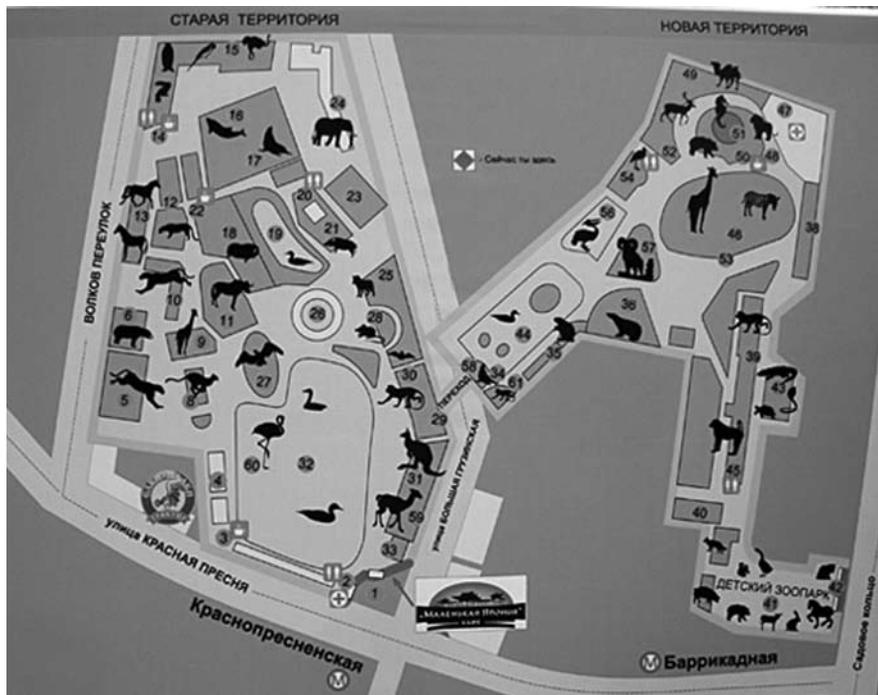
бюджета. Немного — но это главное. У каждого зверя действительно свой рацион, для каждого составляется отдельное меню. В зоопарке есть кухня, в специальных кастрюлях под высоким давлением для слонов варят кашу, для обезьян готовят омлет и очень вкусную творожную запеканку с изюмом. Если попробуете — пальчики оближете!..

— Что можно сказать, вашим обезьянам действительно только позавидуешь — сладкая жизнь! А есть ли среди животных аксакалы, которые опекаются с особой тщательностью? Ну, такие «заслуженные пенсионеры»...

— Есть у нас такой «заслуженный крокодил». Ему за сто лет. Еще декрет Ленина о национализации помнит, наверное. А вообще большинство животных живут гораздо меньше человека. Например, для зебры тридцать семь лет — это глуповатая старость.

— Часто ли болеют животные? И как распознать, что они нездоровы?

— Наши пациенты не жалуются, и в этом главная сложность. Поэтому только самые внимательные глаза, в основном, тех же рабочих по уходу, способны выявить какие-то отклонения в состоянии их подопечных. В таких случаях сразу же вызывают

ветеринаров. Обследовать и лечить животных очень сложно, ведь многие из них опасны, так что приходится сначала заболевшего зверя усыпить. Вот недавно благополучно вылечили зуб слонихе. Она очень страдала, щека распухла. А сейчас с ней все в порядке. У нас замечательный ветеринарный врач Валерия Иосифовна Корнеева. Она уже более пятидесяти лет работает в зоопарке. Настоящий доктор Айболит.

— А как обстоит дело с мезенатством? На многих вольерах

появились надписи с именами людей, которые опекают этих животных. Неужели процесс пошел?

— У нас таких десятки. Они перечисляют деньги на содержание, улучшение условий жизни зверей, за что мы им очень благодарны. Это приятная и весьма полезная тенденция последнего времени. В любом цивилизованном обществе один из главных показателей его здоровья и благополучия — отношение к братьям меньшим. Значит, мы становимся добрее, нравственнее, чище... □

«Елизавета»

*«На дворе стоит старуха и держит в руках стенные часы.
Я прохожу мимо старухи, останавливаюсь
и спрашиваю ее: «Который час?»
— Посмотрите, — говорит мне старуха.
Я смотрю и вижу, что на часах нет стрелок».*

Даниил Хармс «Старуха»

Повесть «Старуха» считается главным произведением абсурдиста Даниила Хармса, оно стоит особняком среди всего творчества писателя. Именно эту сложную и необычную для русской литературы вещь решила иллюстрировать и экранизировать художник Елизавета Новикова

«Вообще, я изначально брала Хармса как автора из детских воспоминаний, мне он очень нравился и всегда казался веселым и радостным! Вот и захотелось сделать что-то вроде сборника его произведений, иллюстрации к рассказам и стихотворениям. Но остановилась на «Старухе», наверное, для меня это было самое непонятное его произведение. Я сна-

чала постоянно путалась со временем и действием — сон ли это, мираж ли? — и решила все-таки разобраться! Не знаю, докопалась или нет, но осталось ощущение, что там еще много всего есть потаенного, скрытого, поэтому и хочу сделать фильм! Чтобы продолжить «раскопки».

Множество раз перечитывая повесть, она «входила» в произведе-

Вам»

Ольга
Займенцева

*Эскиз
к фильму
по повести
Михаила
Булгакова
«Роковые
яйца»*

ние, как входят в открывшийся портал ирреального потустороннего мира маги и чародеи с помощью дощечки для спиритизма или замысловатых заклинаний, — художница же погружалась в созданный писателем мир, наполненный странными персонажами и удивительными событиями. Это «путешествие» вылилось в картины, которые воображение ри-

совало ей на основе прочитанного текста.

«В работе над эскизами для меня важно было ощущение, важно было показать происходящее с двух сторон — и жутковато это все, и с юмором, но лично для меня больше мистически — страшновато! На самом деле, это, скорее, юмористическое произведение, и весь юмор состоит

*Пейзаж с домами.
Керчь*

в том, что его как бы нет. Жизненные ситуации, которые ты узнаешь, порой очень веселят! В течение почти двух лет постоянно перечитывая это произведение, я не могла удержаться от смеха. Хотя рисовала что-то, на первый взгляд, далеко не оптимистичное! Меня, как художника, это привлекало больше изобразительно! Как показать весь этот абсурд?»

Сразу по окончании школы с углубленным изучением изобразительного искусства Елизавета поступила во ВГИК, училась в мастерской художника-постановщика анимационного фильма Сергея Александровича

Алимова. Удивительно то, что молодая девушка считает, что произведение «Старуха» написано о ней самой!

«Звучит, наверное, странно, но такое ощущение, что обо мне! О жизни! О ситуации, не важно, старуха это, или что-то другое происходит! Все равно будто из моей жизни, обо мне и моих знакомых! Я вот в Сакердоне Михайловиче вижу себя! Например, когда он сидит на полу и говорит: «Я просто сидел и ничего не делал!»»

Похоже, это лукавство, Елизавета скорее труженик, чем любитель побездельничать, хотя иногда требуется много времени только для того, чтобы мысль внутри тебя созрела,

обрела четкие очертания, прежде чем в ход пойдут карандаши и кисти, и мысль материализуется.

Она хочет оживить персонажей повести: и самого Даниила Хармса, и старуху, и Сакердона Михайловича, и милую дамочку из булочной. Иллюстрации к повести Елизавета сделала, еще учась во ВГИКе, это была ее дипломная работа, а теперь нужно, чтобы герои начали двигаться, перемещаться по довоенному Ленинграду в соответствии с описанной Хармсом историей, в общем, начали жить. Сама она давно уже прошла весь их маршрут, погрузилась в атмосферу города на Неве, прожила всю историю от начала до конца, знает всех героев, как самых близких людей, их мысли, чувства, даже, кто чем предпочитает закусывать водку. Именно

такое погружение необходимо для художника, взявшегося иллюстрировать литературное произведение.

Теперь предстоит найти финансирование, продюсера, который поверит в успех проекта, или придется самой скопить приличную сумму и осуществить задуманное. Найти профессионального режиссера анимации для совместной работы. Но, если творец что-то задумал, он во что бы то ни стало должен реализовать замысел, и тут становится энтузиастом и альтруистом, потому что чувствует необходимость высказаться, рассказать зрителю о своем собственном переживании.

Несмотря на огромное желание сделать анимационный фильм и на список экранизированных работ, в том числе, знаменитый проект «Ко-

*Эскиз к анимационному фильму по произведению
Д. Боккаччо «Декамерон»*

*Эскизы
к анимацион-
ному фильму
по произведе-
нию Гофмана
«Крошка
Цахес»*

лыбельные мира», Елизавета считает себя, в первую очередь, художником, а только потом художником кино, театра и анимации. Работа с холстом ей ближе, чем работа на съемочной площадке. Холст дает возможность рассмотреть фактуру настолько близко, насколько хочет автор. Ей нравится ощущать запахи холста, масляных красок и разбавителей, эти ароматы пленили ее с раннего детства, с пяти лет она рисует. Уже тогда ее неодолимо влекло к масляным краскам, ей казалось, что этот запах сродни чему-то волшебному и таинственному, и эту тайну может постичь только избранный, она не для всех. Когда заходишь в ее мастерскую, то первым делом чувствуешь этот запах, и сразу

начинает казаться, что сейчас тебе откроют тайну...

Среди работ художницы иллюстрации к таким произведениям, как «Декамерон» Боккаччо, «Роковые яйца» Булгакова, «Крошка Цахес» Гофмана... Персонажи этих произведений становятся почти осязаемыми благодаря ее кисти. Можно ухватить за подол длинных средневековых одежд проходящую мимо красавицу из «Декамерона», почувствовать запах сигареты, тлеющей между пальцами девицы из «Роковых яиц», приподнять высоко уродца Цахеса, похожего на тряпичную куклу, а потом сплести венок из спелых маслин...

За это умение она очень благодарна своим учителям и мастерам.

«Наверное, многое в моей творческой биографии было бы по-другому, если бы не мои учителя из художественной школы и мой мастер из ВГИКа! Он очень многое рассказал не напрямую, а своим примером! Мы с ним часто спорили, и он научил, что нужно не словами доказывать и показывать, что ты прав, а делом, то есть своими картинками! Нарисуй мне дом, говорил он, и, если он будет убедительным, то да, я поверю!»

Елизавета — стипендиат и член Российского Союза художников, директор группы художников «Названия Пока Нет» и организатор Домашней Галереи «Штурмит». Штурмит — это ее псевдоним, который отражает сущность художницы. Ведь она обожает все, что связано с морем: чаек, волны, береговые линии, маяки, морские узлы и камни...

А еще любит географические атласы и объемные книги. Сейчас за-

нимается изучением объемной складной книги, в которой «растут» деревья, «летают» птицы и «живут» сказочные существа. Такие книги предназначены для детей, и Елизавета серьезно изучает весь этот процесс, чтобы создавать книги с яркими красочными иллюстрациями.

А еще она любит письма, следовательно, и почту, и марки, и открытки. Потому и выпустила свои авторские открытки «ВАМ ПИСЬМО», планирует создать серии для почтовых отправлений, придумывает марки, которые хотела бы пустить в оборот.

Так много идей и проектов, а самое главное — есть желание и талант, и значит, хватит времени на все, что задумала.

«...На этом я временно заканчиваю свою рукопись, считая, что она и так уже достаточно затянулась».

Даниил Хармс «Старуха». □

*Эскизы
к анимационному
фильму по
произведению
Д. Хармса
«Старуха»*

«СЕ ЧЕЛОВЕК»

Ян Мостарта

Эта картина — одно из украшений коллекции шедевров Северного Возрождения Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Называется она «Се человек», а написал ее голландский художник Ян Мостарт. Удивительным образом в истории этого полотна переплелись судьба замечательного живописца, славные деяния московских купцов Куманиных и творчество великого русского писателя Ф.М. Достоевского

Ян Мостарт родился в 1475 году в голландском городе Харлеме, давшем миру множество замечательных художников. Рассказывают, что предок Мостарта, участвовавший в Крестовом походе императора Фридриха Барбароссы (1190 год) в Святую землю, проявлял чудеса храбрости. Он прославился невероятными подвигами, а при взятии египетского

города Дамьетты сломал, сражаясь с врагами, аж три меча! И тогда про него стали говорить, что он крепок, как горчица (mostaart). Так род художника получил свою фамилию.

В 32 года Ян Мостарт был уже весьма уважаемым в своем городе живописцем — недаром его избрали главой гильдии местных художников. Знаменитый нидерландец Карел

ван Мандер (1548–1606), прозванный «северным Вазари», рассказывает в своей «Книге о художниках», что Мостарт был «не только хорошим живописцем, но и человеком благородным в своих поступках, ласковым в обращении, красивым, красноречивым, щедрым и утонченно вежливым. А потому пользовался высоким уважением и был любимым и желанным гостем как у знатнейших особ страны, так и у самых незначительных людей». Полюбили его и венценосные персоны — в 1519–1529 году он был придворным художником регентши Маргариты Австрийской, сестры герцога Филиппа, первого короля Испании и отца императора Карла V. «Окруженный почетом художник жил всегда там, где имел пребывание двор двух принцев» (ван Мандер). Архивы говорят, что Мостарт почти не покидал своего родного города, и в его жизни вроде не было каких-либо драматичных событий. Спокойна и его живопись — ровная, сдержанная, эмоции словно спрятаны внутри. Он был признанным мастером религиозных композиций, писал и портреты, иногда обращался к пейзажу. Сегодня его полотна хранятся в лучших музеях мира. Они отличаются удивительной элегантностью, утонченностью, поэзией и совершенством исполнения. Недаром многие его работы долгие годы приписывались великому современнику Мостарта Альбрехту Дюреру.

Вот и эта его картина — «Се человек», созданная на рубеже XV–XVI

веков, фактически до начала XX столетия считалась творением великого немецкого художника. На ней изображен эпизод, описанный в Евангелии от Иоанна:

«Тогда вышел Иисус в терновом венце и багрянце. И сказал им Пилат: «Се, человек!»

Правда, на картине Мостарта на Христе зеленый плащ, что отсылает нас к другому эпизоду:

«И когда насмеялись над Ним и сняли с Него багрянцу и одели Его в одежды Его, и повели Его на распятие» (Евангелие от Матфея, 27).

Итак, Христос уже знает о том, что его ждет. Уже снята багряница, и уже ведут Его на распятие...

Он знает, что впереди — страшные страдания, а потому лицо его выражает обреченность, отчаяние. Как выразительна слеза, текущая по его щеке! И оттого, что мы видим сильного, мужественного человека, понимающего всю безысходность своего положения, становится еще страшнее. А рядом с Ним — торжествующий палач, безобразный, беспощадный. Зло — оно всегда уродливо, говорит художник.

Мостарт изображает человеческие фигуры в натуральный рост. Это — его современники, голландцы, жившие в его родном Харлеме. «Картина содержит в себе несколько портретов, сделанных Мостартом частью по памяти, частью с натуры, — пишет ван Мандер о «Се человек», — и в их числе портрет одного городского стражника по имени Питер Мойс, весьма в то время известного своим

«Несущий Христа»

нелепым злобным лицом и головой, облепленной пластырем. Именно он держит Христа, взятого под стражу». И фон, на котором все происходит — типичный голландский городской пейзаж. А вот Пилата Мостарт изображает с чертами лица, присущими испанцам. Пилат — главный враг, а в конце XV — начале XVI веков главными врагами голландцев были испанцы.

В картине нет воздуха, в этом трагическом пространстве душно, тяжело.

Поразительна композиция полотна. Лица и руки героев образуют три ряда. Вот верхний ряд: одутловатое лицо первосвященника, что-то шепчущего на ухо Пилату. Он первый в

этой истории, с него все начинается. А потом — Пилат. Первосвященник сказал свое слово, и Пилат отдает нужные команды — глашатай трубит, и вот уже палач ведет Христа на казнь. Мостарт словно рассказывает всю историю Христа — его прошлое, настоящее и — будущее.

Итак, верхний ряд — ряд власти. Второй ряд — ряд жертвы и палача. В центре картины — Христос, сильный, но сейчас совершенно сломленный человек. Рядом с ним — уродливый палач, приоткрывший рот в злобной ухмылке.

И третий ряд — руки: Пилата — в тонких, дорогих перчатках, Христа —

«Поклонение волхвов»

связанные крепкой веревкой, и крепкие, мускулистые руки палача, привыкшие к страшной работе.

Мостарт создает в своей композиции множество планов — и пространственных, и временных, а потому его картина актуальна и сей-

час, ведь она не только про Христа, но и про то, как жестокая, неумная власть убивает все свободное, свежее, чистое...

Так этот опытный царедворец, всю жизнь проживший рядом с высшими представителями светского и

клерикального миров, высказал все, что думал о современных ему Церкви и Власти. Наверное, видевшие картину его соотечественники, жившие на пороге Реформации, легко прочитывали выраженный в ней протест против лживого, лицемерного Ватикана и испанских властей, пытавшихся подчинить себе вольнолюбивых голландцев.

Картина Мостарта поступила в музей в 1924 году и еще несколько лет считалась работой Дюрера. Позже, когда с ней стали заниматься реставраторы, определилась ее принадлежность к нидерландской школе начала XVI века, а вскоре был назван и ее истинный создатель — Ян Мостарт.

Итак, картина поступила в собрание музея в 1924 году, но вот до этого времени висела — как икона! — в московской церкви Богоматери всех скорбящих радости на Ордынке. После смерти художника она, как пишет ван Мандер, хранилась у его внука, Никласа Сьюкера, бургомистра Харлема. Но что с ней было потом? И как попало в купеческое Замоскворечье, в православную церковь полотно голландского художника-католика, умершего в 1556 году? Сегодня ответить на этот вопрос сложно. По-видимому, оно оказалось в церкви как пожертвование от какого-то прихожанина, возможно, купившего ее во время поездки в Европу. Так или иначе, почти весь XIX век картина в качестве иконы находилась в церкви. В книге, посвященной этой церкви и вышедшей в 1862 году (она так и называется — «Храм Богоматери

всех скорбящих радости, что на Ордынке в Москве») можно прочесть: *«В трапезе (трапезной)... есть много достойного внимания. Входя в нее, редко не видишь толпы народа пред картиной, изображающей Спасителя пред судом Пилата. При совершенной простоте в изображении и выполнении, при отсутствии в ней эффектного освещения — какая необыкновенная живость! Как много говорит одна слеза, текущая из очей Спасителя. Эта картина — работа знаменитого Альбрехта Дюрера».*

Церковь Преображения (Скорбященская она по названию предела) была возведена на месте старой, известной еще с XVII века, церкви Преображения, на деньги купцов Куманиных. Это имя хорошо знали в Москве.

В 1790 году переяславский купец Василий Алексеевич Куманин после смерти родителей решил перебраться в Москву. Купив дом на Ордынке, в приходе Преображения, он поселился в нем вместе со своим братом Алексеем и племянником Константином. В 1792 году у Алексея родился сын Александр, а в следующем — еще один сын Валентин. В том же году умер старший Куманин — Василий Алексеевич. Тогда для Куманиных настали трудные времена, однако дом, заложенный и перезаложенный, остался все-таки в семье, у Алексея. Тут вырастут его дети и внуки, и отсюда пойдет его слава. Алексей оказался очень незаурядным человеком — свободным, честолюбивым, энергичным, как сказали бы сегодня, креативным. Чем

он только не занимался! Портовая торговля, коммерческие связи со среднеазиатскими ханствами, с Китаем, сотрудничество с Российско-Американской компанией — масштаб его деятельности потрясает! Кстати, не забывал он и родной Переславль — в 1816 году купил там мануфактуру купцов Угримовых (фабрика «Красное эхо»), расширил ее, да так, что она со временем стала самой крупной во Владимирской губернии. Место, где жили рабочие куманинской мануфактуры, до сих пор в Переславле называют Куманинкой.

Карьера Алексея Куманина складывалась просто невероятно — будучи купцом первой гильдии, он достиг высшего звания — первостатейного, а затем был избран московским городским головой (1811—1813). Он и коммерции советник, и Владимирский кавалер. Достойным наследником Алексея Куманина стал его сын Константин, возглавивший фирму «Алексей Куманин и сыновья», просуществовавшую — и весьма успешно — более шестидесяти лет. Во время коронации в 1826 году Константин Куманин участвовал в приеме в Москве императора Николая I, который пообещал ему дворянство. И вот, наконец, по ходатайству Бенкендорфа, Куманины становятся дворянами. Еще сто лет назад они были нищими монастырскими крестьянами в Переславле, а теперь это — аристократы, дворяне, а еще и первостатейные купцы! Чем вам не преобразование!

Свои московские успехи Алексей Куманин отметил постройкой в родном Переславле придела в честь местного святого князя Андрея Смоленского к приходской церкви и сооружением в нем серебряной (трудно себе представить — весом четыре с лишним пуда!) раки — гробницы над мощами чудотворца.

А в Москве Куманины решили в 1832 году построить новую церковь Преображения, более известную как Скорбященская. Два придела — Богоматери всех скорбящих радости и Варлама Хутынского, освященные в 1790-м и 1791 годах, — не тронули, а церковь Преображения, старый храм XVII века, разобрали и возвели новый — на деньги Куманиных и по проекту прославленного О.И. Бове.

Так на Ордынке появился новый храм — изящная церковь-ротонда. Один из входов в нее был обращен к подъезду правого крыла и воротам куманинского дома — это была их, Куманиных, церковь. Три ступеньки — и посетитель оказывался перед величественным кругом из двенадцати бело-мраморных колонн, символизировавших успех и крепость куманинского рода, их поразительное «преображение». Слева — алтарь, направо — стеклянная перегородка (она существовала до 1948 года) с проходом в середине. Перед одной из ее ячеек всегда стояла толпа. Что же было в этой ячейке? Там, в строгой ампириной раме висела мостартовская картина, тогда ее называли «Христос перед судом Пилата». Перед картиной стоял аналой, и всегда горели свечи. Для

*«Христос
Страстотерпец»*

входящего в церковь с паперти старой церкви картина была видна сразу же с порога трапезной, она принадлежала больше церкви Скорбященской (приделу), а не Преображения, и недаром висела у порога первой. Ведь Христос Мостарта был на пороге смерти, символизировал обреченность, страдания и вечную скорбь...

20 сентября 1836 года храм был освящен московским митрополитом Филаретом. На праздник освящения новой церкви собрался весь цвет Москвы. Было там и семейство Достоевских. Дело в том, что в 1814 году старшая сестра матери Федора Михайловича Достоевского вышла замуж за Александра Куманина — среднего сына Алексея Алексеви-

*«Древо
Иессеево»*

ча. Отец писателя М.А. Достоевский, врач Мариинской больницы для бедных, был домашним врачом Куманиных и их близких. В начале той осени, осени 1836 года, мать будущего писателя

слегла — скоротечная чахотка (через полгода Марии Федоровны не стало), а потому на праздник освящения нового храма пришли с отцом старшие дети — Михаил, Федор и Варвара.

Федор Михайлович Достоевский с раннего детства бывал в особняке Куманиных на Ордынке. Прошли годы, и он описал его в романе «Идиот» как дом купцов Рогожиных, перенеся место действия в Петербург. Родная тетка писателя стала в романе матерью Парфена Рогожина, а основой сюжета послужила история, случившаяся с племянником Алексея Куманина — Константином Константиновичем. Тогда, в 1859 году, о ней говорила вся Москва, в дело пришлось вмешаться даже генерал-губернатору. Внешне все было весьма тривиально — любовный треугольник: Константин Куманин, его жена и князь С.П. Вадбольский, но страсти, видно, кипели нешуточные. Даже имена героев романа Достоевский позаимствовал из окружения куманинской семьи: когда ему не было еще двух лет, в Москве от чахотки умерла статская советница Настасья Филипповна Рогожина, супруга управляющего московской конторой Государственного Коммерческого банка Е.Г. Рогожина. Чета Рогожиных, понятное дело, была вхожа в дом К. А. Куманина, директора этого банка. Всех этих людей, по-видимому, хорошо знала мать писателя, ведь ее сестра была женой одного из Куманиных, а отец наверняка их всех лечил. Все эти картинки быта, жизни московских купцов-миллионщиков навсегда остались в памяти Достоевского. Законы творчества понять порой очень трудно, но совершенно ясно: мир,

описанный в романе «Идиот», по сути — мир московских купцов Куманиных, их родных и близких. Попала в роман и знаменитая картина — икона, украшавшая храм Куманиных. Мышкин, говоря о двух картинах, однажды потрясших его, вспоминает «Мертвого Христа» Гольбейна и картину, на которой Христос еще жив, но — «все знает», то есть уже знает, что его ждет. Мышкин явно описывает картину, которую Достоевский не раз видел в церкви Преображения: «...лицо священника, палача, его двух служителей и несколько голов и глаз снизу. ... Вот такая картина»... (О значении образа мостарского Христа в системе образов и смыслов романа Достоевского глубоко и увлекательно размышляет в своей книге «Московский мир Достоевского» историк и искусствовед Георгий Федоров.)

Коллекционеры не раз пытались уговорить священников церкви на Ордынке продать им картину «Дюрера», но подобные попытки всегда заканчивались ничем — картина оставалась в храме. Однако после 1917 года жизнь в стране резко изменилась. Полотно попало в музей, и сегодня все посетители Пушкинского могут, вспомнив о славном роде московских купцов Куманиных, остановиться у этой замечательной картины старого голландского мастера, однажды поразившей великого русского писателя Федора Достоевского и зажившей своей жизнью на страницах его романа. □

Елена Логунова

ИНЬ, ЯНЬ И ХРЕНЬ

— Жизнь есть борьба! — возвестила я и подвинула к бармену пустой стакан. — Повтори.

— Жизнь — борьба! — охотно повторил незнакомец, пытавшийся «закадрить» меня, пока я глотала виски и стучала пальцем по сенсорным клавишам.

— О, Господи! — Я закатила глаза, сгребла со стойки стакан с добавкой и пересела за столик.

За спинкой дивана пряталась единственная в баре розетка. Я выдернула из нее штепсель светильника и с третьей попытки воткнула на его место вилку зарядного устройства. Даже такое простое дело, как подзарядка планшета, не давалось без боя!

Жизнь есть борьба! Этому меня научили еще в школе.

В те черно-белые времена надо было бороться с хулиганами, тунеядцами, алкоголиками, половой распущенностью и моральным разложением широкого диапазона. Против невежества, мракобесия, тирании, империализма и дискриминации. За переходящее Красное знамя, повышение производительности труда, победу коммунизма и мир во всем мире.

Уверена, что я вспомнила далеко не все. Пополненный и расширенный список чуждых явлений и враждебных личностей озвучивался на комсомольских собраниях и политинформациях, которые я либо прогуливала, либо проводила в тихой медитации со спрятанным под партой томиком любовного романа. Отряд не

замечал потери бойца в моем лице. Борьба шла по всему фронту, его линия проходила по идеологически выверенной границе добра и зла, и эта отчетливая дихотомия радовала мое чистое девичье сердце понятной простотой и очевидной правильностью.

Теперь, когда я стала старше, чем хотелось бы, мне кажется в корне неверным пытаться сложить гармонию из двух частей. По-моему, их три! И это не Добро, Зло и густо населенные земли между двумя названными необитаемыми полюсами, а нечто принципиально иное.

Это женское начало Инь, мужское начало Янь и неизменно торжествующий в отношениях между ними хаос, который я назвала бы простым русским словом Хрень — только обязательно с большой буквы, так как это главный из высших архетипов.

Самая первая и главная формула, какую с детских лет и навсегда крепко-накрепко усваивают даже те девочки, которые никогда не получали по математике больше «троечки», утверждает, что «Икс мужского пола + Игрек женского = любовь». Собственные имена слагаемых бесконечно варьируются: Петя + Маша, Вася + Даша, Ромео + Джульетта, Василиса Премудрая + Иван-дурак, Одиссей + Пенелопа, Отелло + Дездемона... Чувствуете? Вот уже наметились сюжетные ответвления.

Идеальная формула в реальной жизни срабатывает редко. Возможно, именно потому, что не учитывает третью составляющую: ту самую, на

букву «х»... Ладно, в угоду наиболее культурным, назовем ее приличным словом Хаос. Суть этой третьей неизвестной можно пояснить буквально на «раз-два-три-четыре-пять» — на пяти примерах разного отношения мужчин и женщин к любви.

РАЗ: Если верить психологам, женщина интуитивно считает особо ценными качествами мужчины ум, логику и надежность, ради которых великодушно прощает партнеру дефекты наружности. Но мужчинам наша женская мудрость «С лица воды не пить» вовсе не близка: их — тоже интуитивно — привлекает, в первую очередь, внешняя красота дамы!

ДВА: Исследования российских социологов показали, что мужчину гораздо более интригует не обнаженная женщина, а одетая. Дам же, напротив, сильнее всего впечатляет обнаженный мужской торс (не путать с оголенным пивным животом, который тоже впечатляет, но неприятно).

ТРИ: Расставшись со своей любовью, мужчина без промедления ищет ей замену, идеализируя образ первой попавшейся женщины. Дамы, напротив, после расставания с любимым подолгу предаются грусти и печали, а появляющихся у них ухажеров сравнивают со своим бывшим, и далеко не в пользу «новобранцев».

ЧЕТЫРЕ: Американские ученые выяснили, что женщины запоминают не столько факты любовных историй, сколько сопровождавшие их собственные переживания. Мужчина же, пережив какое-то чувство,

впоследствии не способен восстановить его в памяти.

И ПЯТЬ: По данным опроса, проведенного российскими психологами, 11% мужчин заводят романы исключительно ради секса. У дам этот показатель составляет всего 2%! Топ-список женских «плюсов» от наличия живого и действующего кавалера асексуален и выглядит так:

1 место — «Чтобы было с кем поговорить».

2 место — «Чтобы было с кем провести свободное время».

3 место — «Чтобы не чувствовать себя ущемленной рядом с подругами, состоящими в отношениях с кем-то».

А теперь суммируем пункты, с первого по пятый включительно, рисуем двойной портрет и получаем «картинку маслом»:

Она: рационально ценит душевные качества имеющегося партнера и тайно тоскует по своему бывшему, возбуждается от вида обнаженного тела, но сексом занимается по остаточному принципу, зато в любой момент способна вспомнить, «как это было» во времена какой угодно давности. И при этом еще очень хочет поболтать!

Он: Интуитивно считает главным достоинством партнерши не богатство внутреннего мира, а внешнюю красоту, заводится при виде одежды, которую ему хочется с нее снять без разговоров, и желает, в первую очередь, секса, причем вот с этой конкретной женщиной, а не со все-

ми своими бывшими, о которых он уже напрочь забыл!

С учетом сказанного, в идеальную формулу «Она + Он = любовь» вносим элемент хаоса и... впредь не удивляемся тому, что результат сложения практически непредсказуем!

— Ну, что за ХРЕНЬ! — сплошными большими буквами высказалась я, увидев неожиданную и роковую перемену на дисплее.

Зеленый значок рядом с именем мужчины, персонально воплощающего для меня все мировые запасы силы Янь, обесцветился. Мужское начало буквально слиняло из скайпа!

— Ахх! — обласкав мои колени томным взглядом, вздохнул надоедливый незнакомец у барной стойки.

— Да чтоб тебе треснуть! — шепотом пожелала я ему и захлопнула планшетник.

Было три часа ночи. Все приличные люди давно уже спали, и даже лифт приполз по моему вызову с такой задержкой, словно он «кемарил» в тихом закутке под крышей, видя

сладкие сны из жизни машин и механизмов.

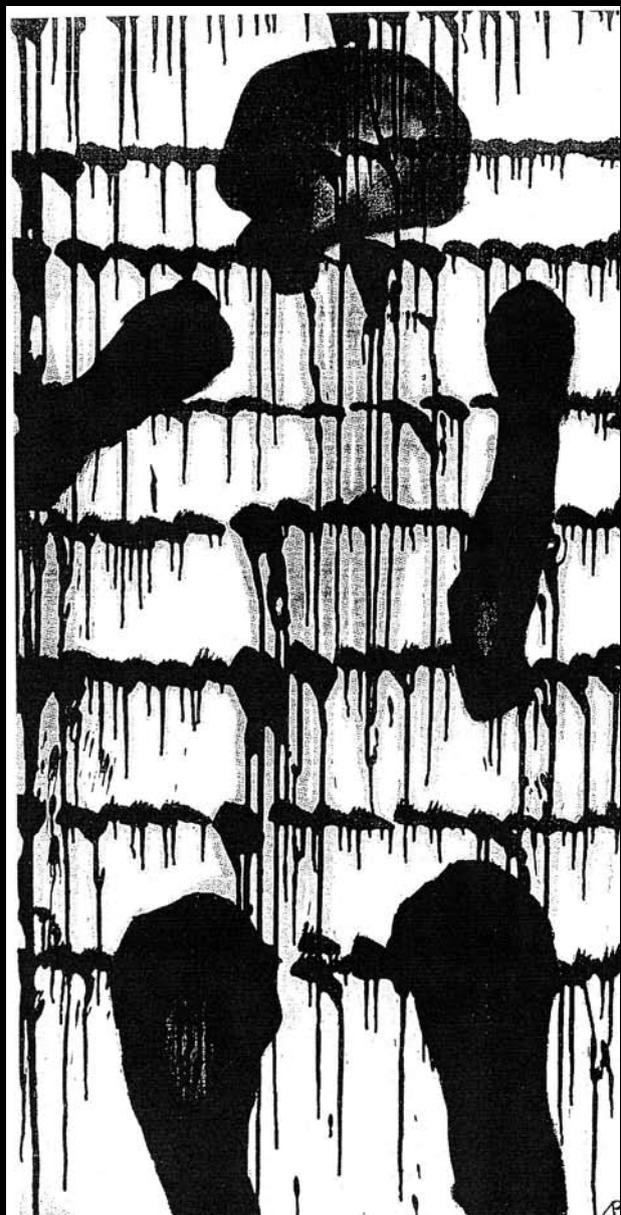
Пока я боролась за воссоединение ключа с замочной скажиной своего номера (два стакана виски играли против меня), в помещении рядом родился звук, в котором я без колебаний опознала сладкий стон. Определенно, моими соседями были люди неприличные — они не просто не спали, они занимались каким-то непотребством.

— А я, значит, должна спать одна! — запоздало высказала я свою иньскую претензию дезертировавшей силе Янь и вломилась в помещение, стукнув дверь о стену так, что в соседнем номере что-то упало.

Неприличные люди этого даже не заметили: они радостно стонали на два голоса — мужской и женский. Звукоизоляция в отеле была отвратительная! Мне пришлось лечь спать в треуголке из подушки.

Я рухнула в постель и подвела промежуточный итог: Инь упало, Янь пропало... Что осталось на трубе?

Вот именно. □

4

ЧЕТВЕРТЫЙ

«Пятый — лишний...» Эту поговорку, странную на первый взгляд, я услышал в больнице. К нам в палату положили четвертого. Гриша-зэк подсел в обед к нашему столику и, как всегда, витиевато матерясь, сообщил:

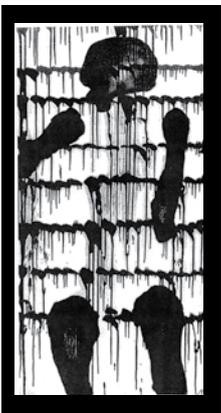
— Ну, чо, зажранцы, поздравляю... Не было печали, так...

Мы так и замерли с набитыми кашей ртами, отчетливо представляя себе, что такое лежачий больной. А Иван Лукич, домбытовский фотограф, навалившись впалой грудью на трость, сердито замычал, выражая этим свое отношение к сказанному.

Дня четыре «четвертый» не вставал. Был только заостренный нос, уныло торчащий из-под одеяла, худая, с вздутыми венами, рука, да старенькая, день и ночь вопросительным знаком согнутая, капельница. Четыре дня и ночи ему не давали покоя: кололи, поили, кормили лекарствами, куда-то увозили на каталке, а в перерывах между процедурами он спал... спал, словно торопился напоследок отоспаться за всю прожитую жизнь.

На пятый день он поднялся. Сухощавый, приземистый, совсем не лысый, лет за семьдесят человек смотрел на нас васильковыми глазами. Звали его Тимофей Степанович. Шахтер-пенсионер из Абашева. Ненадо-едливый и немногословный, он всем пришелся по душе, вот только... Вначале мы не придали этому значения.

Перед едой он обязательно выбивал ладонями по столу чечетку, приговаривая скороговоркой: «Пятый — лишний, пятый — лишний...» Ел основательно, бережно подбирая заскорузлыми пальцами хлебные крошки. Эта странная присказка у него — как молитва у верующего.

Первым не вытерпел Гриша-зэк. Сгорая от любопытства, как-то спросил его:

— Степаныч, ты чо все какого-то пятого поминать? Пришил кого?..

— Ну, милоч, в жизни никого не тронул, — смущенно запротестовал «четвертый».

— Ты же говорил, что воевал. Неужели никого не...

— Воевал. В артиллерии. Да там разве увидишь кого... Провоевал всего-то... чуть меньше года: в сорок втором попал в плен под Миллерово. Трое нас... от всей батареи, да одна винтовка с одним патроном.

По тому, как лежащий к нам спиной Иван Лукич перестал шебуршать газетой, стало понятно, что разговор сейчас превратится в общий.

— Погнали нас, как стадо баранов, прямо в саму Югославию, — продолжал «четвертый». — Поначалу не кормили. Кто ослабел и не мог идти — пристреливали. Это потом уже буханку ржаного хлеба на четверых стали давать. Не дай бог кому оказаться пятым — день, ну, от силы, два, и каюк тебе! Почему, говоришь, не делились? Эх, милоч, потопай-ка весь день на своих двоих... за краюху хлеба. Люди от голода зверели: друг у друга норовили отнять, а ты — делиться. Трое нас с батареи, да еще один пристал — вместе и держались, а не то... — Тихо выбив ладонями чечетку на острых коленях, он глухо добавил: — Вот тебе и «пятый — лишний», Григорий, а ты... при-ш-шил.

Минуты через три Иван Лукич снова зашелестел газетой, а меня позвали в ординаторскую, заведующая давно обещала показать меня профессору.

Профессор брезгливо мыл руки и сердито бурчал при этом:

— Где вас так угораздило? Гм... с радиацией имели дело? Гм... нет? Гм... с химией? Гм... лет десять назад... гм... с таким заболеванием было примерно столько же... гм... сколько дважды Ге-

роев Советского Союза... гм... редкая болезнь, да. Ну, гм... в командировках были? Гм...

Я назвал десятка два городов, и он сокрушенно качнул крупной головой:

— Гм... Вы знали, что в Белом Камне... гм... был маленький Чернобыль? Да, в печати не сообщали... гм. Да, понимаю, но больше туда не ездите... гм. Договорились?

Идя по коридору, я ловил любопытные взгляды больных и рассуждал про себя: «Какой же пожар они собираются у меня гасить? Профессор так и сказал: загасим... гм, но лежать придется... гм... долго».

В палате, кроме «четвертого», — никого. Я навзничь, как подстреленный, бухнулся на кровать и отрешенно уткнулся в стенку.

— Не спите? — сквозь затуманенное сознание пробился голос «четвертого».

Я резко перевернулся на спину. Он сидел рядом на стуле, подложив под себя ладони:

— Не берите в голову, все образуется — вот увидите.

Я смотрел в эти васильковые глаза — они словно баюкали, и мне сразу захотелось, чтобы он говорил, говорил как можно дольше.

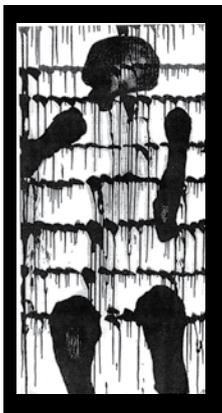
Почувствовав мое состояние, «четвертый» продолжил:

— Сколько мне довелось пережить — не приведи Господь кому... Три раза сажали: один раз немцы, два — наши. До пятьдесят первого долбил уголек в Осинниках за лагерную баланду. Потом таких, как я, определили вроде... как на поселение, чтобы два раза в неделю отмечались у «кума». Меня отправили в Зырянку. Вдвоем с таким же бедолагой соорудили землянку. Почему домой не вернулся? Так нельзя: по пятьдесят восьмой ведь проходил. Списался с родными — сам я с Кубани. Отец с фронта не вернулся, потом брат младший... Мать умерла в сорок седьмом. Жениться не успел. Была одна, дочь наших соседей, так столько лет прошло с тех пор. Потом познакомился со своей Татьяной... — Он вдруг прерывисто задышал, стал торопливо шарить рукой в карманах. Пыхнув несколько раз ингалятором, виновато произнес: — В Югославии... заработал. В горах там даже летом холодно, особенно ночью. Ну, так вот... — продолжил он, — в шахтовой столовой она работала. На десять лет ее был старше, а полюбила...

«Четвертый» смущенно махнул ладонью, а васильковые глаза налились такой синью, что я невольно подумал: «Да за такие глаза женщины с ума сходят».

— Моя Татьяна в молодости, — снова донесся его тихий голос, — складная была: черноглазая, цыганистая, одна коса чего стоила — во всю спину! А родня ее так не приняла меня: «За зэка замуж! Вон сколько парней сохнет — только моргни глазом».

ЧЕТВЕРТЫЙ

Пошел я, как положено, в конце недели к «куму»: так, мол, и так — жениться приспело, а жить негде, да и родня ее житъя нам не даст. А я не пил, не курил, лишнего не болтал, ни-ни... на работе были мной довольны. Он, естественно, все обо мне знал. И вы верите? Помог ведь. Перевели в Абашево, на другую шахту. Комнату дали в бараке, и зажили мы душа в душу. С полочки купили гармонь — отец мой в станице был первым гармонистом, меня научил играть.

На втором месяце она была, когда забрали меня. Пятьдесят восьмая сразу по двум пунктам: измена Родине и шпионаж в пользу иностранного государства. Загремел я на двадцать пять лет в северные лагеря. В третий раз!

Когда увозили, Татьяна моя добилась-таки свидания. Сама бледная — лица на ней нет. Лучше бы я пятым-лишним... тогда, в сорок втором...

Он вдруг опять стал ловить посиневшими губами воздух. Молчание затянулось. Я уже не надеялся услышать продолжения рассказа, когда «четвертый» с видимым усилием, будто свело горло, снова заговорил:

— Сказала: «Ждать не буду, прости — молодая ведь». А еще сказала, что ребенка не будет... И ушла, ни слезинки в глазах. Эх, мать честная!

В пятьдесят седьмом вернулся — у нее уже трое... Где увидит, ревет горячими слезами — шибко она любила меня. Муж ее — бузотер и прогульщик — пить еще больше стал. Узнал я, что собирается он с дружкой подкараулить меня. Так Татьяна моя тенью за ним ходила, чтобы со мной чего-нибудь не случилось.

Все-таки они меня поймали. Прижали к стене железными прутьями. Думаю: «Васильченко, все — смерть твоя пришла». Откуда ни возьмись, — она! Встала между нами и грозит ему: если что со мной случится, то сегодня же от него уйдет. Навсегда! Лучше бы они порешили меня. Ради такой женщины, на что угодно пойдешь.

Через полгода женился — ламповщицей у нас работала. А через год, когда у меня двойняшки родились, муж Татьяны зимой замерз пьяный, как собака. Жена ревновала меня на первых порах — ведь вся улица про мою беду знала.

Он надолго замолчал, очевидно, вновь переживал то, что случилось с ним много-много лет назад.

Вдруг из своего угла подал голос Гриша-зэк:

— Духовку-то... прочистил ей?

Увлеченные разговором, мы не заметили, когда он успел проскользнуть в палату. И Иван Лукич, повернув к нам из-за спинки своей кровати правое ухо, уже давно с напряженным вниманием слушал.

— Какую духовку? — внезапно покраснев, спросил «четвертый».

Иван Лукич вдруг с завидным проворством хватил своей изящной тростью Гришу-зэка по спине:

— Я те покажу, как по-людски говорить. Тюремщик проклятый!

Мне пришлось встать, а то Гриша стал не на шутку заводиться. Лукич — тоже хорош: под конец такое загнул, что Гриша-зэк сразу смолк, с изумлением разглядывая своего обидчика.

А через неделю в палату — были только мы с Лукичом — вбегает взволнованный Гриша-зэк.

— Вы чо... сидите?

— А что?

— К Степанычу... его бабы пришли. Одна на костылях...

«Четвертый» как-то проговорился, что жене два года назад отняли ногу — что-то с сосудами...

Мы вскочили и, не сговариваясь, гуськом заторопились к выходу. Я сразу признал в черноглазой женщине со смуглым румянцем на щеках его первую, которую звали Татьяна. Чуть тронутые сединой волосы собраны на затылке в тугий черный узел. А с другого боку, прислонившись к плечу «четвертого», сидела полная, с одутловатым лицом, одноногая женщина...

«Когда беда пришла в дом, — вспомнил я последний наш разговор, — бабы мои не на шутку сдружились. Татьяна то пол придет помыть, то огород вскопает — я-то уже негожий...»

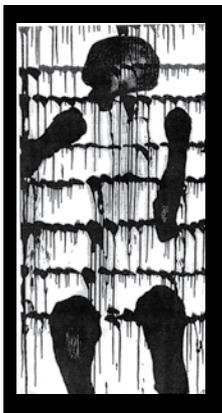
Гриша-зэк так затягивался сигаретой, словно курил в последний раз, — он был явно не в своей тарелке.

— Во, как жизнь закрутила все в узелок. А я-то не поверил... вначале.

На этом можно было бы поставить точку в рассказе. Но...

Через две недели выписали Гришу-зэка, а вернее, выгнали за нарушение больничного режима: в одну из самовольных отлучек он напился и попал в милицию. А я все ждал, когда у меня потушат... как обещал про-

ЧЕТВЕРТЫЙ

фессор. Потом потихоньку ушел Лукич, а за ним «четвертый». С ним мы не попрощались — меня перевели на дневной стационар, так что появлялся я в больнице три-четыре раза в неделю. Уже отцвела в прибольничных огородах картошка, а я все ждал...

И вот через пять лет, как-то ранней весной меня окликнули на улице. Длинноволосый, борода до пояса, щербато улыбаясь, подваливает ко мне... кто бы вы думали? Не догадаетесь — Гриша-зэк! На нем старенькое пальто с цигейковым воротником, кроличья шапка до бровей и глаза, не наглухие, как у окуня, а... «Фу, ты, черт! А где же знаменитый Гришкин мат?»

Мы зашли в кулинарию — там была приличная забегаловка с горячими беляшами.

— Мне сока, — тихо запротестовал Гриша-зэк.

Я поставил на стол два стакана водки по сто пятьдесят, два стакана яблочного сока, по горячему, только со сковороды, беляшу и бросил:

— За встречу!

Гриша-зэк отпил из стакана сока, к беляшу даже не притронулся.

— Ты чего? — удивился я.

— Великий пост ведь — нельзя.

— Ты что — верующий?!

— Родительский день, Василич, а мне еще на кладбище надо, к матери. Помяни-ка лучше Васильченко.

— Это который же? — холодея, спросил я. — «Четвертый»?

— Да, Степаныч. На руках у меня умер, — снова отпив из стакана, пояснил Гриша-зэк. — Ты как выписался, — это мне старшая сестра сказала, Галина Михайловна, ей твои усы уж больно понравились, — через месяц я снова загремел... А потом и Степаныч... Мы еще перекинулись парой слов. Переживал он, что с тобой тогда не попрощался. А ночью...

Я придвинул ему стакан.

— Помяни.

— Не могу: я ведь обет дал.

«Какой еще обед?» — подумал я, и мне уже расхотелось идти домой. Я все-все вспомнил, а главное, эти виноватые васильковые глаза. «Не попросился со мной...» — с какой-то непонятной благодарностью повторял я.

— Эх, Василич, как они над ним причитали, как причитали... Верить, даже позавидовал ему. Прости меня, Господи! — Устремив свой взгляд в потолок, Гриша-зэк торопливо перекрестился. Я с опаской тоже посмотрел вверх. — Еще подумал, Василич, кончать надо со всем этим балаганом. Кому я нужен на этой земле? До смерти жить в общежитии? Женщинам? Нужны им мои красные глаза. Знаешь, какая у меня была «кликуха» на зоне? Окунь! Гришка-окуны! Хоть и не мед нынешняя жизнь... — Он показал шершавые, в мозолях, ладони и задумался.

— А я-то думал: монахи только молятся, — наивно удивился я.

— Ну да! И камни таскаю, и землю копаю — за день так наломаешься.

Услышанное потрясло меня до глубины души! Гриша-зэк и... монах. «Во, как все завязалось в узелок, сказал бы он, будь на моем месте», — с горькой усмешкой вдруг подумал я, а вслух спросил:

— Похоронили где?

— В Абашеве. Вся улица была.

Когда уходили, Гриша-зэк отнес свой стакан водки двум алкашам, поддремывающим за соседним столиком, что-то сказал им и перекрестил обоих в выпученные глаза... Мы вышли. Повернулись друг к другу, крепко обнялись. Гриша тихо шепнул на ухо:

— Василич, загасили?

— Загасили, — тоже прошептал я, и... мы разошлись. Он пошел своей дорогой, а я своей.

Вот и вся история про «четвертого», Гришку-зэка, уверовавшего в Бога и ставшего первым монахом, встреченным мною в этом невероятном мире... □

НЕВИДИМЫЙ

СВЕТ

— По всему видно, что Вироваль — знаменитый врач.

— Приходится согласиться, если это видно даже абсолютно слепым.

— Откуда вы знаете, что я абсолютно слепой?

— Меня не обманут ваши ясные голубые глаза. Они неподвижны, как у куклы. — И, тихо рассмеявшись, собеседник добавил: — Между прочим, я вертел пальцем перед самым вашим носом, а вы даже глазом не моргнули.

— Очень любезно с вашей стороны, — горько усмехнулся слепой и нервно пригладил свои и без того причесанные каштановые волосы. — Да, я слепой и сказал «по всему видно» по старой привычке. Но богатство и

славу можно воспринимать не только зрением. Лучший квартал города. Собственный дом-особняк. Запах роз у входа. Широкая лестница. Швейцар. Аромат дорогих духов в вестибюле. Лакеи, камеристки, секретари. Фиксированная высокая плата за визит. Мягкие ковры под ногами, обитые дорогим шелком кресла, благородный запах в приемной...

— Замечательная психическая подготовка, — негромко заметил собеседник, сморщив в иронической улыбке свое желтое лицо. Он бегло осмотрел роскошную приемную Вировалья, как бы проверяя ощущения слепого. Все кресла были заняты больными, многие из которых носили темные очки или повязки на глазах. На лицах пациентов — ожидание, тревога, надежда...

— Ведь вы недавно потеряли зрение. Как это произошло? — обратился он снова к слепому.

— Почему вы думаете, что недавно? — удивленно поднял брови слепой.

— У слепых от рождения иные повадки. У вас, по-видимому, поражены зрительные нервы. Быть может, некроз нерва, как последствие весьма неприятной болезни, которую не принято называть...

Щеки, лоб и даже подбородок слепого порозовели, брови нахмурились.

— Ничего подобного, — быстро, с негодованием в голосе заговорил он, не поворачивая головы к собеседнику. — Я электромонтер. Работая в одной из экспериментальных лабораторий Всеобщей компании электричества по монтажу новых ламп, излучающих ультрафиолетовые лучи...

— Остальное понятно. Я так и думал. Отлично! — Собеседник потер руки, наклонился к слепому и зашептал ему на ухо: — Бросьте вы этого шарлатана Вировалья. С таким же успехом вы могли бы обратиться за врачебной помощью к чистильщику сапог. Вироваль будет морочить вам голову, пока не вытянет из вашего кошелька последнюю монету, а потом заявит, что сделал все возможное, и по-своему будет прав, так как ни одной монеты больше из вас уже не извлечет ни один специалист. У вас много денег? На что вы живете?

— Вы, вероятно, считаете меня простаком, — сказал слепой с гримасой отвращения. — Но даже слепой простак видит вас насквозь. Вы агент какого-нибудь другого врача.

Собеседник беззвучно рассмеялся, собрав в морщины свое лицо.

— Вы угадали. Я агент одного врача. Моя фамилия Крусс.

— А фамилия врача?

— Тоже Крусс!

— Однофамилец?

— И даже больше, — хихикнул Крусс. — Я агент самого себя. Доктор Крусс к вашим услугам. Разрешите узнать вашу фамилию?

Слепой помолчал, затем неохотно ответил:

— Доббель.

— Очень приятно познакомиться. — Красс дружески тронул слепого за локоть. — Я знаю, что вы обо мне думаете, господин Доббель. В этом городе торгашей и спекулянтов тысячи врачей отбивают друг у друга пациентов, прибегая к самым грязным средствам, уловкам и обманам. Но кажется, еще ни один врач не унижал себя настолько, чтобы лично ходить по приемным других врачей, обливать конкурентов грязью и вербовать себе пациентов. Признавайтесь, что именно такие мысли приходят вам в голову, господин Доббель.

— Допустим, — сухо сказал слепой. — И что же дальше?

— А дальше я имею честь сообщить, что вы ошибаетесь, господин Доббель.

— Едва ли вам удастся переубедить меня, — возразил слепой.

— Посмотрим! — живо воскликнул Красс и продолжал вполголоса: — Посмотрим. Я приведу вам аргумент, против которого вы не устоите. Слушайте. Я доктор совершенно особого рода. Я не беру денег за лечение. Больше того, я содержу пациентов на свой счет.

Веки слепого дрогнули.

— Благотворительность? — тихо спросил он.

— Не совсем. Я буду с вами откровенен, господин Доббель, надеюсь, что и вы одарите меня своей откровенностью. Скоро ваша очередь, а я буду краток... Родители оставили мне приличное состояние, и я могу позволить себе роскошь заниматься научными исследованиями по своему вкусу у себя на дому, где содержу небольшую клинику и имею хорошо оборудованную лабораторию. Меня интересуют такие больные, как вы...

— Что же вы хотите мне предложить? — нетерпеливо перебил Доббель.

— Сейчас ничего, — усмехнулся Красс. — Мое время наступит, когда вы отдадите Вировалью последнюю монету. Однако мне нужно знать, каковы ваши сбережения. Поверьте, я не посягаю на них...

Доббель вздохнул:

— Увы, они невелики. Случай с моим ослеплением стал известен: о нем писали в газетах. Компания, чтобы скорее погасить шум вокруг этого дела, вынуждена была оплатить мне сумму, которая обеспечивала меня на год. И это была большая удача. В наше время даже совершенно здоровые рабочие не могут считать себя обеспеченными на год.

— И на сколько времени у вас еще осталось средств?

— Месяца на четыре.

— А дальше?

— Я не привык заглядывать в будущее, — пожал плечами Доббель.

— Да, да, вы правы, заглядывать в будущее становится все труднее и для зрячих, — подхватил Красс. — Четыре месяца. Гм... Доктор Вироваль, надо полагать, значительно сократит этот срок. И у вас тогда не

будет денег не только на лечение, но и на жизнь. Великолепно! Почему бы вам тогда не прийти ко мне?

Доббель не успел ответить.

— Номер сорок восьмой! — объявила медицинская сестра в белой крахмаленной косынке.

Слепой поспешно поднялся. Сестра подошла к нему, взяла за руку и увела в кабинет. Крусс начал рассматривать иллюстрированные журналы, лежащие на круглом лакированном столике.

Через несколько минут Доббель с радостно-взволнованным лицом вышел из кабинета. Крусс подбежал к нему.

— Позвольте мне довести вас на своей машине. Ну как? Вироваль, конечно, обещал вам вернуть зрение?

— Да, — ответил Доббель.

— Ну, разумеется. Иначе и быть не могло, — захихикал Крусс. — С его помощью вы, конечно, прозреете... в некотором роде. Вы спрашивали, что я могу обещать вам. Это будет зависеть от вас. Возможно, впоследствии я приложу все усилия, чтобы вернуть вам зрение полностью. Но сначала вы должны оказать мне одну услугу... О, не пугайтесь. Небольшой научный эксперимент, в результате которого вы, во всяком случае, выйдете из мрака слепоты...

— Что это значит? Я буду отличать свет от тьмы? А Вироваль обещает вернуть мне зрение полностью.

— Ну вот! Я же знал, что сейчас говорить с вами на эту тему преждевременно. Мой час еще не пришел.

Когда они подъехали к дому, где квартировал Доббель, Крусс сказал:

— Теперь я знаю, где вы живете. Разрешите вручить вам свою визитную карточку с адресом. Месяца через три надеюсь видеть вас у себя.

— Я также надеюсь видеть вас, видеть собственными глазами, хотя бы для того, чтобы доказать, что Вироваль...

— Не обманщик, а чудотворец? — засмеялся Крусс, захлопывая дверцу автомобиля. — Посмотрим, посмотрим!

Ничего не ответив, слепой уверенно перешел тротуар и скрылся в подъезде.

И вот Доббель снова сидит на мягком сиденье автомобиля. Денег осталось ровно столько, чтобы оплатить такси. Звонки трамваев, шум толпы затихли вдали. На коже ощущение тепла и как бы легкого давления солнечных лучей. На этой тихой улице, очевидно, нет высоких домов, которые заслоняли бы солнце. Запахло молодой зеленью, землей, весной. Доббель представил себе коттеджи, виллы, окруженные садами и цветниками. Тишину изредка нарушает только шелест автомобильных шин по асфальту. Машины

принадлежат, вероятно, собственникам особняков. Крусс должен быть действительно богатым человеком, если живет на этой улице.

Шофер затормозил, машина остановилась.

— Приехали? — спросил Доббель.

— Да, — ответил шофер. — Я провожу вас к дому.

Запахло цветами. Под ногами заскрипел песок.

— Осторожнее, лестница, — предупредил шофер.

— Благодарю вас. Теперь я дойду сам.

Доббель расплатился с шофером, поднялся по лестнице, тронул дверь — она была не закрыта — и вошел в прохладный вестибюль.

— Вы к доктору Крассу? — послышался женский голос.

— Да. Прошу ему передать, что пришел Доббель. Он знает.

Маленькая теплая рука прикоснулась к руке Доббеля.

— Я провожу вас в гостиную.

По смене запахов и температуры — то теплой, то прохладной, по изменению отраженных от стен звуков Доббель догадывался, что спутница ведет его из комнаты в комнату — большие и малые, освещенные солнцем и погруженные в тень, заставленные мебелью и пустые. Станный дом и странный порядок водить пациентов по всем комнатам.

Чуть скрипнула дверь, и знакомый голос Красса произнес:

— О, кого я вижу! Господин Доббель. Можете идти, Ирен.

Маленькую теплую руку сменила холодная сухая рука Красса. Еще несколько шагов, и Доббель почувствовал сильный смешанный запах лекарств. Звенели стекла, фарфор, сталь. Вероятно, кто-то убирал медицинские инструменты и посуду.

— Ну, вот вы и у меня, господин Доббель, — весело говорил Крусс. — Садитесь вот сюда в кресло... Однако сколько мы с вами не виделись? Если не ошибаюсь, два месяца. Позвольте, совершенно верно. Мой почтенный коллега доктор Вироваль обчистил ваши карманы даже раньше предсказанного мною срока. Видите ли вы меня, — об этом, полагаю, спрашивать не нужно.

Доббель стоял, опустив голову.

— Ну, ну, старина, не вешайте носа, — трескуче рассмеялся Крусс. — Вы не пожалеете, что пришли ко мне.

— Что же вы хотите от меня? — спросил Доббель.

— Буду говорить совершенно откровенно, — ответил Крусс. — Я искал такого человека, как вы. Да, я возьмусь бесплатно лечить вас и даже содержать на свой счет. Я употреблю все усилия, чтобы по истечении срока нашего договора полностью вернуть вам зрение...

— Какого договора? — с недоумением воскликнул Доббель.

— Разумеется, мы заключим с вами письменный договор, — хихикнул Крусс. — Должен же я обеспечить свою выгоду... У меня есть одно изо-

бретение, которое мне необходимо проверить. Предстоит операция, связанная с известным риском для вас. Если опыт удастся, то вы, временно оставаясь слепым, увидите вещи, которых не видел еще ни один человек на свете. А затем, зарегистрировав свое открытие, я обязуюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вернуть вам нормальное зрение.

— Вы полагаете, что мне остается только согласиться?

— Совершенно верно, господин Доббель. Ваше положение безвыходно. Куда вам от меня идти? На улицу с протянутой рукой?

— Но объясните же мне, по крайней мере, что произойдет со мною после операции? — раздраженно воскликнул слепой.

— О, если опыт удастся, то... Я думаю, я уверен, что после операции вы сможете видеть электрический ток, магнитные поля, радиоволны — словом, всякое движение электронов. Невероятные вещи! Каким образом? Очень просто. Вы знаете, что каждый орган реагирует на внешние раздражения присущим ему специфическим образом. Ударьте легонько по ушам, и вы услышите шум. Попробуйте надавить на глазное яблоко, и вы получите уже световое ощущение, у вас, как говорят, искры из глаз посыплются. Таким образом орган зрения отвечает не только на световое раздражение, но и на механическое, термическое, электрическое.

Я сконструировал очень маленький аппаратик — электроноскоп, нечто вроде панцирного гальваноскопа высочайшей чувствительности. Провода электроноскопа — тончайшие серебряные проволоки — присоединяются к зрительному нерву или зрительному центру в головном мозге. И на ток, который появится в моем аппарате-электроноскопе, зрительный нерв или центр должен реагировать световым ощущением. Все это просто.

Трудность заключается в том, чтобы мертвый механизм электроноскопа подключить к системе живого зрительного органа, и чтобы вы могли световые ощущения проецировать в пространстве. По всей вероятности, ваш зрительный нерв не поражен на всем протяжении. Не легко будет найти наилучшую точку контакта. Впрочем, к операции мы прибегнем лишь в крайнем случае. Ведь электрический ток может добраться до зрительного нерва и по смежным нервам, мышцам, сосудам. Вот основное. Подробности я вам объясню, если вы решите...

— Я уже решил, — ответил Доббель, махнув рукой. — Мне терять нечего. Экспериментируйте, как хотите. Можете даже продолбить мне череп, если потребуется.

— Ну, что же, отлично. У вас теперь, по крайней мере, есть цель жизни. Видеть то, чего еще не видел ни один человек в мире! Это не всякому выпадает на долю.

— А уж на вашу долю в связи с этим, наверное, тоже кое-что перепадет! — язвительно заметил Доббель.

— Выгодная реклама, не больше, которая поможет мне отбить у Вироваля всех его пациентов, — с самодовольным смехом ответил Крусс.

— Темнота. Черная как сажа и глубокая как бездна, впрочем, я лгу: полная темнота не имеет пространственного измерения. Я не представляю, простираются ли передо мною тысячи кубических километров или сантиметры пустоты, нахожусь ли я в пустоте, или же со всех сторон меня окружают предметы. Они для меня не существуют, пока я не дотронусь до них или не расшибу себе лоб... — И Доббель замолчал.

Он лежал на кровати в большой белой комнате. Голова и глаза его были забинтованы. Крусс сидел в кресле возле кровати и курил сигару.

— Скажите, доктор, почему вы так тяжело дышите? — спросил Доббель.

— Не знаю. Наверное, сердечко шалит. От волнения... Да, я волнуюсь, господин Доббель... Волнуюсь, наверное, больше вашего... Почему так долго ничего...

— Послушайте! — вдруг воскликнул Доббель и приподнялся на кровати.

— Лежите, лежите! — Крусс поспешил уложить его голову на подушку.

— Послушайте! Мне кажется... я вижу...

— Наконец-то! — свистящим шепотом произнес Крусс. — Что же вы видите?

— Я вижу... — взволнованно ответил Доббель, — мне кажется... если это не зрительная галлюцинация... Бывают зрительные галлюцинации у слепых?

— Да ну же, что вы видите? — вскричал Крусс, ерзая в кресле.

Но Доббель замолчал. Его лицо было бледным и таким сосредоточенным, словно он к чему-то прислушивался. Крусс поднялся, осторожно ступая, дошел до двери и нажал кнопку электрического звонка. Когда появилась санитарка в белом халате, он приказал тихо, как бы боясь нарушить грезы Доббеля:

— Скорее... нитроглицерин... у меня сердечный приступ.

— Доктор! Доктор Крусс! Да, да, я вижу... тьма ожила! — как в бреду заговорил Доббель. — Проходят какие-то сгущения светового тумана...

— Какого цвета? — взвизгнул Крусс, тяжело дыша.

— Свет белый... хотя на фоне мрака кажется чуть голубоватым... Световые пятна приходят и уходят ритмически, как волны...

— Волны! — хрипел Крусс. — Проклятье! Недостает только, чтобы я умер именно сейчас. Давайте! Скорее давайте! — обратился он к вошедшей санитарке, жадно выпил лекарство, опустил веки и откинулся на спинку кресла. Хрипы стали реже и тише.

— Прохождения световой материи бывают то короче, то длиннее, — говорил Доббель о своих видениях.

— Быть может, это работает радиотелеграф? — высказал предположение Крусс. — Ну вот, мне уже лучше, значительно лучше. Я вас слушаю.

— Удивительно. Передо мною словно проявляется фотографическая пластинка. Я вижу больше света... Пятна, точки, дуги, кольца, волны, узкие трепещущие лучи пересекают, пронизывают друг друга, сливаются, расходятся, переливаются... Световая сетка, узоры... Как трудно разобраться во всем этом!

— Замечательно! Бесподобно! — восхищался Крусс удачными результатами своего опыта. — Вам трудно разобраться потому, что вы еще не приспособились регулировать аппарат и не можете выделять токи различной силы. Немудрено, что вы находитесь как бы в световом хаосе. Но вы быстро овладеете регулятором и сможете выделять токи, от слабых до сильных, любого напряжения. Да не жалеете же слов, дружище! Что вы еще видите?

— Нет больше темноты, — продолжал Доббель. — Пространство полно света. Свет разной силы и — да, да! — разной окраски — голубой, красноватый, зеленоватый, фиолетовый, синий... Вот с левой стороны вспыхнуло световое пятно величиною с яблоко. От него исходят голубоватые лучи, как от маленького солнца...

— Что такое? — воскликнул Крусс, вскакивая с кресла. — Вы видите? Не может быть! Ведь это луч солнца из окна упал и осветил полированный шарик на ручке двери. Но не можете же вы видеть этот шарик!

— Я не вижу шарика. Я вижу только световое пятно и голубоватые лучи, исходящие от него.

— Но как? Почему? Какие лучи?

— Мне кажется, я нашел разгадку, господин Крусс. Энергия солнечного луча, осветившего шарик, начала вырывать с металлической поверхности шарика электроны.

— Да, да, да! Вы правы. Как только я сразу не догадался. А ну-ка, сделаем такой опыт. Вы, конечно, не видите, где находятся провода электрической лампы? Так. Теперь я включаю свет. Электрический ток двинулся, и...

— И я увидел электрический провод. Светящаяся линия проходит по потолку, по стене... а вон там, в углу, происходит утечка тока. Вам придется пригласить монтера... Дальше провод проходит через ряд комнат, спускается в первый этаж, выходит на улицу... Я вижу и горящую электрическую лампу. Вот она. Только я вижу не свет, а токи электронов от накаливаемого волоска...

— Термионная эмиссия, или эффект Эдисона, — кивнул головой Крусс.

— А знаете что, господин Крусс? — весело сказал Доббель. — Я вижу кое-что и более интересное, чем эффект Эдисона в горящей лампочке. Вижу, даже не поворачивая головы. Будьте добры, подойдите к моей кровати. Так. Здесь ваша голова? А здесь сердце?

— Совершенно верно... Гром и молния! Неужели вы... неужели вы видите электротоки, излучаемые моими мозгом и сердцем? Хотя что же тут удивительного? Ведь в каждой клетке нашего организма происходят сложные химические процессы, сопровождаемые электрическими явлениями. Но сердце и мозг — это настоящие генераторы.

— От вашей головы исходит мягкий лиловый свет. Он усиливается, когда вы начинаете напряженно думать. А когда волнуетесь, разгорается пламенем ваше сердце, — сказал Доббель.

— Вы клад, Доббель! Вы золото! Вы незаменимый для науки человек! Ведь гальванометр не может рассказать всего, как вы! Я горжусь собою... и вами, Доббель! Сегодня вечером мы покатаемся с вами по городу в автомобиле, и вы расскажете мне о ваших видениях!

Перед Доббелем открылся новый мир. Тот вечер, когда Крусс катал его по городу в авто, навсегда остался в памяти Доббеля. Этот первый вечер был совершенно волшебным, фантастическим!

Доббель видел свет всюду, где только имелся электрический ток, а где же нет электричества в большом городе! Он видел вспышки высокого напряжения от автомобильных двигателей. Моторы трамваев катились по улицам, как китайские колеса фейерверков, отбрасывая от себя снопы искр. Слово расплавленные канаты, висели вдоль улиц трамвайные провода, вокруг них были такие мощные магнитные поля, что светом наполнялась вся улица. Многочисленные кабели ярко светились под землей. Кое-где они были неисправны, и Доббель отчетливо видел уходящие в землю голубые ветвистые ручейки — утечка тока. А позади себя, далеко на окраине города, он видел зарево и целые каскады огня. Там была расположена городская электростанция, излучавшая эти огненные каскады.

Любопытно было смотреть на многоэтажные дома. Доббель не видел стен. Он видел только ярко светящуюся сложную решетку проводов электрического освещения и более слабый свет телефонных проводов. Там и сям в домах виднелись косматые световые пятна — моторы. Над городом, до самых звезд, как бы связывая небо с землею, текли световые потоки, ливни, реки света — то была игра космических лучей, вырвавшихся из недр солнца электронов и магнитных токов самой земли...

— Не один ученый дал бы выколоть себе глаза, чтобы видеть все это! — восторженно воскликнул Крусс, слушая описания Доббеля. — Кстати, будьте готовы, Доббель. Завтра вас интервьюируют журналисты крупнейших газет, а послезавтра я демонстрирую вас в научном обществе.

Изобретение Крусса произвело сенсацию. Несколько дней подряд все газеты наперебой трубили о нем, и Крусс купался в лучах славы. Доббеля

тоже непрерывно интервьюировали и фотографировали, а затем он начал получать письма с деловыми предложениями.

Военное ведомство предполагало использовать Доббеля для перехватывания во время войны радиотелеграмм противника. Крупная фирма «Электроремонт» предлагала ему работу — контроль над утечкой тока в подземных кабелях и обнаружение так называемых бродячих токов. Фирма подсчитала, что живой аппарат — Доббель — обойдется дешевле монтеров и техников, вооруженных обычными аппаратами, определяющими место утечки тока.

Наконец и Всеобщая компания электричества сделала ему предложение — служить живым аппаратом при опытных работах в научной лаборатории компании. Крусс разрешил Доббелю принять предложение Всеобщей компании электричества, но оговорил:

— Жить вы будете по-прежнему у меня. Так мне будет удобнее. Ведь договор наш остается пока в силе. Я не произвел еще над вами всех интересующих меня наблюдений.

Для Доббеля вновь началась трудовая жизнь.

Ровно в восемь утра он уже сидел в лаборатории, окруженный своим прозрачным миром светящихся шаров, колец, облаков, полос, звезд, и объяснял, объяснял все виденное. Две стенографистки записывали его слова.

При помощи Доббеля, говорящего и мыслящего аппарата, было разрешено несколько не поддававшихся разрешению обычным путем научных вопросов. Его ценили. Ему хорошо платили.

— Я могу считать себя самым счастливым человеком среди слепых, но зрячие все же счастливее меня, — говорил он Круссу, который ежедневно выслушивал его отчеты о работе и продолжал свои изыскания по усовершенствованию изобретенного им аппарата.

И вот настал день, когда Крусс сказал:

— Господин Доббель! Сегодня истек срок нашего договора. Я должен исполнить свое обязательство — вернуть вам нормальное зрение. Но вам тогда придется потерять вашу способность видеть движение электронов. Это все-таки давало какое-то преимущество в жизни.

— Вот еще! Преимущество быть живым аппаратом! Не желаю. Довольно. Я хочу иметь нормальное зрение, быть нормальным человеком, а не ходячим гальваноскопом.

— Дело ваше, — усмехнулся Крусс. — Итак, начнем курс лечения.

Настал и этот счастливый день в жизни Доббеля. Он увидел желтое, покрытое морщинами лицо Крусса, молодое, но злое лицо сестры, помогающей ему, увидел капли дождя на стеклах большого окна, серые тучи на осеннем небе, желтые листья на деревьях. Природа не позаботилась встре-

тить прозрение Доббеля более веселыми красками. Но это пустяки. Были бы глаза, а веселые краски найдутся!

Крусс и Доббель некоторое время молча смотрели друг на друга. Потом Доббель крепко пожал Крассу руку:

— Не нахожу слов для благодарности...

Крусс отошел от кресла, приподняв правое плечо, и ответил:

— Благодарить незачем. Для меня лучшая награда — успех в моей работе. Я же не шарлатан, не Вироваль. Вернув вам зрение, я доказал это всем — надеюсь, его приемная очень скоро опустеет... Но довольно обо мне. Вот вы и зрячий, здоровый, нормальный человек. Можно позавидовать вашему росту, вашей физической силе и... что же вы намерены сейчас делать?

— Я понял ваш намек. Я больше не пациент и не должен обременять вас своим присутствием. Сегодня же я перееду в отель, а затем подыщу квартиру и работу.

— Ну, что ж, желаю вам успеха, Доббель.

Прошел месяц.

Однажды Красса попросили спуститься в вестибюль. Там стоял в пальто с приподнятым воротником и со шляпой в руках Доббель. Струйки дождя стекали с полей его шляпы на паркетный пол. Он выглядел уставшим и похудевшим.

— Господин Крусс! — сказал Доббель. — Я пришел еще раз поблагодарить вас. Вы вернули мне зрение. Я прозрел...

— Вы лучше скажите, удалось вам найти работу?

— Работу? — желчно рассмеялся Доббель. — Я прозрел, господин Крусс. Прозрел вдвойне. И я хочу попросить вас... ослепить меня. Сделайте меня навсегда слепцом, видящим только движение электронов.

— Добровольно подвергнуть себя ослеплению?! Но ведь это чудовищно! — воскликнул Крусс.

— У меня нет другого выхода. Не умирать же мне с голоду.

— Нет, я решительно отказываюсь сделать это! Что подумали бы обо мне! И потом, вы опоздали. Да. Занимаясь электроноскопом, я внес в него кое-какие конструктивные изменения, запатентовал и продал патент Всеобщей компании электричества. Теперь каждый человек может с помощью моего электроноскопа видеть ток. И компания не нуждается в таких ясновидящих слепцах, каким были вы, Доббель.

Доббель молча надел мокрую шляпу и в раздумье посмотрел на свои сильные молодые руки.

— Ладно, — сказал он, в упор взглянув на Красса. — Они годятся, по крайней мере, на то, чтобы сломать всю эту чертову мельницу. Прощайте, господин Крусс! — и вышел, громко хлопнув дверью.

Дождь прошел, и на синем осеннем небе ярко сияло солнце. □

Ольга Кравцова

Я не помню момент, когда в люльку подбросили флейту,
Когда первой зимы прикоснулось дыханье к окну,
Но с железным коньком я белесую помню скамейку
И отрезанный локон, разрушающий кудрей копну.

Моей матери нежной, навсегда обреченной и юной,
Люто сброшенной в бездну непонятных проклятий земных,
Помню музыку в комнате мне доселе неведомых струнных,
И улыбки на лицах мне еще не известных родных.

Что-то было во мне, что безудержно сердцем кричало,
Будоража весь дом, нарушая привычный уклад.
Это пело моей нескончаемой песни начало, —
Начинался мой путь, и планет начинался парад.

Амария Рай

Мантинегро

1

Говорят, что среди нас можно найти примерно двести генотипов, признаки которых — и внешность, и жестикуляция, и темперамент — порой настолько совпадают в носителях, что и в своем круге общения, при его достаточной численности, мы можем встретить двойников. Вот господин П. Высокий, худой, волосы волнистые, с ранней сединой, глаза цвета стали на вытянутом лице, поскрипывающий голос, речь размеренная и с «гм», венчающим каждую оформленную мысль. Стоп, а не господин ли Ш. Это? Нет, тот старше, волос у него поменьше, да и особого сходства между ними нет, но и

* Журнальный вариант

только! Образ — тот самый информационно-энергетический след человека, который долгое время хранит наша память — схож у многих встречающихся нам людей. И, бывает, глядя на случайного попутчика, силишься вспомнить: где, при каких обстоятельствах вас сталкивала жизнь, встречались-то точно! Разговоришься — еще больше уверенности. «Ба! — проясняется в сознании, — да он просто копия твоего инстинтутского товарища!..»

Но наша Анна самобытна невероятно. Наблюдая за ней в течение десяти лет, могу смело утверждать, что никого, подобного ей или напоминающего ее, не встречала.

Крупная синеглазая блондинка, кудрявая, широколицая, с непропорционально крутыми бедрами, плавной медленной походкой на больших, почти мужских ступнях, со звучным, даже зычным, очень сексуальным, в силу естественного придыхания и медлительности речи, голосом.

К внешности Анны больше всего подходит определение «абсолютно натуральна»: подкрашивает ресницы, иногда — губы. Ведет себя стабильно и спокойно, но случаются и всякие «вдруг».

Вдруг пришла в офис с геометрически идеальными, яркими и четкими дугами бровей цвета горького шоколада. Эффект был интересный: с расстояния нескольких метров были видны брови, вокруг которых угадывалась Анна.

Вдруг «примерит» черные ногти и губы. Да, губы, пожалуй, — самое примечательное в ее лице. Необычные, плоские и широкие, напоминающие мне отверстие раковины редкого моллюска, той, что только шаманы далеких островов носят на своих шеях, так что кажется, будто Анна постоянно слегка улыбается.

Мы давно коллеги, точнее, я — ее босс. При отсутствии моего явно выраженного интереса к

ее судьбе, она мне небезразлична. Было несколько моментов... По опыту и эмоционально окрашенным комментариям членов нашего, преимущественно женского, коллектива я знаю, что Анины «вдруг» во внешности означают, что она встретила — «вдруг это Он?» — нового мужчину.

Я не удивлялась частоте этих знакомств, все же Анне сорок, женщине ее лет необходим нормальный и регулярный секс. Удивляло меня другое — ее возобновляемая из раза в раз уверенность, что очередной случайный человек и есть ее долгожданный единственный. Словно она начисто забывала прежних, словно не испытывала боли, что опять не тот. Не было на ее румянном лице и тени комплексов брошенной, нежеланной, ищущей женщины, так часто отпечатывающихся на одиночках.

Анна любила мужчин. Иногда я, как обычно, замороженная делами, испытывала легкую зависть к ее бескомпромиссному стремлению отдаться утехам на пару дней. Буквально! Она просто пропадала с глаз, исчезала из эфира — дома за нее сладким ее голосом пел автоответчик. Первые два раза я дико волновалась: одиноко проживающая сотрудница исчезла! Пыталась привлечь полицию, искала адрес или телефон ее матери в Пятигорске... Анна появлялась на третий день как ни в чем не бывало, с улыбкой и несколько смущенно просила не карать ее строго, были, мол, неотложные дела, она уезжала, предупредить не могла. На третий раз сослуживцы разъяснили мне, что Ан — так ее звали некоторые коллеги — просто опять загуляла с мужиком, волноваться не стоит, на третий день объявится. Мое замешательство длилось недолго. Да, сказали мне, Ан такая: летом на страшных подмосковных пляжах знакомится, зимой — на катке, а последнего встретила прямо в своем лифте, там и начали. Испытав волну различных чувств, я перестала следить за ее графиком. Анна — эффективный работник, клиенты ее ценят, и — слава богу!

Шли годы, контора наша развивалась. На смену подмосковным пляжам пришли зарубежные города.

Ездили, в основном, наши девушки. Кто в Прибалтику, кто подальше. Могли себе позволить по настроению слетать на пару-тройку дней в Турцию или Египет. В отличие от коллег, Ан всегда путешествовала в одиночестве.

— Кира Петровна, могу я попросить отпуск? — протяжные, с придыханием произнесенные слова заставили меня отвлечься от монитора, где кипела переписка.

— Что, Марецкая, что? Повторите! — с нетерпением откликнулась я.

— Мне очень нужен отпуск, Кира Петровна, правда, очень! — В ее глазах читалось что-то новое, как будто маленькие фонарики зажглись в го-

лубой радужке. Исходящее от нее волнение, едва уловимый флер какой-то тайны спровоцировали мой следующий вопрос:

— Что случилось? Выкладывайте!

Я не любила минуты, когда любопытство толкало меня на сокращение дистанции, но еще меньше я любила непредсказуемые поступки. В нашем тонком бизнесе непредсказуемость сотрудников ведет к потере репутации, а это то, чего я, пестовавшая свое агентство недвижимости уже седьмой год, опасалась более всего, так как именно потерю репутации фирмы считала настоящим фиаско.

Мой нахмуренный вид не произвел на Анну никакого впечатления.

— Я не могу сказать, ой, Кира Петровна, дорогая, давайте, я не буду говорить! — Плечи ее расправились, внешне она выглядела спокойно, а глаза продолжали нахально искриться.

— Что случилось? Не томите, Анна Александровна!

— Нет, нет, ничего такого! Мне просто нужно срочно в Монтенегро...

— Куда?!

— Ну, в Монтенегро...

Я с трудом сдержала хохоток, подкативший к горлу. В этом было что-то анекдотичное: вот сидим мы в центре Москвы, работаем, обслуживаем клиентские обращения, продаем недвижимость, в Черногории в том числе... В полдень приходит Ан, и ей срочно нужно уехать, и не куда-нибудь, а «в Монтенегро»!

— Марецкая, не взрывайте мне мозг! Объясните, зачем вам в Черногорию, причем срочно?

— Ну, дело в том, что в Монтенегро, — не унималась она, — не нужна виза, и там можно перейти границу с Австрией...

— Вы имеете в виду, нелегально?! — Мои глаза, казалось, стали больше моих очков.

— Ну, не совсем... Ой, Кира Петровна, дорогая, не волнуйтесь! Ничего такого не случится. Я буду очень аккуратна!

Я поняла, что ни узнать что-то наверняка, ни подействовать на Марецкую невозможно. Получать все более странные ответы мне не хотелось, поэтому, глубоко вздохнув и откинувшись на спинку кресла, я коротко спросила:

— Когда?

— У меня билеты на руках, вылет послезавтра...

— Заявление написали? Давайте сюда.

Отпустив Анну на неделю, меж рутинными делами пару раз я вспоминала тот наш разговор. На пятый день ее отсутствия ко мне заглянула Шмелева, наша кадровичка, питавшая к Марецкой почти материнские чувства, хотя разница в возрасте у них не превышала и десяти лет.

— Можно, Кира Петровна?

— Проходите, присаживайтесь.

— Я по поводу Марецкой, — придвигая стул и садясь, как обычно, на самый его край, сообщила Шмелева.

— Что еще? — с нескрываемой досадой выдохнула я.

— Она звонила, просит дать ей еще неделю по семейным обстоятельствам. Я думаю, надо бы дать.

Я давно знала Шмелеву, очевидно, ей что-то известно. Излагает деланным голосом, глазки бегают.

— Аглая Сергеевна, что там еще за обстоятельства?

— Семейные, Кира Петровна.

— Говорите, как есть, не темните, все мы знаем, что у Марецкой два брака, оба позади, детей, насколько мне известно, нет, мать живет в России...

Я почувствовала раздражение, мне было очень хорошо известно, что наш дамский коллектив не прочь обмусолить каждую деталь моей личной жизни, но, как только что-то происходило в их среде, я узнавала об этом или случайно, или преодолевая подчеркнутое сопротивление, что было с их стороны своеобразной мстостью за ту самую дистанцию, которой, в частности, среди прочего, измеряется успешность лидера.

Первые годы мы жили под лозунгом «Давай-давай!» — этакая артель, почти семья, в сорокаметровом офисе, который возник на месте дворницкой старинного московского дома. Превращение наше из семьи в компанию было для многих болезненным. Какое-то время я старалась поддерживать иллюзию прежней близости. Сотрудники мои по-прежнему запросто приходили в переговорную нашего нового стильного офиса, где я, за неимени-

ем кабинета, обыкновенно работала с документами. Они как будто забывали о существовании внутреннего телефона, все как один предпочитая не звонить, а именно прийти, преодолев разделяющие нас метры пространства, и с ходу начать задавать интересующие их вопросы...

Шмелева поежилась: она не любила просить меня о чем-либо, ей это давалось со значительным напряжением. Но в данном случае просила, во-первых, не за себя, а, во-вторых, она решительно не могла выдать причину, по которой Марецкая хотела задержаться, дав, видимо, той обещание. Поэтому и поступила, как ей казалось, оптимально: просто умолкла, продолжая просительно смотреть на меня.

Я сдалась первой.

— Сколько хочет?

— Еще неделю.

— Оформляйте!

2

За три месяца до этого Анна гуляла по залитой солнцем прекрасной Вене. Ей было удивительно хорошо в этом незнакомом, таком изящном, умытом и ухоженном городе, наводненном изысканными домами и хорошо одетыми, довольными людьми. Она шла по степенным центральным улицам, наслаждаясь полным отсутствием цели, просто наблюдая жизнь вокруг. Вот за столиком летней веранды кафе сидит милая пара. Обоим, должно быть, около восьмидесяти. Одеты в светлые костюмы, а волосы совсем седые, такие яркие-яркие белые волосы. Ждут свой полуденный кофе, трогательно держась за

руки. А напротив, в небольшом палисаднике, на лавке с чугунными ножками целуются совсем молодые. Воробьи галдят на деревьях, слетая ручьястыми стайками под ноги пешеходам и норовя стащить что-нибудь.

На углу у очередного кафе тоже группа каких-то людей. Подойдя поближе, Анна поняла, что это — уличные художники, и сидят они на перевернутых ящиках: один рисует карандашом портрет позирующей девушки, второй, огромный как гора, с волосами до плеч, отдыхает, надвинув широкополую шляпу на глаза, тихонько насвистывая какую-то заунывную мелодию.

Анна подошла еще ближе и остановилась в нескольких метрах, наблюдая за работой портретиста. Второй вдруг резко повернулся, сдвинул шляпу на затылок и, широко улыбнувшись, громогласно произнес:

— *Wanna portrait, lady?* (Госпожа желает портрет? — *англ.*)

Анна смутилась, вопрос был явно адресован ей. Под задорным взглядом этого большого человека она стала потихоньку заливаться краской. Как любая натуральная блондинка, вспыхивала Анна мгновенно. Она не уловила смысла слов, но поняла, что обратился он по-английски, а английского она не знала.

— *Where are you from? Sweden? Poland?* (Откуда вы? Швеция? Польша? — *англ.*)

— Рашша, — певуче выдохнула Анна.

Через несколько минут она уже сидела на раскладном стуле напротив него. Вначале он сосредоточенно изучал ее облик, рассеянным взглядом блуждал по овалу лица, волосам, шее. У Анны рождались ощущения ласки от прикосновения этих черных, глубоко посаженных, хищных глаз к ее контурам. Художника звали Горан. Сделав для начала разметку, потом набросок, он стал выписывать лицо белокурой женщины мелкими штрихами, коротко поглядывая на нее время от времени.

Горан был по-мужски красив: густые смольяные, с проседью, волосы, крупный с горбинкой нос, над большим ртом — пушистые, ровно постриженные усы. Анна с удовольствием изучала это лицо, пытаясь поймать его ускользающий взгляд. В какой-то момент ей показалось, что они давным-давно знакомы, что она помнит родинки на его теле и его запах — немного мускуса с табаком. Она хорошо знала, к чему обыкновенно приводит это чувство. Но в этот раз ей было как-то неловко: она не могла понять, что именно было не так, но ей не хотелось близости с этим мужчиной. Ей хотелось, чтобы он взял ее за руку, повел в какое-нибудь венское кафе, сидел и молча смотрел на нее, не выпуская ее руки, и чтобы это длилось вечно...

Прошло полчаса, и портрет был закончен. Сходство получилось поразительное, но при этом что-то неуловимое отпечталось в ее изображении на листе ватмана: это была она и не она. Коллега-художник одобрительно зацокал языком, показывая большой палец.

— So good, Goran! You are very beautiful, madam! (Хорошо, Горан! Вы очень красивы, мадам! — *англ.*)

Отдавая ей подписанную работу, Горан вдруг схватил ее за руку выше локтя, привлек ее к себе и шепнул, мягко пройдясь усами по виску:

— Come tomorrow, понятен? Прихადы!

Анна кивнула, высвободилась и пошла, свернув за угол, не оглядываясь.

— Прихады! — донесся вслед его голос.

Она махнула рукой и ускорила шаг.

В гостиничном номере Анна достала из тумбочки стандартный набор: полиэтиленовый пакетик с несколькими разноцветными нитками, намотанными на картонные кусочки, парой булавок и иголок. Вынув иглы и булавки, аккуратно припилила портрет к обоям на стене напротив кровати, легла и долго смотрела на эту неожиданную себя. Остаток дня она провела в гостинице, раздумывая о Горане, вспоминая его лицо, гадая, стоит ли идти завтра на угол к маленькому кафе?..

Спала Анна беспокойно, проснулась рано, первое, что увидела, открыв глаза, — портрет. За ночь одна иголка отшпилилась, и угол ватмана немного приподнялся, что сделало нарисованное лицо еще более тонким и загадочным.

Позавтракать она решила в номере. Круассан, кофе с молоком, сыр, ветчина и тост с маслом и джемом. Как всегда в поездках, еда была вкусной и особенно аппетитной, дома никогда не удавалось позавтракать с таким удовольствием, несмотря на то, что набор продуктов мог быть точен таким же...

Идти или нет? В любом случае, надо чем-то занять утро, не бежать же первым делом к нему, показывая свое нетерпение, свою доступность!

Послонявшись по номеру, она решила принять душ. Затем, обернувшись полотенцем, присела на кровать и включила телевизор. Анна смотрела на экран, а мысли ее были далеко... Так прошел час, и она, не выдержав, решительно поднялась и начала одеваться.

Около десяти утра Анна, в нарядном белом платье и легкой ветровке, вышла из отеля. Волнение внутри нарастало. Ей приходилось сдерживаться, чтобы не шагать слишком быстро, но ноги буквально бежали — все ее существо стремилось как можно быстрее увидеть этого загадочного и притягательного человека. Сердце подпрыгивало, дыхание стало частым и прерывистым, а внутри тянуло что-то сладкое, неизданное.

Замедлить шаг ей удалось только после поворота к витринам: отсюда уже было видно, что художники на месте. Немного отдышавшись, она прислушалась к себе: сладкая тянучка за грудиной не отпускала. По мере приближения к цели волнение сменилось нарастающим восторгом. Почему-то она была уверена, что ее ждут, что ей будут рады.

Он встал ей навстречу, загородив своей косматой головой солнце. Это был единственный знакомый мужчина, столь значительно превышающий ее в размерах. При ее метре восьмидесяти он был выше на целую голову, и она вдруг почувствовала себястройной и хрупкой. Это было чудесно!

— Ты пришла! — с ударением на первом слоге сказал он.

— Да, я пришла, — ответила она так же.

Он взял ее за руку и повел прочь. Ей было все равно, куда. Они прошли по улице, потом свернули в крошечный переулок, а там — во двор трехэтажного дома с мансардой. В темном подъезде он взял ее голову своими ручищами и наугад поцеловал. С трудом оторвавшись, снова схватил ее руку и потащил за собой по узкой лестнице. Видимо, это был черный ход. Увлекаемая им, Анна быстро перебирала ногами, и вскоре они очутились перед выкрашенной красной облупившейся краской деревянной дверью на мансардном этаже. Горан достал ключи, нетерпеливо отпер два замка и толкнул Анну внутрь. Это была мастерская: здесь пахло красками, маслом, чем-то бензиновым. Он потащил ее в комнатку справа от входа и бросил на железную кровать. Она не сопротивлялась, лежала навзничь и смотрела с возбужденной улыбкой, как поспешно он расстегивает куртку, стягивает выдавшую виды футболку, обнажая красивый торс, расстегивает джинсы, наконец, снимает все, демонстрируя однозначность своих намерений. Он поспешно лег, накрыв ее своим телом, большие шершавые

руки прошлись по ней... Он вертел ею как куклой — огромный мужчина и ставшая вдруг миниатюрной женщина...

Когда все закончилось, и они, наконец, просто лежали, мокрые, утомленные, Анна потянулась за часами и не поверила своим глазам: стрелки показывали три часа. Хотелось есть, а еще больше — пить. Голова кружилась как от шампанского, все тело млело от истомы. Горан лежал на животе, отвернувшись к стене. Анна прикоснулась к нему ладонью, и он, шумно вздохнув, повернул к ней довольное лицо:

— Как?

— Хорошо...

Остаток дня они провели вместе. Приняли душ в старой ржавой ванне, которая опасно раскачивалась под их весом, когда они менялись местами. Он подал ей длинный махровый халат, а сам остался обнаженным. Они выпили холодного молока и съели по помидорине в крохотной кухне. Потом он показал ей мастерскую. Здесь было запустение, пылища покрывала все горизонтальные поверхности мохнатым слоем, из окошка в крыше свисала липкая лента с истлевшими трупиками мух, здесь же паучок свил свои нити. Вдоль стен стояло множество холстов разных размеров и форм. Высота конька мансарды была не более трех метров, а у стен — меньше полутора, и великану пришлось согнуться пополам, чтобы подлезть туда и достать картины. В основном это были многоцветные, сочные абстракции, написанные маслом. Анне они очень понравились, и Горан, воодушевленный ее реакцией, начал доставать все новые и новые работы, что-то вспоминал, взахлеб рассказывал, забывая, что она не понимает сербский, и восторгался так искренне и чисто, как маленький мальчик восторгается своими первыми значимыми достижениями.

И в какой-то момент Анна вдруг поняла, что любит его. А еще она вспомнила о том, что завтра улетает домой, в Москву. Бормоча что-то, Горан с трудом дотянулся до дальней стены, где за полками стояло еще несколько холстов. Достав один, овальной формы, он развернул его к Анне, и на ее лице вдруг отразились смещение, удивление и даже испуг. Горан повернул картину к себе и охнул сам. Анна замахала руками, мол, нет, покажи, но он решительно убрал ее на место. То, что успела рассмотреть Анна, было совсем не похоже на какую-либо другую картину Горана. Изможденное желтоватое женское лицо, на котором сливовым цветом сияли огромные, печальные глаза, волосы как пакля свисали по бокам от белой чалмы, бескровные, будто умышленно покрашенные мелом, губы. Было видно, что Горан расстроился. Он выполз из угла, куда засунул портрет, и долгим внимательным взглядом посмотрел на Анну. Затем подошел к ней и положил голову на ее колени. Она запустила пальцы в его волосы и стала нежно перебирать их.

— Как твое имя? — неожиданно спросил Горан.

— Анна.

— То моя женка, Аня, она мертва.

Они сидели долго и молчали, пока он не встрепенулся и не сказал, удивив себя ладонью по лбу:

— Покаже тебе! Покаже!

Вскочил, достал из шкафа ворох альбомных листов и передал ей. До Анны не сразу дошло, что это — она, ее лицо, ее тело.

— Малевал прошла ночь. Зараз я лучше понимаю! — улыбнулся Горан и скомандовал: — В ресторацию!

Утром коварный солнечный лучик проник через окошко в крыше и заиграл на ее лице. Горан проснулся раньше и теперь смотрел на эту немного странную, но неожиданно ставшую ему по-настоящему близкой женщину. Непропорциональная, не то, чтобы красивая, но такая самобытная, ни на кого не похожая и даже яркая, когда, искрясь синим, смотрит из-под белесых своих ресниц.

— Аня, Аня, Аня, — поцеловал он ее в лоб.

Солнечные зайчики запрыгали в радужках раскрывшихся глаз. Она потянулась, прижалась к нему, тряхнула кудрями и грустно проговорила:

— Мне пора в отель.

— Нет, нет, мы будем любить, — потянул ее за плечи Горан, пытаясь уложить обратно.

Она аккуратно, но твердо сняла его большие ладони и серьезно посмотрела в его глаза:

— Я уезжаю сегодня, понимаешь, я улетаю домой, в Москву, мне нужно в отель, потом в аэропорт, мой самолет вылетает в четыре.

Он, кажется, все понял и сразу как-то сник, отчего стал выглядеть старше...

Горан отвез ее до отеля на своей старенькой «мазде». Она собрала вещи, скрутила в аккуратную трубочку свой портрет, положила его в чемодан в картонной коробке из-под коньячной бутылки, которую выпросила еще накануне у бармена, расплатилась по счетам и спустилась к нему. У них оставалось время где-нибудь наскоро перекусить. Решили посидеть прямо здесь, в лобби-баре. Заказали сэндвичи, пару салатов. Пока ждали, Горан все смотрел на нее, а она отводила взгляд и упорно молчала. Анне и вправду нечего было сказать. Он стал дорог ей, не хотелось улетать, но реальность такова, и с этим ничего не поделать. Официантка — другая, не та, что принимала заказ, принесла еду и, поздоровавшись, оживленно заговорила с Гораном по-сербски, бросая на Анну придирчивые, почти ревнивые взгляды и слащаво ему улыбаясь. Коротко ответив на последнюю реплику, она наконец удалилась.

Анна была раздосадована ее бесцеремонностью, но решила ни о чем его не спрашивать и молча приступила к еде.

— Слыхала? — как всегда, с ударением на первом слоге спросил Горан.

— Что?

— Что, о тебе!

— Что обо мне? Нет, я не понимаю ваш язык!

Он взял ее за руку и привлек к себе:

— Ты — моя женка.

Эти тихо произнесенные слова расставили все акценты в ее голове. Все стало простым и ясным. Чувство родства, которое она испытывала по отношению к этому малознакомому че-

ловеку, волнение от предстоящей разлуки, желание оборвать мимолетную связь самой, чтобы после не испытывать страданий от того, что тебя бросили, забыли, — все разложилось по правильным сотам ее внутренней матрицы, обретя определенность. Главное, что она поняла, Горан — ее человек, и никто и ничто не сможет теперь отнять его у нее.

Улетала она спокойно. Перед вылетом они долго стояли обнявшись, и она старалась запомнить его запах: немного мускуса и табака, вперемешку с маслом и с их любовью...

Первое сообщение от него Анна получила еще в самолете, здесь, в праздничной Вене, заботливо соединившей ее с ее мужчиной.

3

— Марецкая в офисе? — натянута спросила я на ресепшене после стандартного приветствия. Мне хотелось услышать утвердительный ответ, и я его получила.

Пройдя, по обыкновению, в переговорную, я включила компьютер, закурила, пока он загружался, и позвонила секретарям, чтобы принесли кофе.

— Можно, Кира Петровна? — Ароматная чашка была готова, ее принесла на своих тонких длинных ногах наша красавица — Ирочка Кочубей.

— Кто звонил?

— Кира Петровна, вам звонил господин Корслоу из ДиТиЭм, просил, по возможности, перезвонить ему в офис до обеда, еще вас спрашивал Гущенко, сказал, что перезвонит вам на мобильный позже.

— Хорошо, какие планы у коллектива? Дни рождения, сделки сегодня вечером кто-то планирует отмечать?

В нашей «семье», с моей легкой руки, была установлена добрая традиция — отмечать заключенные сделки, общие праздники и дни рождения сотрудников. Это приводило к тому, что пару раз в месяц в офисе накрывался общий стол, к которому от фирмы подавались фрукты и одна бутылка игристого, прочие закуски и напитки покупались виновниками торжества.

— Марецкая спрашивала, можно ли ей сегодня собрать коллектив?

— А какой повод? — удивленно спросила я.

— Говорит, возвращение из отпуска хочет отметить! — с бесхитростной улыбкой под моим пристальным взглядом протараторила Ирочка.

— Ну, она, конечно, большой оригинал — выход из отпуска пока еще не праздновали в этих стенах, но я согласна! Купите к столу от фирмы, как обычно...

К шести часам я почувствовала, что мои ноздри раздражает запах всяких вкусностей. В агентском зале счастливая Аня Марецкая, постройневшая, с новой стрижкой, раскладывала закуски по общим блюдам, окруженная девушками с ресепшена и заинтригованными сотрудниками, которые никак не могли взять в толк, что, собственно, отмечает коллега.

— Ой, Кира Петровна, дорогая, здравствуйте! — певучим своим голосом протянула она.

— Здравствуйте, здравствуйте, Анна Александровна, добрый вечер, коллеги! Ну, как вы отдохнули?

— Спасибо большое, просто замечательно! Не знаю, как благодарить вас, что продлили мой отпуск, это, правда, было очень важно для меня!

— Как там Монтенегро?

— Просто здорово! Я бы хотела попросить всех наполнить бокалы, у меня есть тост.

Пока наши мужчины возились с бутылками, я пристально смотрела на Марецкую. Это была другая женщина — не та, что уезжала две недели назад. Что-то новое: какой-то явный лоск появился в ее облике, движения были такими же плавными, как всегда, но появилась какая-то неуловимая черта. Какая? Наверное, уверенность, да, скорее всего. Казалось, Аню Марецкую сгребли всю, как есть, и посадили на прочный внутренний стержень.

Загадочно улыбаясь, она подняла свой бокал и произнесла:

— Коллеги, я бы хотела поделиться с вами своей радостью: я вышла замуж!

В ответ раздался общий гомон. В целом, радостный, но были и нотки крайнего удивления.

Конечно, кто-то, думаю, та же Шмелева, был в курсе, но для большинства эта новость стала неожиданностью.

— Да, я вышла замуж и очень счастлива!

— Поздравляем! — громко сказала я, не без облегчения прощаясь с таинственным флером вокруг «отпуска по семейным обстоятельствам».

— И кто же он, этот счастливчик, Анна Александровна? — спросила Марианна Липкина, одна из тех, кто был не в курсе. — Как же это так у вас получилось: мы совсем ничего не знали, и вдруг раз... и такая новость!

— Мой муж — художник, мы познакомились в Вене этой весной...

— Так недавно? — не без ехидства произнесла Липкина.

— Да, но это не имеет значения.

— А где он сейчас? — продолжила Липкина.

— В Монтенегро.

— Где?!

Я смотрела на людей вокруг себя и улыбалась. Кивала, поддакивала, разглядывала фотографии этого «счастливчика Горана» — усатого, длинноволосого великана, которому наша немаленькая Марецкая не доставала до плеча. Улыбалась и самой себе: мне, обычно такой въедливой, вдруг не стало никакого дела до формальностей! Я не хотела знать, вышла ли Аня Марецкая замуж на самом деле или обманывается на сей счет, зачем вдаваться в тонкости оформления брака российской гражданки и иностранца на территории третьей страны? Я чувствовала жизнь в этой необычной, ни на кого не похожей Марецкой и радовалась тому, что она не будет больше пропадать на несколько дней, а если и пропадет, я уже точно знаю, что искать ее нужно в чудесном Монтенегро, где, перейдя границу с Австрией, рядом с ней будет он — ее мужчина... □

Александр Аннин

ХРОМОЙ

пеликан

Глава двадцать третья

Восход солнца застал Сергея в растерзанном состоянии. Ни одна ночная работа еще не выматывала его до такой степени, как бесплодные попытки хоть как-то подступиться к решению заданной Виктором Петровичем головоломки. Ерунда какая-то! У каждой задачи должно быть решение. Ничего не возникает ниоткуда и не пропадает никуда, так его учили в школе. Хотя Сергей и оставался убежденным материалистом, время от времени он ходил в церковь Ильи Пророка — посмотреть на Генку в роли пастыря, да и за «овцами» понаблюдать... Любопытны эти наблюдения за людьми в храме Божьем, ох, как любопытны!

Окончание. Начало в № 7, 2012 г.

...Переливался разноцветными красками экран ноутбука, на столе и на полу валялись скомканные листки бумаги... Загадка начинала казаться неразрешимой.

Сергей вывалил в пластиковую урну груды окурков, заглянул в банку из-под растворимого кофе и в очередной раз убедился, что она пуста. Да и не помогает мозгам это пойло.

Он выключил настенное бра, хотел, было, позвонить, но передумал: время, как говорила его покойная бабушка, «ни свет ни заря».

Да провались он пропадом, этот Генка! Не станет он ему звонить. К чему стыдить человека, у которого нет совести? Если бы не Леха, то Сергей никогда бы не узнал о том, что случайная встреча с незнакомцем в спортивном костюме была, оказывается, знаком судьбы, и он чуть было не прошел мимо этого знака! Как, наверное, многократно проходил прежде...

Ну уж нет, на этот раз он не проморгает свою удачу. И то, что получение миллиона фунтов стерлингов совпадает по времени с его первой международной выставкой — тоже сигнал свыше! Первая выставка. Первый миллион. А сколько их еще будет потом! Первый крупный успех — это как ямка на проселочной дороге: стоит ей образоваться, и процесс уже не остановить, под колесами авто выемка будет неудержимо разрастаться, все больше искривляя пространство и превращаясь в котлован.

Сергей, конечно, понимал, что все эти образные сентенции о «знаке свыше» никак не вяжутся с его сугубо материалистическим представлением о мироздании. Но как человек с архитектурным образованием, мыслил так: люди обитают в некой плоскости. И в ней царит рационализм. Да, плоскость безгранична, и потому нам кажется, что мы вольны выбирать любое направление вектора под названием «жизнь».

Но что такое плоскость по сравнению с трехмерным пространством? Так, ничтожная толика.

И в ее пределах помыслы и поступки человека всегда остаются плоскими, легко объяснимыми. Лишь единицам удается вырваться в третье измерение мироздания, в пространственное мышление. Там тоже господствует материализм, но он настолько непостижим для обывателя, что представляется чем-то сверхъестественным. Отсюда и возникает идея Бога.

Для гениев Бога нет, бытие таких избранных личностей протекает в недоступном простому человеку трехмерном пространстве идей. Там, в этом пространстве, совершаются открытия, рождаются шедевры искусства. А толпы маргиналов изумленно цокают языками, говоря о потусторонних силах, якобы пособляющих гению!

И он — один из таких избранных, его идея водяных домов — подтверждение тому. Простая, но до сих пор совершенно недоступная для плоского разума земляная идея.

Правильно говорят, что талант — тот, кто попадает в мишень, в которую не могут попасть остальные. А гений — тот, кто попадает в мишень, которую все прочие даже не видят.

И гениальная загадка, предложенная незнакомцем из пивной, может быть решена только пространственными методами, объемным мышлением. Решение нельзя просчитать на плоском листе бумаги или столь же плоском экране монитора. Надо выйти из плоскости в пространство, и уже оттуда, с недостижимой высоты, глазам предстанет единственно возможное решение! Простое решение, он в этом уверен. Простое и гениальное, как его дома со стенами из воды.

Из всех троих на такой шаг способен только он, Сергей. А это значит, что вчерашняя встреча с незнакомцем, его загадочный рассказ о командированных и «испарившемся» рубле предназначался исключительно для него! Леха и Генка — лишь статисты, свидетели... «А лишних свидетелей, как известно, ликвидируют», — ни к селу ни к городу промелькнула в перегретом мозгу дурацкая фраза.

Положительно, он все-таки слишком напрягался в последние дни. Невротичка вокруг создания действующего макета водяного дома, вчерашняя экспертная комиссия, добывание билета и визы... Да еще и сегодняшняя бессонная ночь, одобренная несметным количеством кофе и сигарет.

Вчера в телефонном разговоре Лешка даже сказал, что он, Сергей, пребывает в пограничном состоянии между реальностью и бредом. Идиот этот Лешка! Думает, что все можно объяснить медицинскими понятиями.

Надо выйти на воздух, навстречу поднявшемуся солнышку. Дизайнер-технолог водяных домов уже выходил минувшей ночью подышать пленительным лунным туманом. Бродил безлюдными аллеями, и ноги сами принесли его к зоопарку... Интересно, почему? Наверное, потому, что в такие

ХРОМОЙ

пеликан

ночи хочется слиться с дикой природой. Дикой и безжалостной, как маргинальный мир, в котором обитают Избранные.

Так, а теперь надо основательно взбодриться, решил Сергей и нажал на клавишу пульта дистанционного управления.

Он уже напяливал джинсы, когда до него дошло, что входная дверь уже несколько минут сотрясается под ударами чьего-то тяжелого кулака.

Глава двадцать четвертая

Надя ждала звонка Алексея с раннего утра. Должен же он поговорить с ней перед тем, как отправится на работу! Они обсудят, как проведут вторую половину дня, куда отправятся... А что, если снова сходить в зоопарк, к хромому пеликану? Теперь, после помолвки, когда так хочется любить весь мир, Яшка казался ужасно милым и забавным. И еще они обязательно поедят мороженого в маленьком кафе на острове, что неподалеку от зоопарка, на здешней речке-невеличке.

А можно съездить искупаться в озере, что за городом, — сейчас там хорошо, на берегу дымят мангалы, играет музыка... Правда, мама за завтраком сказала, что сегодня — день Ильи Пророка, а на Илью Пророка, как известно, до обеда лето, а после обеда — осень. И, словно прочитав мысли дочери, строго предупредила, что с этого момента купаться в открытых водоемах вредно для здоровья.

Интересно, будет ли гроза? По старинной примете, на Илью Пророка обязательно должна быть гроза. Надя выглянула в окошко: на горизонте и впрямь виднелась полоска облаков.

Почему он не звонит? Странно как-то. Ведь после помолвки жених должен каждый день, вплоть

до свадьбы, проводить время с невестой. И после свадьбы, между прочим, тоже — только уже в ранге законного мужа.

Наверное, проспал. Любопытно, что ему снилось этой ночью?

Можно, конечно, позвонить самой, но что-то останавливало Надю. Скорее всего, внезапное осознание собственной значимости в жизни Алексея, возникшее вчера, когда мама благословляла их иконой Николая Угодника.

Проходя мимо комнаты Игоря, Надя явственно услышала, что мальчик разговаривает с кем-то по телефону. Остановилась у двери и позорным образом стала подслушивать...

— Я понял условия задачи, — говорил Игорь. — Прости, это не по моей части. Я думал, ты мне очередную шахматную головоломку раскопал, а тут какой-то шарлатанский ребус. Пропавший рубль какой-то... Нет, я в теории чисел ничего не смыслю. Помню только, что в школе проходили... Надю позвать? Нет? Ну, ладно, пока. До встречи.

Надя решительно распахнула дверь в комнату Игоря. Брат сидел на кровати, на коленях его поблескивала новенькая шахматная доска с костяными фигурками — подарок будущего зятя будущему шурину.

— Это был Алексей? — строго спросила она.

Игорь кивнул с таким видом, будто в чем-то провинился перед сестрой.

— Зачем он тебе звонил? Узнать про твое самочувствие?

— Да нет... — промямлил Игорь. — Он был какой-то странный... Не в себе.

— Ты тоже странный, неважно выглядишь, — с тревогой присмотрелась к брату Надя. — Наверное, переволновался вчера? Надо было нам с Лешей тебя как-то заранее подготовить.

— Да все в порядке, — ответил Игорь, но его страдальческий взгляд говорил о другом.

Похоже, ей все-таки придется позвонить Алексею...

— Почини звонок. Замучился тебе в дверь стучать.

Алексей ввалился в квартиру архитектурного дизайнера-технолога и замер в ужасе. Что же так напугало уважаемого доктора? А то, что в первую секунду он решил, будто минувшей ночью его хрупкое сознание померкло от мозгового перенапряжения. Проще говоря, что он сошел с ума, «вольтанулся», «двинулся по фазе». Диагноз казался окончательным и сомнению не подлежащим.

Из дальней комнаты доносился знакомый с детства баритон телевизионного диктора Кириллова:

... призывает весь советский народ еще теснее сплотиться вокруг руководящего ядра коммунистической партии Советского Союза, — отвешивал чеканные фразы Кириллов.

— Где я? Что со мной? — прошептал кардиолог. И сразу успокоился, увидев смеющиеся глаза хозяина квартиры.

— Леха, это никакой не бред. И на дворе начало двадцать первого века. — Сергей провел визитера в большую комнату, где в углу, мигая индикаторами, работал стереомагнитофон.

— ... верны идеалам марксизма-ленинизма, — продолжал «зомбировать» слушателей Кириллов.

— Откуда это у тебя? — пытливо посмотрел на приятеля Алексей. Похоже, это не он сошел с ума, а ошалевший от вчерашней удачи архитектурный дизайнер-технолог.

— Мне в детстве родители магнитофон подарили, кажется, на четвертую или пятую годовщину с момента появления на свет, — пояснил тот. — Ну, я и записал тогда с телевизора всю эту лабуду. Хорошо, что потом не стер. Знаешь, как мобилизует в трудные моменты? Включишь, минут десять послушаешь, и сразу хочется работать, работать... Как подумаешь, что мог бы сейчас жить при социализме, так мурашки по коже. Да за мой водяной дом меня бы упекли в дурдом, а не то, что в Венецию послать. Все-таки нам повезло в этой жизни, Леха, тот кошмар далеко позади.

Кириллова сменил звонкий голос захлебывающейся от счастья девушки:

— Да здравствует Первое Мая, день международной солидарности трудящихся в борьбе против империализма, за мир, демократию и социализм!

Дослушав до конца эту всеобъемлющую тираду, Сергей вырубил магнитофон и включил телевизор.

— Н-да, хороший способ поднять настроение, — пробормотал Алексей. — А меня в первом классе папик заставлял по воскресеньям смотреть «Слу-

жу Советскому Союзу!» Бывало, так хочется во двор, к друзьям-приятелям, мяч погонять, а посмотришь эту передачу — и за книжки, за учебники. Смерть, как боялся попасть в армию.

— Это я из-за магнитофона твой стук не сразу услышал, — объяснил Сергей.

Он поймал себя на том, что оправдывается перед незванным гостем, и внутренне разозлился. Черт возьми, вот что значит врач! Знаем друг друга с самого детства, а все равно в его присутствии так и чувствуешь себя беспомощным пациентом.

А Алексей смотрел на экран телевизора, с которого к местным жителям обращался бородатый психиатр:

— ... правоохранительные органы не обнаружили. Однако уже совершенно очевидно, что маньяк совершает серийные убийства только в период полнолуния. Психиатрии такие периодические и кратковременные обострения душевных расстройств хорошо известны. Скорее всего, в дневное время и в период ущербной луны это обычная нормальная особь. И тем сложнее его задержать и изолировать от общества. В повседневной жизни серийный убийца вполне может быть дружелюбным и даже интеллигентным человеком. Более того, самое страшное заключается в том, что маньяк может и не подозревать, что именно он — тот самый убийца, о котором говорит весь город. В медицине это явление называется частичной амнезией, то есть потерей памяти, которая наступает у больного с наступлением утра.

— Выключи эту бодягу, — раздраженно попросил он.

— ... Маньяк может принадлежать к любому социальному слою, — успел сообщить психиатр, но дальнейшее развитие темы было прервано кнопкой отключения телевизора от сети.

Сергей положил пульт дистанционного управления, с подозрением взглянул на гостя. Зачем пришел, что ему надо? Шпионит, что ли?

— Я на работу не пошел, — буркнул доктор. — Позвонил, сказал, что валяюсь с температурой. Заведующий сделал вид, что поверил, хотя какая, к шайтану, может быть простуда в такую жару! — Он походил взад-вперед по комнате и сокрушенно покачал головой: — Елки-палки, бросил своих больных. Ладно, не помрут. Налей кофейку, Серега. Всю ночь промаялся над этой загадкой. Она же вроде с виду такая простая...

— У меня все аналогично, старик. А кофе весь вышел. Слушай, Леха, а может, эта загадка вообще не имеет решения? А? Как ты думаешь? Бывают же всякие приколы в математике...

По выражению лица своего гостя Сергей понял, что нечто подобное приходило и в голову доктора. Но уже спустя мгновение в глазах Алексея появилась решительность, словно он отбросил всякие сомнения:

— Ты помнишь, что он сказал в пивной?

— Что?

— А то, что он сделал на этом целое состояние. А мы, выходит, тупее его?

— Может, и тупее, — задумчиво пробормотал Сергей.

Глава двадцать пятая

Жизнь человека наполнена бессмысленными страданиями. Как сказал кто-то великий: «Для корабля, который не знает, в какую гавань он держит путь, ни один ветер не будет попутным»...

А значит, бессмысленна и борьба со штормами, и гибель команды.

Когда он понял, что мать его не любит? О, тот день он запомнит на всю жизнь! Мать повела его, совсем маленького мальчика, в Третьяковскую галерею, и они надолго остановились у картины Крамского «Неутешное горе». Молодая барыня, с подурневшим от слез лицом, стоит над крошечным гробиком...

— Вот уж, действительно, неутешное горе, — назидательно вещала мать. — Новорожденный ребеночек умер... Ладно бы муж, это не так страшно...

Он тогда поразился своим детским умом: как так? Разве можно сравнивать смерть папы, этого большого, главного человека, с гибелью младенчика, которому и имени-то нет? Который ещеничегошеньки в жизни не понимает?

А мать уже торопила его на улицу: ей страшно хотелось курить, натерпелась за целый час хождения по залам...

Он стоял у памятника Третьякову, смотрел на жадно затягивающуюся сигаретным дымом мать и сам испытывал настоящее горе. Она его не лю-

бит! Потому что сочувствует той женщине на картине, для которой смерть новорожденного — тяжелее смерти мужа.

Гораздо позже он сумеет внятно сформулировать то детское, безотчетное понимание материнской нелюбви. Смерть младенца не может быть неутешным горем, ведь через год женщина способна родить другого и утешиться! Нельзя вселенски скорбеть по крохотному человечку, с которым и словом-то не успела перемолвиться!

Не о нем горюет та женщина на картине Крамского, а о себе. Позади шесть, а то и семь месяцев тягости, лишений — на балы не ходила, по визитам не ездила... А может, доктор и диету какую-нибудь жестокою прописал, может, и рвота была. Потом — болезненные роды, страх смерти... И все — напрасно! И впереди — повторение этого кошмара, ведь муж (смерть которого неутешным горем не является) хочет ребенка, будь он проклят... И муж, и ребенок.

Тогда он определил для себя, что материнской любви вообще, в том виде, в котором ее проповедуют веками, на свете не существует. Это, пожалуй, главное заблуждение человечества. Женщина по природе своей не способна истинно любить ребенка, ведь он по физиологической сущности — часть ее плоти. Она любит свою плоть, то есть себя. А плоть либо доставляет радость, либо приносит мучения. Вот, к примеру, зуб заболел — и мы уже ненавидим этот зуб, хотим его вырвать, чтобы только не болел. Ребенок заболел или капризничает, значит, лишает мать покоя — и вот уже перед нами озлобленная на свое чадо мегера.

Знакомая картина — женщина с ребенком (на улице, в транспорте, в магазине). Почти всегда одна и та же сцена: мать злится, ругает малыша, бьет его... А он все капризничает. Все просит чего-то, досаждаст ей.

Почти никогда ничего подобного вы не увидите, если ребенок — вдвоем с отцом. Между ними идет спокойный, добрый разговор, папа внимательно выслушивает кроху, что-то объясняет. А если случается папе одернуть малыша, то все смотрят на такого отца с осуждением. Вот матери — той да, той можно орать, бить — ведь это ее кусок мяса и костей. Имеет право.

Только ведь любовь-то — понятие душевное, и существует она вне плоти. Поэтому как раз отцовская любовь и есть настоящая, она не проистекает от раздутого беременностью живота. Отец видит в малыше личность, духовное продолжение себя самого. И потому относится к ребенку с уважением, которое невозможно для матери. Вы уважаете свою селезенку? Ляжку? Пупок? Если да, тогда вы просто псих...

Древние это понимали. Вон в Библии: «Авраам родил Исаака...» Мужики рожали, а не бабы! Женщины, как считалось, лишь облекали ребенка плотью, что считалось второстепенным. И правильно считалось!

Он как-то высказал эти соображения вслух, в компании добрых знакомых, и его чуть не заклевали, а потом вообще стали избегать его общества, сторониться, как от прокаженного. Мол, какой-то сумасшедший женоненавистник, маньяк. Материнская любовь — это святое, не замай!

На самом деле женщины так остервенело отстаивают святость своей любви к чадам потому, что дети — это единственное, что оправдывает их женское существование на свете. Оправдывает пороки. Я — мать, и потому мне все дозволено. Могу блудить, могу курить, могу мужа изводить, психовать могу. Я же родила! Теперь мне муженек по гроб жизни обязан. Только ребенок-то все равно не его, а мой. И только мой. А ты деньги давай. Терпи меня. Общественное мнение и государственные законы всегда будут на стороне матери!

...Минувшей ночью он снова доставал из тайничка армейский штык-нож. Если честно, оружие не ахти. Но оно, по своему определению, олицетворяет мужчину и мужество. Потому и выбрано для приведения приговоров в исполнение.

Глава двадцать шестая

— Интересно, как там продвигаются дела у нашего Монаха? — пробормотал Алексей. — Вдруг он уже у толстосума слюнявит банкноты?

— Не говори мне о нем! — ожесточился Сергей. — Даже слышать не хочу. Подлец он, что скрыл от меня свой разговор с этим Виктором Петровичем. Друг называется! Тоже мне, раб божий с хитрой рожей...

— Между прочим, благодаря ему и его отцу, ты визу в Италию сегодня получишь, — вскользь заметил Алексей. — Или забыл уже?

— Да наверняка он напряг своего папашку только потому, что ему это выгодно, — принялся втолковывать визитеру Сергей. — Чтобы меня, как лишнего конкурента, спровадить в Италию! Черта с два этот Валентин Николаевич, старый картежник, стал бы париться из-за меня, если бы сыночек-монашек его не упросил. Наверное, денег дал отцу на игру... Я удивляюсь, как он тебе-то все рассказал. — Он пристально всмотрелся в лицо Алексея и вдруг продолжил свистящим шепотом: — А чего это ты про Италию-то заговорил, а? Поди, уже пожалел, что посвятил меня в ситуацию? Тоже спишь и видишь, как бы поскорее спровадить меня из города? Слишком сильный соперник, да?

— Я вообще не спал, — отшутился доктор. — И хорош гнать пургу, а то еще немного, и у нас у всех крыша поедет.

Сергей и впрямь успокоился, потер виски и опухшие от бессонницы глаза.

— Вот же, поганая штука — жизни! То густо, то пусто. Как не вовремя эта гребаная выставка! Ну, хоть бы через пару деньков. Мне, понимаешь, до пяти вечера надо быть в Москве, на Большой Полянке, там консульский отдел, где визы рисуют.

— За три часа доберешься.

— Даже за два. Тачку возьму.

— Хочешь, бери мою «бэзмовуху». Она внизу у тебя под окном стоит.

— Спасибо, Леха. Но после такой ночи я не смогу гнать по трассе двести км/ч. А деньги на такси у меня есть...

— Как знаешь.

— Слушай, я никогда в жизни не занимался такой ерундой, как сегодня ночью, — сказал Алексей, — даже когда был в детском саду. Чувствую себя полным идиотом.

— Ну, так наплюй на эту головоломку, поезжай на работу, — съязвил Сергей. — Ну, что же ты?

— Видишь ли, когда за ерунду предлагают два миллиона «баксов», она перестает быть ерундой, — в тон ему ответил кардиолог. — Других вариантов одним махом заработать такие деньги и открыть свое дело в США у меня нет. А у тебя? Кто-нибудь уже заказал тебе дворец с водяными стенами? Или предложил продать патент на изобретение за миллион фунтов? А?

— Прекрати! — помрачнел «гений архитектуры».

— Вот то-то и оно, зодчий. То-то и оно. Я вот недавно вытащил одного пациента с того света, он уже одной ногой в могиле стоял. — Алексей закурил, что случалось с ним крайне редко, и глубоко затянулся. — И что я заработал? Ровным счетом ничего. Да я хоть тысячу человек спасу от

смерти, а все равно так и останусь бедняком. Мне в знак благодарности, в лучшем случае, бутылку дарят.

«Ничего себе — бедняк! — подумал Сергей. — Шикарная «двушка» в центре города, последняя модель «БМВ»... Впрочем, он прав — в наши дни это все несерьезно. Рыночные торговцы свеклой живут в сто раз богаче, нежели архитекторы и врачи».

— Ты знаешь, Леха, по-моему, мозговым штурмом тут ничего не добьешься. Не тот случай, — начал размышлять он вслух. — Требуется озарение. Понимаешь, я уверен, что решение очень простое, оно лежит на поверхности, и нужно над этой поверхностью подняться.

— Поднимайся, Бог в помощь, — зевнул Алексей и встал с кресла. — Ну, пока.

Они вышли в коридор.

— Н-да... Сейчас бы принять чего-нибудь для просветления мозгов. А, доктор? — подмигнул приятелю Сергей.

— Чайку попей. Крепкого. С лимоном.

— А может, вдвоем покумекаем? Одна башка хорошо...

— И одна башка лучше, — перебил его Алексей, выходя на лестничную площадку. — Ты же сам сказал, что простыми вычислениями тут ничего не добьешься. И потом. Ты слышал, что говорил Монах? Деньги получает только один из нас. И этим одним намереваюсь стать я.

— Могли бы поделить пополам, все-таки по лимону «баксов», — напоследок пробурчал Сергей. — В рублях это вообще...

— А в попугаях и того больше! Спасибо за великодушное предложение! — уже снизу прокричал Алексей. И что-то в радостном голосе приятеля не понравилось архитектурному дизайнеру-технологу. Ох, как не понравилось...

Доктор выскочил на улицу. Его лихорадило. Одна-единственная фраза, случайно брошенная

Сергеем, открыла кардиологу до изумления простой путь к решению загадки...

Сергей стоял у окна и с обреченным видом смотрел, как внизу резко стартовала Лешкина серебристая «БМВ». Нет, до обеда никак не справиться дизайнеру-технологу с решением головоломки, не получить миллионный приз. Времени в обрез. И надо еще заехать за макетом водяного дома, за технической документацией...

Сергей с тревогой думал о том, как он повезет хрупкую, наполовину выполненную из стекла модель через всю эту нескончаемую вереницу аэропортов — «Шереметьево-2», «Вена Интернешнл», «Милан», «Марко Поло»... Да еще надо бережно доставить ее до Москвы, а из «Марко Поло» — до выставочного центра в Венеции.

Стоп!

Сердце будущего дипломанта международной выставки учащенно забилось. В его невеселых размышлениях промелькнуло одно слово... Все-го одно коротенькое словечко, но в нем был ключ к миллиону фунтов стерлингов!

Модель.

Конечно же, модель! Вот оно, озарение. Надо в реальной жизни смоделировать ситуацию, описанную в байке о трех командировочных. И тогда все станет ясно, как день.

Глава двадцать седьмая

Виктор Петрович сидел в кожаном кресле и барабанил пальцами правой руки по зеркально гладкой поверхности стола.левой же сжимал телефонную трубку — сжимал до пота в ладони, поскольку испытывал изрядное раздражение.

Человеку в таком состоянии, в каком пребывал его собеседник, просто нельзя ничего объяснить. Даже не верилось, что на другом конце провода — благообразный, рассудительный иеромонах, с мудрым не по годам взглядом голубых глаз, — именно таким запомнился Геннадий Виктору Петровичу.

Секретарша уже дважды заглядывала в просторный, ультрасовременный кабинет — в приемной президента концерна дожидались финны. Надо сворачивать этот бессмысленный и тягостный разговор, что он, мальчик, в конце-то концов?

Мальчик — не мальчик, а поступил он позавчера просто по-детски. Какого дьявола надо было затевать всю эту игру в загадки-отгадки, чего можно ждать от этой авантюры? Да ладно бы — авантюры, а то так — внезапная прихоть велико-возрастного «вершителя судеб».

И что такого особенного он умудрился разглядеть в этих парнях? Один звонит, говорит, что ему надо срочно лететь в Италию, умоляет о продлении срока договора... Другой предлагает совершенно идиотское решение: мол, никаких тридцати рублей в реальности не было, в обороте были только двадцать девять...

— Геннадий, ваше так называемое решение не проходит, — терпеливо втолковывал собеседнику Виктор Петрович, поглядывая на часы. — Оно не дает ответа на поставленный вопрос. Понимаете? Послушайте, бросьте вы это дело, вы же церковный человек. Я просто подарю вам каждую по сто тысяч фунтов.

— Это что, отступные?! — кричал на том конце провода настоятель храма Ильи Пророка.

— Это не отступные, — чуть не плюнул с досады Виктор Петрович. — Потратьте деньги на доброе дело. И еще. Я хочу вам кое в чем признаться.

— Мне не нужны ваши признания! Я не женщина! Вы просто боитесь потерять миллион фунтов. Вы поняли, что кто-то из нас обязательно найдет разгадку, и уже пожалели о наших договоренностях. Так?

— Так, — устало ответил Виктор Петрович. — Вы правы, Геннадий, я действительно жалею о нашем разговоре в том баре. Очень грустно разочаровываться в людях. Но... Свое обещание я безусловно сдержу. У вас еще много времени. Думайте. — Он в сердцах швырнул трубку на рычажок, хмуро посмотрел перед собой и проворкотал: — Вот уж действительно, как в поговорке: «Не сотвори добра, не получишь зла».

Какие мелкие, ничтожные людишки. Такие же, как все двуногие твари, — и нажал на клавишу селектора: — Тамара, пригласите финских представителей.

Впрочем, не стоит поддаваться эмоциям, особенно негативным. Кардиолог Алексей, похоже, не рвется разбогатеть «по щучьему веленью». Кстати, позавчера он приглянулся ему больше остальных двоих. Понравился своей бесшабашностью, умением вести разговор. Если кто и получит сто тысяч фунтов, так это он. Хотя... Надо будет навести справки, каков он как врач, прежде чем выдавать такой, с позволения сказать, грант.

Виктор Петрович постепенно остывал. Ну, Сергей — творческая натура, неустойчивая. Поддался моменту. В Венеции он, если и вспомнит о предложенной президентом «Евразии-Траст» головоломке, то как о забавном, немного постыдном эпизоде. А коттедж с водяными стенами надо будет ему обязательно заказать.

Геннадий тоже к вечеру придет в себя, покается в своем сребролюбии... Все-таки опытный руководитель концерна не ошибся: с этими парнями можно иметь дело.

Интуиция почему-то нашептывала: а не приставить ли к ним на всякий случай негласную охрану? Мало ли что... Но Виктор Петрович решительно подавил эту смутную тревогу. В самом деле, ну что такого можно натворить, разгадывая безобидную загадку?

Окончательно вернувшись в оптимистическое расположение духа, он поднялся из кресла, чтобы поприветствовать своих новых финских партнеров.

Алексей быстрым шагом, придерживая спортивную сумку, болтавшуюся на плече, шел по коридору кардиологического отделения областной больницы. Навстречу ему, опираясь на палочку, хромала толстая пациентка в застиранном халате.

— Здравствуйте, Алексей Александрович, — заискивающе обратилась она к доктору.

— Добрый день, — бросил Алексей на ходу.

— Алексей Александрович, у меня ночью опять приступ был, — проговорила пациентка вслед стремительно удалявшемуся лечащему врачу.

— Потом, потом! — прокричал Алексей, не оборачиваясь.

Он прямоком прошел в ординаторскую и мгновенно оценил представшую его глазам картину.

На кожаном диване развалился грузный врач-кардиолог Прищепкин. Пепельница стояла на полу, и Прищепкин, не глядя, давил в ней очередной окурочок.

— Леха! — простонал он, с трудом повернув голову, Алексею показалось даже, что он услышал, как заскрипели шейные позвонки. — Ты же вроде заболел...

— Врач, исцелился сам, — назидательно проговорил Алексей.

— Хорошее изречение, — согласился Прищепкин и, поэтапно поднимая свою тушу из глубоких недр дивана, сел. — Да только не всегда получается исцелиться своими силами. Ох, плохо мне! — Мясистое лицо коллеги-кардиолога было даже не багровым, а сиреневым. — Ну, что ты стоишь в дверях? Заходи. Похмеляться будешь?

Алексей вошел в кабинет, прикрыл дверь.

— Не имею такой надобности, Антон. Я не с бодуна. — Он подошел к своему столу, выдвинул ящик и незаметно извлек связку ключей.

— Да? Не с бодуна? — не обратив на действия коллеги никакого внимания, задумчиво почесал подбородок толстяк. — Не могу себе представить, как это — быть не с бодуна. Ты знаешь, мне кажется, что сейчас весь мир похмельем мучается.

— Ну, так освежись.

— Уже, Леша, уже.

— И что?

— Ни хрена не помогло. Мне, чтобы похмелиться, надо выпить столько же, сколько вчера.

— Ну, так повтори дозу, — посоветовал Алексей. — Ты же сам все время говоришь: между первой и второй — перерывчик небольшой.

— Нельзя. Продержаться надо. Хотя бы до двух часов. Ты знаешь, что сегодня я устраиваю сабантуй?

— Это по какому же поводу?

— Мне, брат, сорок пять стукнуло, — вздохнул Антон.

— Поздравляю, — сухо произнес Алексей.

— В два часа поздравить, когда мы тут стол накроем. Все наши будут. И ты обязательно подгребай. Слышь, обязательно!

— Подгребу, подгребу...

Глава двадцать восьмая

Алексей вышел из ординаторской, осмотрелся. Тишь да гладь да божья благодать. В это время те, кто может ходить, либо на анализах, либо на процедурах.

Он прошел по коридору, свернул в закуток и очутился перед железной дверью в хранилище медикаментов. Еще раз оглянулся и вставил бородастый ключ в замочную скважину.

Хранилище, небольшая комнатенка без окон, освещалось только мерцающей под потолком лампочкой. «Лишь бы не перегорела прямо сейчас, — подумал Алексей. — Вот это будет облом так облом!»

Вся комната была заставлена картонными коробками, кое-где из них торчали головки банок с физиологическим раствором и глюкозой. Лавируя между штабелями коробок, Алексей подошел к застекленному шкафу. Подергал ручку — заперто. И в связке, которую сжимал в своей ладони молодой кардиолог, нужного ключа не было, да и не могло быть. От шкафа с ТАКИМИ препаратами ключ только у заведующего отделением.

Алексей осмотрелся. На полу, в самом уголке, валялась заскорузлая полая тряпка. Он метнулся к ней, схватил, брезгливо морщась, обмотал кисть правой руки. Вернулся к шкафу, резко выдохнул и нанес короткий, отработанный в спортзале удар кулаком в утолщенное стекло. Что-то хряпнуло (слава богу, не кость), и стекло прочертила извилистая трещина.

С третьего удара обмотанного тряпкой кулака стекло капитулировало и звонкими осколками обрушилось на пол. Доктор отшвырнул тряпку, полез в утробу заветного шкафа.

Дрожащей рукой он нащупал нужную коробку, прочитал: «ОМНОПОН». Двадцать ампул синтетического морфия. За одну такую коробку наркоман со стажем, не задумываясь, зарежет родную мать.

«Омнопон» был своего рода новым словом в лечении сердечных заболеваний: ишемии, стенокардии и особенно — инфаркта. Раньше как считалось? Бороться, мол, надо с первопричиной болезни, а не с ее симптомами. Людям внушали, что не следует сбивать температуру, снимать зубную боль анальгетиками и так далее. Но в современной медицине появилась прямо противоположная теория, и она уже успела доказать свою высочайшую эффективность.

При инфаркте, ишемии и прочих сердечных заболеваниях нужно медленно, с помощью лекарств, убрать боль. И тогда (отчасти в результате самовнушения, что, дескать, у меня ничего не болит, и значит, я здоров) организм сам даст команду на ускоренное исцеление. А наш организм мо-

жет производить такие вещества, по сравнению с которыми все новейшие достижения фармацевтики — чужь собачья.

Все это стало темой кандидатской диссертации, которую Алексей уже успешно заканчивал. Про свойства «омнофона» он знал все, что только можно знать, хотя сам никогда его на себе не испытывал. Но одна пациентка (кстати, ее недавно зарезал маньяк) говорила Алексею, что после укола «омнофона» слышит, как в углу шуршит лапками таракан. Тренер Пилишек рассказывал лечащему врачу, что после такого укола легко переигрывает компьютерных гроссмейстеров за ноутбуком.

Все это очень походило на правду. Ведь «омнофон» бешено активизирует те сферы сознания и подсознания, о наличии которых человек даже не подозревает. Тот, кто ни разу не стрелял из пистолета, после укола запросто попадает в яблочко на расстоянии до тридцати-сорока шагов.

«Омнофон» в кардиологическом отделении применяли нередко, и потому расход этого востребованного препарата довольно слабо контролировался. По идее, зав отделением не должен поднять шумиху из-за пропажи одной коробки. Ему же самому, в первую очередь, и не поздоровится. Но негласное расследование шеф, конечно же, проведет. Впрочем, у Алексея такая репутация, что его персона вряд ли попадет под подозрение. Скорее уж Антон...

На Алексея внезапно повеяло сквознячком, и он резко обернулся.

В дверях стоял Антон и хитро подмигивал коллеге.

— Я-то за спиртом пришел, — объявил похмельный верзила. — А ты, гляжу, затариваешься кое-чем покруче. Наркотики, стало быть?..

— Антон, ты того... Не это...

Алексей никак не мог сходу придумать правдоподобную версию своего вторжения в «святой святых». Слава богу, штабель коробок мешал Ан-

тону разглядеть осколки на полу. Но все равно он узнает о взломе, сегодня же слух о чрезвычайном происшествии разнесется среди персонала. А этот жирный хряк будет к тому времени пьяней вина и уж точно поведает кому-нибудь «по секрету» о тайном визите юного коллеги в хранилище медикаментов.

— Да ты не дрейфь, я никому не скажу, — словно прочитал его мысли Антон. — Что я, без понятия? — Он ловко цапнул из коробки непочатую банку со спиртом, засунул за пазуху, снова подмигнул Алексею: — Я же сам тебе сколько раз говорил: займись потихоньку частной практикой, лекарства у нас халявные. На одну зарплату и подачки от больных не проживешь... Молодец, послушал совета старика Прищепкина. И запомни: я — ни гу-гу. А теперь валим отсюда.

Как же, ни гу-гу он! А кто заложил престарелого кардиолога Сичкина, который завел шуры-муры с молоденькой пациенткой прямо в ординаторской, во время ночного дежурства? А? И Сичкина быстренько спровадили на пенсию, хотя врач был просто от Бога...

Ну и хрен с вами со всеми, жесточно думал Алексей, спустившись вниз и запуская двигатель своей «БМВ». — Уволят так уволят. По-тихому уволят, без запрещения заниматься врачебной практикой. А это главное.

Он и сам собирался уволиться. Завтра же. Когда получит миллион фунтов стерлингов.

Глава двадцать девятая

Недавно он смотрел по телевизору какое-то юмористическое шоу. От нечего делать смотрел, потому как зрелища, debilнее этого, представить невозможно. А, может, смотрел для того, чтобы напиться злостью и решимостью продолжать начатое дело.

Боже мой! Сотни людей сидят в зрительном зале, миллионы — у телевизоров, и никто не понимает, что перед ними на сцене кувыркается и юродствует сам Сатана! Глумится над мужским и женским полом, торжествует свою победу.

Нет, вы только вдумайтесь... Пятидесятилетние лысеющие мужики кривляются, гнусавет, изображают всяких там цыплят табака на потеху огромной публике! И почитают такой удел честью для себя. Попал сюда, под нацеленные телекамеры — значит, жизнь удалась. Ради этого можно пойти на многое...

А ведь в зале, в основном, женщины, и они смеются! Нет, не презрительно, а восхищенно! Для них этот вот комик в бабьем платке — воплощение настоящего мужчины. И только лишь потому, что у этого «вертлявого» сонмище почитателей-маргиналов. Он известен!

По местному телевидению сказали, что детский шахматный тренер был убит по ошибке. Мол, его в темноте приняли за дебелую курящую бабищу. Как бы не так! Он не ошибся, вонзая штык-нож в этого бесполого выродка. ТАМ, откуда он получает указания, ошибок не бывает.

Потому что шахматный тренер мужиком не был. Он был гомиком. То есть еще хуже, чем баба.

«Петр и Павел час убавил, а Илья Пророк два уволок. Да нет, не так: Петр и Павел день убавил, Илья Пророк час уволок. Вот как правильно».

Геннадий рассеянно смотрел на кухонный стол, где беспорядочным веером были разбросаны игральные карты: десятки, девятки, двойки, тройки... Из комнаты доносилось мерное посапывание: под утро бывший атташе просто свалился от мозгового перенапряжения.

Валентин Николаевич начал нервничать еще ночью, когда свет полной луны, смотревшей в окно, стал мертвенно-бледным и завораживающим.

— Генка, хватит маячить, — грубо сказал отец, впервые за последние годы назвав сына его мирским именем. — Если хочешь, чтобы я плодотворно работал, сгинь с глаз долой!

Настоятель вышел на улицу, и ноги сами привели его к ограде зоопарка. Как там хромой пеликан Яшка? Геннадий тут же отогнал все эти сантименты: надо сосредоточиться на решении загадки, погрузиться в мир цифр. На отца надежда плохая, картежные навыки могут оказаться бесполезными при столкновении с парадоксом теории чисел...

Он шел и шел вдоль чугунной ограды, и вот ему начало казаться, что его самосознание отва-

лилось куда-то вбок, сконцентрировалось в виде какого-то диковинного животного и мирно шествует рядом с бранным телом иеромонаха. Да иеромонах ли он сейчас? Геннадий с поразительной легкостью ощутил, что не может себя идентифицировать. Да и не хочет.

...В какой-то момент он с удивлением обнаружил, что стоит у своего подъезда, а из-за горизонта уже поднимается огромное солнце, и машинально подумал: «К дождю. А ведь верно, сегодня же Илья Пророк, значит, будет не просто дождь, а самая настоящая гроза».

Поднявшись на свою лестничную площадку, Геннадий удивился снова, и больше прежнего: входная дверь в квартиру была отпертой. Неужели, уходя, он не захлопнул ее до конца? Что ж, бывает.

Он посмотрел на спящего отца, прошел на кухню. Помимо карт, на столе белела бумага с длинным текстом: «Сынок, я тебя не дождался, извини, лег спать. Вторую ночь без сна — это чересчур для моего возраста. Сынок, я нашел решение твоей задачки, излагаю его ниже. Успеха тебе!»

Геннадий жадно пробежал глазами четкие убористые строки. Ничего себе! Папаша явно умеет мыслить нестандартно. По его версии, в обороте участвовало только двадцать девять рублей, цифра тридцать — вымышленная, фантомная. Но устроит ли такое решение Виктора Петровича, вот в чем вопрос...

Так, сколько сейчас времени? Ага, около девяти утра. Скоро магнат должен прибыть в свой офис.

Но не восхитился президент концерна «Евразия-Траст» изящным раскладом, произведенным Валентином Николаевичем. Однако ж занервничал, предложил сто тысяч фунтов отступного. Не на того напал, многоуважаемый толстосум! Или все, или ничего. На сто тысяч фунтов даже плохонькую церквушку не отреставрируешь, не украсишь иконами и утварью.

Вскоре Геннадий с тоской осознал, что биться над неразрешимой для него задачей можно хоть до второго пришествия. А в распоряжении — только несколько часов.

Решение пришло внезапно и оглушающе, как ледяной шок крещенской проруби. Ну как же он сразу не сообразил! А ведь путь к успеху был очевиден, прост и эффективен.

Геннадий снова взглянул на часы — одиннадцатый час утра. Он поспешно принял освежающий душ, натянул кроссовки, стильную рубашку и черные джинсы, глянул на спящего отца. Пусть отдыхает, в сущности, он сделал все, чтобы помочь сыну. Безобидный, славный старикан.

Иеромонах Герман выскочил на трассу, остановил первую же легковушку и попросил:

— К церкви Ильи Пророка.

— А где это? — не понял водитель.

— Поехали, я укажу дорогу, — с досадой плюхнулся на переднее сиденье Геннадий. — Пожилой человек, а где храм божий, не знаете.

— Да нет у нас такой церкви! — гнул свое водитель, подбавляя газу. — Монастырь Крестовоздвиженский знаю, там автобаза, Троицкий собор знаю, Казанскую церковь знаю. Откуда Илья Пророк-то взялся?

— С праздником вас Ильи Пророка, уважаемый, — с сарказмом произнес Геннадий.

— И вас также, — серьезно ответил дядька.

«Вот так-то, милый ты мой иеромонах Герман, — истязал себя настоятель. — Служишь ты, оказываешься, в церкви, про которую и слыхом-то не слыхивали. А уж про тебя самого — и подавно. Но ничего, ничего... Дайте срок, и меня тут каждая собака узнавать станет. К лешему подмосковные монастыри, их настоятели у митрополичьих хором локтями толкаются. Буду восстанавливать Крестовоздвиженский монастырь, стану игуменом. А там... Только бы престарелый архиепископ еще хоть года три продержался, не ушел бы на покой. Ведь пришлють вместо него молодого, энергичного, со связями... Жди тогда епископской вакансии лет двадцать пять, а то и тридцать!»

И еще — хорошо бы успеть получить сегодня миллион фунтов стерлингов.

Глава Тридцатая

Центральная гостиница города так и называлась — «Центральная». Здесь барменом работал Шурик — давний знакомый Сергея, а можно сказать, и напарник по работе.

Дело в том, что несколько лет назад Сергей, ошалев от безденежья и невыездного образа жизни (который, собственно, был прямым следствием

упомянутого безденежья), по случаю, устроился в вагон-ресторан. И деньжат подмолотить, и мир посмотреть.

Особых поварских навыков здесь не требовалось, равно как и высоко-профессионального умения обслужить. Под стук колес, в походных, в прямом смысле, условиях пассажиры прощали работникам вагона-ресторана многие огрехи, если не все. И чаевые платили вполне приличные: видимо, сменяющиеся за окном пейзажи, предвкушение встреч и радость разлук побуждали захмелевших посетителей к филантропии и недопустимому в обычной, стационарной жизни мотовству.

Там-то, в вагоне-ресторане, Сергей и познакомился с Шуриком. Шурик, никогда не унывающий жизнелюбец, весело рубил мясо, перешучивался с дородной буфетчицей, травил байки по любому поводу. В нескончаемом пути-следовании это был незаменимый товарищ.

Всякого насмотрелся будущий дизайнер-технолог за полгода скитаний по просторам бывшего СССР. Однажды поздней осенью на Южном Урале они с Шуриком выскочили на какой-то станции, чтобы обменять бутылку водки на банку соленых огурцов.

— Огурчики здесь — наипервейшие, — сообщил напарнику опытный Шурик.

«Мировым закусоном» торговал столетний дед в телогрейке и валенках. Испробовав хрустких, ядерных на вкус огурцов и произведя желанный обмен, Шурик подмигнул колоритному старикану:

— Слышь, дед, ты, наверное, еще гражданскую войну помнишь?

— Помню, как не помнить, — степенно ответил дедок, засовывая за пазуху бутылку. — Н-да, парни... Много здесь наших полегло. Но и красным тоже досталось!

Сколько раз они меняли продукты и водку на роскошные сервизы в Гусь-Хрустальном, на ковры в Волгограде, на обувь в Казани, на мед в Башкирии...

— Людям зарплату собственной продукцией выдают, — пояснил Шурик. — А куда ее девать? На здешнем рынке сбыта нет, все уже наелись этим «неликвидом».

В Саратове новый приятель Сергея пачками сдавал доллары местным барыгам: курс продажи американской валюты в этом приволжском городе был значительно выше, чем в Москве, где означенные доллары Шуриком закупались. Из Астрахани они ведрами возили браконьерскую черную икру, и Шурик с максимальной выгодой пристраивал ее в рестораны родного города, ни разу не обделив напарника.

Как-то ночью посреди казахстанской степи, на забытом Богом полустанке, двери вагона-ресторана облепили местные жители — протягива-

ли пачки тэнгэ, ослепляя Сергея автомобильными фонарями. Шурик принимал деньги и раздавал заранее расфасованную по пакетам снедь: бутылку водки, кусок мерзейшей полукопченой колбасы, плавленый сыр, помидоры, банку сайры, майонез...

— Вот ведь голодный край, — покачал он головой, когда поезд, простояв каких-то две минуты, двинулся дальше. — Поселок газовиков, между прочим. Денег у всех — лом, а продукты сюда привозят хорошо, если раз в месяц. Вот и штурмуют поезда, жрать-то надо. В Алма-Ате этот мусор, — он указал на тэнгэ, — на доллары поменяем.

Особенно запомнился случай в предгорьях Киргизии. Среди бела дня, когда поезд замедлил ход на крутом вираже, вагон-ресторан с гиканьем и пальбой атаковала стая разряженных в меха всадников. Из книжек Сергей знал, что киргизские конники — самые безжалостные головорезы, каких только видел свет, и ему стало дурно.

Одна пуля вдребезги разнесла окно на крошечной кухне, и послышался крик «предводителя команчей»:

— Открывай дверь!

Передовые всадники уже поравнялись со ступеньками тамбура и готовились вспрыгнуть на подножку.

Все это, наверное, было ужасно похоже на вестерн, однако Сергею подобные романтические сравнения в голову не приходили: его конечности заledenели от ужаса. Громко визжала буфетчица...

— Водочки захотелось? — азартно выкрикнул Шурик. — Ща-ас, ща-ас, подождите...

Он ловко вынул из-под плиты невесть как оказавшийся там укороченный автомат Калашникова, передернул предохранитель и, высунув ствол в зияющее дырой окно, выпустил длинную очередь. Несколько всадников попадали на землю, другие отстали, сбились в кучу — видимо, для сощещания.

Поезд быстро набирал ход.

Сергей, придя в себя от пережитого потрясения, сказал:

— Ты же нескольких человек поранил, а может, кого-то и убил!

— Ну и что? — удивился Шурик, встретив такую черную неблагодарность.

— Не проще ли было им ящик водки вынести?

— Еще чего! Обойдутся.

— Да ведь нас арестуют на первой же большой станции!

— Не арестуют. Эти узкоглазые кентавры, которые на нас напали, совершенно неграмотные. Стало быть, название поезда они прочитать не могли. Часов и минут они тоже не разбирают. А поездов в это время тут ходит по два в час. К тому же, не в местных обычаях обращаться за помощью в милицию...

— А откуда у тебя автомат? — продолжал допытываться Сергей.

— Оттуда, — усмехнулся Шурик. — Год назад у нас в каком-то вагоне десантура гуляла, а «бабки» быстро кончились. Ну и взяли у меня выпивку под залог автомата. Только потом так и не забрали. Забыли, видно.

— Так их же, наверное, под трибунал отдали!

— А мне-то что за дело! — рассмеялся неунывающий оптимист Шурик.

Глава тридцать первая

Последний раз Сергей виделся с Шуриком года два назад, и при весьма примечательных обстоятельствах. Он шел в магазин за вином, и у самого входа его остановили два мужика в строительных робах.

— Земеля, возьми бутылку водки за полтинник, — протянул деньги один из работяг. — А то нам не дают, сам понимаешь...

Сергей слегка удивился: с каких это пор в местном винном не дают водку мужикам в рабочих спецовках, неужели стали законопослушными? Проявляя мужскую солидарность, он все же купил страждущим пузырь. Вручив «пойло» «заказчикам», двинулся, было, восвояси, но старший из рабочих цепко схватил его за локоть:

— А сдача? Сдачу давай!

— Какая сдача? — опешил Сергей. — Вы что, мужики! Вы же мне пятьдесят рублей дали, я еще свои доплатил!

— Мы тебе пятьсот рублей одной бумажкой давали, козел! Гони сдачу! — прогнусавил младший вымогатель.

— Сам ты козел! — выпалил Сергей, и тут же почувствовал, как в ляжку ему уткнулось что-то острое.

— Я вот сейчас тебе бедренную артерию прокалю, — ласково пообещал старший. — Никакая «скорая» не спасет. Ты труп!

— Все ясно, — сказал Сергей. — Вы — гоп-стопники. Только, мужики, денег у меня в самом деле нет.

Он почти не испугался: на вираже в предгорьях Киргизии было куда страшнее.

Гоп-стопники бегло осмотрели фирменный прикид Сергея, и старший резюмировал:

— Пойдешь с нами. И не вздумай дергаться.

Они взяли его под руки с двух сторон, и младший проблеял в ухо Сергея:

— Нам тебя пришить ничего не стоит. Мы только вчера с зоны слиняли, от «хозяина».

Сергей вспомнил, что по местному телевидению действительно сообщали о побеге из лагеря двух осужденных рецидивистов.

Они шли по нескончаемому подземному переходу, и вдруг Сергей увидел Шурика, танцующей походкой шедшего навстречу. Бывший напарник по вагону-ресторану бурно обрадовался встрече:

— Привет, Серега! Сколько лет, сколько зим! Куда путь держишь? — И кивнул насторожившимся грабителям: — Здорово, мужики.

— Да вот, у меня с полтинника четыреста пятьдесят рублей сдачи требуют, — сообщил Сергей.

— Правда? — развеселился Шурик. — Ну, это ерунда. Я заплачу.

Гоп-стопники мгновенно оценили ситуацию: к ним в руки плыла неожиданная воровская удача. На левом запястье Шурика матово блеснул золотой «Ролекс», на безымянном пальце правой руки красовалась массивная печатка с бриллиантом, а явно непустой дипломат из крокодиловой кожи сулил «приличные наличные». Что и подтвердил этот глупый богач, расстегивая чемоданчик:

— Сейчас, мужики. Четыреста пятьдесят рублей — это не проблема. Это мелочь. Сейча-ас...

Старший уголовник показал Шурику финку:

— И ты тоже пойдешь с нами. Там разберемся, сколько с тебя.

— Сейча-ас... — бормотал Шурик, будто и не слышал обращенных к нему слов. — Четыреста пятьдесят рублей — это семечки...

Дальнейшее произошло в доли секунды. Небольшой титановый топорик, очутившийся в руке Шурика, дважды рассек воздух, и оба гоп-стопника, сраженные ударами плашмя в висок, повалились на бетонный пол безлюдного перехода.

Шурик тем временем, даже не глядя, живы ли беглые ээки, продолжал балагурить:

— Серега, как я рад тебя видеть. Пошли, посидим, выпьем, закусим. Вспомним наши былые деньки... Потом девочек пригласим, если хочешь. Я сейчас знаешь, где работаю? Барменом в «Центральной». А ты не заглядываешь, забыл старого друга...

Все это припомнилось Сергею, когда он входил в сумрачный холл гостиницы «Центральная». Здешний бар-ресторан считался лучшим в городе, но Сергей тут почти не бывал: знал, что по вечерам за этими столиками кутят бандиты всех мастей. Но сейчас, в одиннадцать утра, в баре сидели только двое посетителей — среднестатистические мужчина и женщина. Они пили кофе и вели чинную беседу.

От нечего делать Шурик, облаченный в малиновый пиджак и с «бабочкой» на шее, протирал за стойкой бокалы. Как и два года назад, он пришел в радостное возбуждение, завидев Сергея:

— Серега! Не верю своим глазам!

— Да уж поверь, пожалуйста, — ответил дизайнер и протянул Шурику руку через стойку.

— Подожди, ничего не говори. Ни слова, пока не выпьем за встречу! — засуетился бармен. Достал початую бутылку коньяка, разлил по фужерам: — Ну, давай.

Они выпили залпом по половине фужера, Шурик привычно выдохнул, а Сергей, зажмурившись, замотал головой, закряхтел.

— Ты что это? — обиделся Шурик. — Я ж самого хорошего коньяка налил.

— О-ох, — длинно простонал Сергей.

— Давненько ты здесь не был, и я догадываюсь, почему ты вдруг обо мне вспомнил. Небось нужен лучший столик на вечер? Сделаем. Девчонка-то хоть симпатичная?

— Очень, — подтвердил Сергей, вспомнив Варю из туристического агентства. — Но дело не в этом. С подругой я сюда в другой раз загляну. А дело у меня к тебе, вот какое, ты только не удивляйся.

— Я давно ничему не удивляюсь, — с наигранной меланхолией вставил Шурик.

— В общем, я хочу подменить тебя часа на два-три. Ни о чем не спрашивай, просто очень нужно. Потом все расскажу. Работу я знаю, ты же помнишь, как мы с тобой пахали в вагоне-ресторане.

Шурик задумчиво, вполголоса насвистывал «Кондуктор не спешит...»

— Говори сразу: да или нет? — занервничал Сергей.

— Я, Серега, в твои заморочки лезть не собираюсь, — медленно заговорил бармен. — Знаю только, что ты мужик серьезный. Значит, надо тебе. Ну, что ж... Народу сейчас немного, те двое уже расплатились. Скоро, правда, лесоторговцы нагрянут, у них тут в гостинице какая-то сходка. А главное... Мне действительно нужно отлучиться. Так что ты очень вовремя. — Он достал из нагрудного кармана ручку и блокнот, вырвал листок. — Вот тебе номер моего мобильного, звони, если что. Ну, пошли в подсобку переоблачаться.

— Спасибо, Шурик, ты меня здорово выручил.

Глава тридцать вторая

«Если разгадку нельзя отыскать собственными силами, ее нужно купить», — думал Геннадий, подходя к храму Ильи Пророка. У крыльца две бабки крестились и клали поясные поклоны перед тем, как войти в церковь.

— С праздником, батюшка, — нараспев приветствовали они иеромонаха Германа.

Он взбежал по выщербленному крыльцу, наспех перекрестился. Церковь была переполнена — пре-

стольный праздник. Со всего города съехались пенсионерки на поклон Илье Пророку, особо почитаемому в народе угоднику Божию.

Сразу несколько бабок кинулись к настоятелю со сложенными для благословения ладошками, но Геннадий, не посмотрев в их сторону, быстро прошел в ризницу. «Одни старухи, — думал он ожесточенно. — Откуда, спрашивается, тут взяться доходам?»

В ризнице иеромонах Герман достал из шкафа старенький дипломат, вспомнил, что отец купил его давным-давно в Париже... Два одинаковых дипломата приобрел — себе и сыну. Когда-то это был писк моды...

Робко вошел псаломщик Вадим, встревожено посмотрел на Геннадия. Тот молча перекрестил его и подошел к сейфу.

— Отец Герман, что-нибудь случилось? — подал голос псаломщик.

— ЧТО случилось? ЧТО могло случиться? — раздраженно обернулся Геннадий.

— Да как же, отец Герман! Ведь одиннадцать часов, заждались вас. Уж давно пора служить литургию, народ расходиться стал.

— Пусть расходятся, никакой литургии не будет. Выйди на амвон и объяви.

— Как это не будет, батюшка? Ведь престол! — опешил Вадим.

— Объявишь, что я заболел, или меня срочно вызвали в епархию. Что я умер, наконец!

Геннадий распахнул чемоданчик и принялся складывать в его утробу тугие пачки тысячерублевых банкнот.

— Я лгать не могу, — твердо объявил псаломщик. — Да и видели ведь уже вас, отец Герман.

Геннадий захлопнул дипломат, повернул к Вадиму свое искаженное лицо и отчеканил:

— Мне на это наплевать! Ты понял? А теперь иди.

Псаломщик продолжал стоять в оцепенении.

— Вон! — прошипел Геннадий, и Вадим бочком-бочком засеменял прочь. Вид у него был такой, будто он близок к помешательству.

Иеромонах Герман запер сейф, перекрестился перед иконой Ильи Пророка и так же быстро, как вошел, покинул храм Божий. В полной тишине на него смотрели десятки старушечьих глаз.

— К университету, — бросил он ожидавшему его водителю.

Он смотрел в мутное окошко на знакомые очертания храма и думал о том, что Церковь наша, как общественная организация, давно стала невольной пособницей порока. Ну, не пособницей, конечно, однако... Скажем так, она молчаливо закрывает глаза на те беззакония, что творятся не только в миру, но и в стенах дома Божьего.

Раньше как было? Первыми, ко крестоцелованию ли, к исповеди или причастию, подходили мужики — по старшинству и чинам, разумеется. Потом — бабы с грудными младенцами на руках, потом бабы без оных, за ними — девицы, и последними — дети.

Сейчас все поставлено с ног на голову: первыми пропускают детей, мол, у них ножки устали, да и вообще им поощрение положено за то, что они в церковь соизволили с родителями прийти, а то в другой раз их сюда не загонишь. Стоит на амвоне слащаво улыбающийся попик и заискивает перед бесстыжими отроками и отроковицами, сюсюкает с ними. А взрослые терпеливо ждут, пока батюшка с детишками натешится. Да еще и сами вперед себя малолеток проталкивают, лишь бы не сбежали из храма до исповеди, до причастия.

Ну, скажите на милость, как после этого родители смогут внушить ребенку уважение к взрослым? Да ведь сам священник ставит детей выше отцов и матерей! Злейшие враги Отечества — вот кто эти попы-чадолюбцы, поелику ухитряются развращать юное поколение даже в храме!

Вот говорят: все лучшее — детям. Да с какой стати? Они заслужили это лучшее? Когда, в какие времена было видано, чтоб взрослые самую качественную пищу отдавали ребенку? Лучшее доставалось главе семьи — труженику и судье. Вот и был порядок в семьях, дети не хамили родителям, были послушными.

Может, стоит выследить какого-нибудь пацана из воскресной школы да прирезать штык-ножом? И записочку соответствующую к трупику приколоть: мол, каждый сверчок — знай свой шесток...

Ну а за детьми к святым дарам гурьбой, как за колбасой, прут бабки. По-хозяйски прут. Мужики добровольно уступают свое право первородства, покорились и тут, в храме, как покорились в семейной жизни. Священник молчит, делает вид, что не замечает этого открытого попрания Бо-

жьего порядка. Он больше всего на свете хочет того же: жить спокойно, сытно и без проблем, иначе эти бабки на него тысячу доносов напишут епископу. Попробуй-ка ввести в храме православное благочестие! Съедят.

Если эти бабки, которые уже полвека в церковь ходят, не признают закона Божьего, то чего ж мы хотим от молодых да нецерковных девок? И еще удивляемся падению нравов...

Каков поп, таков и приход. Пастырь должен пример своим овцам показывать, а что на деле? Прихожанам велено три дня строго поститься перед причастием, готовиться к исповеди, молитвы вычитывать. А священники, которые «белые», семейные, чуть не каждый день причащаются без всякого поста, а исповедуются от силы раз в году. Они что, заранее Богом прощены, что ли? Им каяться не в чем? Выходит, так.

Ну что ж, с волками жить...

Глава тридцать третья

— Хм! Это чрезвычайно любопытно.

Миниатюрный седовласый академик Денисов пылливо разглядывал Геннадия поверх очков. Они стояли посреди библиотечного хранилища, пропитанного запахом древних фолиантов, кожаных переплетов и герани, буйно произраставшей на облупившемся подоконнике. Книжные полки достигали сводчатого потолка, и не было видно конца длинным рядам потемневших от времени корешков. До верхних полок хранилища можно было добраться только при помощи приставной лестницы.

— Это, знаете ли, игра чисел, — продолжал Денисов, расхаживая перед Геннадием с листком бумаги в руке. — Паскаль был бы счастлив, если бы ему предложили столь интересную задачку.

Геннадий с сомнением посмотрел на сухонького академика:

— Мстислав Карпович, в математике, насколько мне известно, ничего никуда бесследно не исчезает. А тут получается, рубль будто испарился куда-то!

— Никуда он, молодой человек, не испарился. Он, безусловно, где-то есть, — отмахнулся Денисов.

— Мстислав Карпович! — взмолился Геннадий. — Вы — автор научных трудов, учебников по высшей математике. У каждой задачи должно быть решение. Дайте мне его!

— Будет, будет вам решение, — успокоил нервного визитера академик Денисов.

— Спасибо!

За разговором иеромонаха и академика пристально следил аспирант Рябинин, стоявший на самом верху приставной лестницы.

— Сначала я, пожалуй, задам эту задачку моим студентам. Загляните... знаете когда... сейчас подумаем...

— Уважаемый мэтр! — едва не взвыл иеромонах. — Решение нужно мне сегодня же, до полуночи. Грамотно оформленное, не допускающее двойного толкования решение.

Денисов пребывал в замешательстве от такого натиска стоявшего перед ним молодого невежи. Впрочем... За долгие десятилетия служения науке академик повидал немало одержимых чудачков, мнящих, будто они сделали какое-то фундаментальное открытие. Одних только доказательств теоремы Ферма Денисов перечитал не менее сотни. Ложных доказательств, разумеется. Но объяснить это дилетантам от математики было просто невозможно.

— Не думайте, я не сумасшедший, — поспешил заверить увенчанного лаврами собеседника иеромонах. — Я не могу вам всего рассказать, но поверьте: речь идет о моей дальнейшей судьбе.

— Ну, уж, и судьбе, — проворчал Денисов, слегка потеплев к молодому приверженцу теории чисел.

— Так вы поможете мне?

— Сегодня никак не получится. У меня симпозиум.

— Отмените! — с жаром воскликнул Геннадий. — Перенесите!

— Ну, знаете ли, молодой человек, это уже слишком, — отшатнулся академик. — Я уважаю фанатиков науки, но, по-моему, вы все-таки забываетесь.

— Я заплачу вам за решение. Миллион рублей. Сейчас же, авансом. Сколько вы получаете как зав кафедрой? Ведь жалкие гроши, верно? А тут —

миллион. За день. Вы понимаете? Миллион рублей! — Геннадий поднял с пола свой дипломат, положил его на небольшой письменный столик.

Лицо Денисова стало непроницаемым. Он снял очки, зачем-то протер их носовым платком и, подняв глаза, тихо произнес:

— Ах, вот оно что. — Помолчал немного и закончил таким же ровным, безжизненным голосом: — Уходите. Нет, выметайтесь! И чтоб я вас больше не видел!

Геннадию не хотелось жить на свете. Провалиться в преисподнюю — вот единственное, что могло спасти его от вселенского чувства стыда.

Неловко вскидывая ноги, он сбегал с парадной лестницы университета и, наверное, упал бы, если бы вовремя не ухватился за мраморные перила.

— Эй, вы! Как вас там! — По лестнице быстро спускался аспирант Рябинин. — Постойте! — Аспирант достиг ступеньки, на которой стоял, покачиваясь, раздавленный унижением иеромонах, и, отдуваясь, заговорил: — Зря вы так насчет денег. Старик этого смерть как не любит. Он страшно гордится тем, что всю жизнь прожил скромно и никогда не позволял себе наживаться за счет науки. И вообще он... — Рябинин выразительно покрутил у виска растопыренную пятерней.

— Кто вы? Что вам от меня нужно? — уставшим голосом спросил Геннадий. — И откуда вы знаете о моем разговоре с Денисовым?

— Я стоял на лестнице и подслушивал, — беспечно признался аспирант. — А нужен мне... ваш миллион рублей. Я не хуже Старика могу справиться с вашей задачей, а может, даже и лучше, хоть всего лишь и аспирант. Но, в конце концов, какая вам разница, кто до полуночи предоставит вам решение? Или я что-то не так понимаю?

— Вы все правильно понимаете. Абсолютно никакой разницы. Вы уверены, что справитесь с задачей? — вновь окрылился надеждой иеромонах.

— Больше того, — покровительственно похлопал Геннадия по плечу Рябинин, — я уже знаю решение. Осталось, как вы выразились в разговоре со Стариком, грамотно его оформить и исключить двойное толкование. — Он посмотрел на дипломат в руке Геннадия: — Так вы говорите, деньги у вас с собой?

Глава тридцать четвертая

Валентин Николаевич Мокеев задыхался от жары в кабинете директора зоопарка Пряслова.

— Зачем позвал? — сразу перешел к делу бывший атташе.

— Поговорить. О деле.

Борис Ильич поднялся с кресла, подошел к окну и распахнул его настежь. Тут же в комнату ворвался неразборчивый бубнеж громкоговорителя, призывающего всех честных граждан и патриотов родного города ставить подпись под каким-то обращением к властям.

Мокеев-старший с облегчением вдохнул полной грудью.

— Ты вот что, Валентин Николаевич... — говорил Пряслов. — Ты только сначала подумай хорошенько о моем предложении, а потом уж решай, соглашаться тебе или нет.

— Многообещающее начало, — хмыкнул экс-дипломат.

— Это точно. Так вот, ты ведь, как известно, долго жил в Париже, ходил там по казино...

— Я и в Ницце в казино бывал, и в Баден-Бадене, — криво усмехнулся Мокеев, начиная смутно догадываться, зачем он понадобился Пряслову.

Подумать только! Знал Валентин Николаевич, что директор зоопарка нагл и беспринципен, но чтобы до такой степени...

— Вот-вот! — торжествуя вперил в собеседника палец Борис Ильич. — Ты, дорогой мой, все тамошние порядки изучил, традиции, систему безопасности...

— При чем тут система безопасности? — буркнул Мокеев. — Я что, шулер, что ли?

— Ну-ну, — примирительно проговорил Пряслов и подмигнул: — А за что ж тебя из казино «Мулен-Руж» в полицию тягали, а?

— Так то ж провокация была! Антисоветская провокация! Мол, московский дипломат шулерством занимается... Даже ТАСС протест заявлял!

— Ну, в ноте протеста говорилось, что ты вообще ногой в казино — ни-ни... — осклабил Пряслов. — Что ты отродясь и карт-то в руке не держал!

— Не было с моей стороны никакой подмены колоды, меня же отпустили тогда! — завелся Мокеев.

— Угу. На все четыре стороны, — как бы про себя заметил Борис Ильич. — Из дипломатического корпуса... Ладно, Валентин Николаевич, проехали. Коротче, помоги мне с дизайном игорных залов, организацией всяких сопутствующих развлечений и услуг...

— Значит, вопрос уже решен?

— Можно сказать, что решен, — ответил Пряслов, глядя в сторону открытого окна, откуда в кабинет продолжали доноситься надрывные призывы мегафона. — Скоро здесь вместо царства фауны будут кипеть совсем другие страсти...

— Тоже, кстати, звериные, — усмехнулся Мокеев. — Только не рановато ли ты ко мне обратился? А? Там, кстати, — кивнул он в сторону окна, — огро-о-омная очередина выстроилась. Горожане подписывают обращение с протестом против закрытия зоопарка и появления в городе своего Лас-Вегаса.

— Да и черт с ними, — отмахнулся Борис Ильич. — У нас всегда так: погорланят, покрасуются друг перед другом своими благими порывами и смирятся с неизбежным.

— Может быть, может быть, — грустно покивал головой Мокеев, который и сам не верил в возможность общественного спасения зоопарка.

Пряслов походил по кабинету и снова заговорил, стараясь придать голосу как можно больше дружеского сочувствия:

— Я все понимаю, Валя. Знаю, как тяжело тебе смотреть на гибель своего детища. Я же тогда, помнишь, первым твой прекрасный порыв поддержал, согласился стать директором твоего зоопарка. Только, Валя, удача — она баба неверная, капризная. Отвернулась — и жди потом ее годами. А можно вообще не дожидаться. — Он подошел к мини-бару, плеснул в тяжелые фужеры дорогого коньяка. — Ты посмотри на свою жизнь со стороны, Валя. Ты ж везунчик!

— Я? — поразился Мокеев, принимая из рук Пряслова фужер. — Я — везунчик? Ну, ты скажешь!

— Да, ты, — сурово посмотрел на него директор зоопарка. — С юных лет — блестящая дипломатическая карьера, годы жизни в Париже. Мы-то, всякое быдло советское, могли в то время только о Сочи мечтать. А ты не оценил милость судьбы, профукал свой Париж из-за пристрастия к картам! Да от другого удача вообще бы навсегда отвернулась после этого. Но только не от тебя! Помыкался ты по московским кабинетам, да и опять за карточки уселся. И что? Полтора миллиона за один присест прямо как с неба на тебя свалились! Другой бы сразу и навсегда игру забросил, бизнесом

занялся или, на худой конец, в тот же Париж умотал, жил бы там припеваючи, сына бы в Сорбонну устроил. Тебе судьба такой шанс дала! А ты? Город свой родной, видишь ли, облагодетельствовать захотел, миллион с гаком на зоопарк пожертвовал... Вспомнил свое детство золотое. А на оставшиеся денежки игру продолжил. И судьба опять от тебя отвернулась, снова профукал все. И зоопарк, между прочим, в том числе.

— Ты к чему все это говоришь? — Мокеев отставил коньяк, даже не пригубив.

— А к тому, что я тебе, везунчик ты наш и баловень судьбы, еще один шанс даю. Иди ко мне в игорный центр на должность замдиректора по оргвопросам. Оклад — какой хочешь. А зверей твоих я не обижу, клянусь. Всех пристрою в отличные места. Вот, смотри, из Берлинского зоопарка запрос пришел...

Пряслов стал рыться в бумагах, сваленных на письменном столе, но Мокеев уже поднялся и двинулся к двери.

— Я подумаю, Борис Ильич, — кинул он на прощанье, хотя про себя уже принял кое-какое решение...

Глава тридцать пятая

Алексей неторопливо, с какой-то болезненной тщательностью готовил все необходимое для инъекции. Сюда, на кухню, доносилась ритмичная мелодия, бьющая из колонок в гостиную, и подсознательно Алексей подстраивал свои размеренные движения под заданный музыкантами темп.

Он выкладывал на кухонном столе медицинские принадлежности, словно некую мозаику. Или пазьянс.

Две ампулы. Пилочка. Резиновый жгут. Шприц. Кусочек ваты. Пузырек со спиртом.

«Я откладываю, я медлю, я боюсь, — отдавал себе отчет в своих действиях кардиолог. — Какого черта? Ведь решился уже. Давай, безвольный слизняк! Один раз — не страшно...»

До сих пор он ни разу не делал себе никаких внутривенных инъекций — не было такой нужды. Но, конечно, дело не в этом. Уколоться он сможет вполне грамотно. Просто Алексей до смертной тоски осознавал, что стоит на грани чего-то непоправимого.

Он резко провел пилочкой по узенькой горловине ампулы, отломил стеклянный колпачок. Взял вторую. «Сразу четыре куба омнопона — не многовато ли? Нет, не многовато, иначе не будет нужного эффекта. К тому же, я здоров, как бык. Малая доза может привести к банальному засыпанию, я ж ночь не спал. А я должен добиться обратного эффекта: максимально активизировать подкорку».

Шприц медленно всосал прозрачную жидкость — звук был такой, словно в раковине пробил засор, и вода жадно устремилась в горловину. Алексей намотал жгут на левую руку, стянул его до боли при помощи зубов. Заработал кулаком.

— Шикарные у тебя вены, старик, — подбадривал он сам себя, глядя, как на сгибе локтя вздувается фиолетовая жила. — Грех не попасть...

Поднял шприц, нажал на плунжер, выстрелив в воздух крошечной струйкой, и невольно стал разглядывать сквозь округлый цилиндр шприца летний пейзаж, раскинувшийся за окном... Перед глазами плыла зелень берез, неясные очертания зданий...

Резкий телефонный звонок полоснул по нервам — аппарат стоял тут же, на кухонном столе.

— Шайтан! — выругался доктор, чувствуя, что стянутая жгутом рука уже начинает затекать, а резь становится нестерпимой. — Кому это приспичило так не вовремя?

Он отложил шприц, снял трубку. И тут же в кухню ворвался тревожный, возбужденный голосок Нади:

— Леша, мне сказали, что ты заболел...

— Привет, — буркнул Алексей, кривясь от боли.

— Слушай! — Надя говорила, словно на бегу. — У Игоря был сердечный приступ, я вызвала «скорую». Ему что-то укололи, а сейчас он у тебя в отделении. Срочно приезжай! Они тут все пьяные, и врачи, и медсестры. У них какой-то праздник. Игорю опять что-то вкололи и бросили в палате. Меня никто не слушает... А ему все хуже и хуже. Ты же его лечащий врач!

— Надя, не говори ерунды, — грубо одернул невесту Алексей. — Ну, выпили немного коллеги, это несерьезно. Там действительно день рождения. Поверь, — он старался не дать ей вставить ни слова, — поверь, они

все делают правильно. У нас отличные врачи, в сто раз опытней меня.

В трубке послышались рыдания.

— Хватит психовать! — Алексей разозлился уже не на шутку: пальцы левой руки стали сиреневыми из-за слишком туго перетянутого жгута. — Повторяю, это не опасно, у Игоря всю жизнь время от времени будут такие приступы. При его заболевании это нормально! — Он швырнул трубку на рычажки, потом снова снял ее, положил рядом с аппаратом и процедил: — Идиотка!

— Счет, любезный.

Сергей, облаченный в малиновый пиджак, черные брюки, белую рубашку и галстук-бабочку, стоял за стойкой и смотрел в противоположный угол бара. Там расположились трое мужчин, явно — лесоторговцев, о сборище которых говорил Шурик: пластиковые бейджики на лацканах пиджаков были сделаны в виде елочек.

Судя по повадкам, все трое были дядечками далеко не бедными, особенно старший по возрасту, привыкший, видимо, к подобострастному отношению коллег по бизнесу. Вот и теперь он больше всех балагурил, обсуждая предстоящую вечеринку, а двое других лесоторговцев угодливо подхихкивали древесному магнату.

Заказ троицы был весьма скромным: графин хорошей водки, бутерброды, кофе и пирожные. И, тем не менее, согласно подсчетам Сергея, слупить с них следовало никак не меньше двух тысяч рублей. Вместе с чаевыми, разумеется.

Сказав: «Счет, любезный», главный лесоторговец даже не посмотрел в сторону Сергея, однако тот не испытал и тени раздражения. С покорной постной миной архитектурный дизайнер подплыл к столику с гостями и чуть поклонился:

— Все уже посчитано, господа. С каждого из вас — по сто рублей.

Ради чистоты эксперимента следовало бы запросить с лесоторговцев по червонцу — недоста-

чу Сергею так и так предстояло восполнить из своего кармана. Однако новоиспеченный бармен понимал, что подобные цифры просто-напросто вызовут сомнения в его психическом здравии.

Вон, даже услышав озвученную сумму, лесоторговцы и то переглянулись недоуменно.

— Однако, — удостоил, наконец, Сергея взглядом магнат. — Цены у вас исключительно гуманные. Вы, часом, не ошиблись, любезный?

Другой все шарил испуганным взглядом по торсу «бармена». «Ясно, пытаются различить под пиджаком пистолет, — понял Сергей. — Принял меня за переодетого киллера, который не знает расценки. Вот сейчас я, по идее, должен грозно сказать: «У нас ошибок не бывает», и открыть огонь».

— У нас ошибок не бывает, — со сдержанным достоинством ответил он, а про себя подумал: «Интересно, какова будет их реакция, когда я через каких-то полчаса буду стучать в двери их номеров, извиняться и возвращать по десять рублей, на которые их, якобы, обсчитал? Как минимум, решат, что я издеваюсь. А то и чего похуже...»

На стол порхнули три сотенные бумажки, а магнат добавил четвертую — на чай.

Сергей сгреб триста рублей, а лишнюю купюру оставил на тарелочке.

— Извините, но здесь чаевых не берут, — как можно убедительнее произнес он и прошествовал за стойку.

— Слушайте, куда мы попали? — послышался за его спиной голос одного из троих лесоторговцев.

— В социалистическое прошлое, товарищи. Здесь борются за звание «Коллектив коммунистического труда», — с нервным смешком откликнулся второй.

Лязгнули отодвигаемые стулья, и троица двинулась к выходу из бара.

— Пойдемте-ка по номерам, вздремнем чуток, — предложил коллегам магнат. — А то ночью, я чувствую, спать не придется.

И снова ответом ему было идиотское, угодливое хихиканье...

Сергей не видел, да и не мог видеть, как, выйдя в гостиничный холл, один из лесоторговцев (тот, что принял импровизированного бармена за киллера) подошел к портье и принялся что-то втолковывать ему, кивая время от времени в сторону бара...

Глава тридцать шестая

Внутри будто рос прохладный воздушный шар, который вот-вот поднимет доктора куда-то на недосыгаемую высоту... Не давая увлечь себя эйфори-

ей полета, Алексей прошел в гостиную, прибавил децибелов в стереоколонках и, пританцовывая, постарался сосредоточиться на феерически мелькавших в сознании сочетаниях цифр: тридцать, двадцать девять, двадцать семь... Пять, три, два, один...

Но тут раздался длинный тревожный звонок в дверь. Надежда! Кто ж еще? Приперлась все-таки, видно, надоело ей слушать короткие гудки в телефонной трубке.

Алексей был раздосадован. Буквально за пару секунд до того ему уже начало казаться, что цифры обретают свой неповторимый, индивидуальный характер: «тридцатка» дышит самодостаточностью и оптимизмом, «двадцать девять» в нерешительности задумалась, уплывать ли ей куда-то в пространство или сначала поквитаться со своими визави, у «двадцати семи» — внутренний разлад, и топорик семерки вот-вот рубанет по доверчиво подставленной шее двойки... Цифры уже принялись было обсуждать свои взаимоотношения, как их разговор был грубо прерван каркающим звуком входного звонка.

Алексей стер пот со лба, бесшумно метнулся в прихожую и осторожно посмотрел в глазок.

Искаженное линзой, ему улыбалось лицо Ирины. Да-да, эту девушку зовут Ириной, они познакомились позавчера в зоопарке... Он еще не подал руки, извинился, что пропах рыбой... Только на этот раз юная воспитательница была одна, без маленькой девочки.

Алексей распахнул дверь, и Ирина смело шагнула в полутемную прихожую.

— Надеюсь, сегодня ваши руки не пахнут рыбой? — прошептала она.

Геннадий шел городским сквером, рассеянно поглядывая на пьющих пиво граждан и гражданок. Шел налегке: дипломат вместе с содержащимся в его утробе миллионом перекечевал к аспиранту Рябинину.

Боковым зрением иеромонах зафиксировал сидящего на лавочке отца, но не только подходит к нему, а даже смотреть в его сторону не хотелось. Не хотелось вообще ничего.

Сейчас семь вечера, в десять он должен быть в общежитии аспирантов. Второй этаж, комната «двадцать два». Легко запомнить. Там Геннадий получит компьютерную распечатку решения головоломки Виктора Петровича.

И все. Этот кошмар закончится навсегда. Пойдет совсем другая жизнь.

Валентин Николаевич Мокеев тоже заметил сына, проходившего неподалеку, и у бывшего атташе, как и у Геннадия, отнюдь не возникло желания обменяться приветствиями. Как говорится, виделись... И еще увидятся сегодня, причем, надо думать, при весьма и весьма радостных обстоятельствах.

К лавочке быстро подошел аспирант Рябинин, осмотрелся по сторонам. Многолюдно, конечно... Однако Мокеев-старший сам назначил это место встречи, пусть пеняет на себя, если ему жизнь не дорога.

— Добрый вечер, господин Мокеев, — сухо приветствовал опального дипломата Рябинин. — Может, все-таки нам стоит где-нибудь уединиться?

Аспирант до пота в ладони сжимал ручку чемоданчика из крокодиловой кожи. Того самого чемоданчика, который передал ему странный парень по имени Геннадий.

— Добрый, добрый, — кивнул Валентин Николаевич, пристально глядя в лицо Рябина. — Помните старую картежную поговорку? «Джентльменам верят на слово». Я вам верю. Просто поставьте дипломат на скамейку. Рядом со мной.

Рябинин пожал плечами и прислонил свою ношу к бедру Мокеева:

— Здесь ваш миллион. Весь. Копейка в копейку, — и добавил: — Карточный долг — долг чести.

— Похвально, — удовлетворенно похлопал по теплой коже чемоданчика Мокеев. — Честно говоря, даже не ожидал от вас...

— Напрасно, — с обидой вскинул голову аспирант. — Напрасно, господин атташе. Впрочем, я рассчитываю уже сегодня у вас отыграться. Как обычно, в баре на пруду, вы как? Не против?

— Против. — Мокеев поднялся со скамьи и широко улыбнулся. — Отныне и навсегда... Я, знаете ли, больше не играю. — Поймав удивленный взгляд Рябина, он в каком-то порыве откровенности заговорил: — У меня сын монах, настоятель церкви... А я, стало быть, отец монаха. Это понять надо... Мне вон сколько лет понадобилось.

— Так вы что же?.. — еще больше изумился Рябинин.

— Не-ет, — с грустью молвил бывший атташе. — Какой из меня инок? Это ж ангельский чин... А о деньгах не жалейте. Не знаю, где вы их взяли, но истрачены они будут на благое дело. Как говорится, лучше не придумашь.

— Догадываюсь, — вздохнул Рябинин, коротко кивнул и зашагал прочь по дорожке.

Тут только Мокеев-старший осознал, что держит в руке дипломат, как две капли воды похожий на его собственный. Да, кстати! Ведь и у Генки был такой же...

— Минуточку! — крикнул Валентин Николаевич вслед аспиранту. — Скажите, откуда вы взяли такой дипломат?

Но Рябинин уже повернул к выходу из сквера. Догонять его Валентину Николаевичу не хотелось.

На душе у бывшего атташе советского посольства в Париже и отца-основателя местного зоопарка Мокеева было покойно и радостно.

Глава тридцать седьмая

Итак, решение пришло к нему само! Пришло безо всяких усилий с его стороны. Можно было и не разбивать вдребезги стеклянный шкаф с наркотическими препаратами, не подставляться под увольнение из клиники, не мучиться в нерешительности над шприцем, наполненным прозрачной жидкостью...

Вот оно, решение, лежит рядом с ним в виде прелестной девушки, подруги и, надо полагать, наперсницы магната по имени Виктор Петрович.

Решение в обнаженном виде. Голое, так сказать. Алексей посмотрел на часы. Семь вечера.

— Ну, милая, тебе пора, — коснулся он плеча Ирины.

— Как пора? — сладко потянулась под одеялом Ирина. — Еще так рано...

— В самый раз.

Алексей выскользнул из постели, запрыгал на одной ноге, напяливая джинсы. Его охватывали странная внутренняя лихорадка и непонятное беспокойство..

— Что ты имеешь в виду? — Ирина приподнялась на локте, смотрела с обидой.

— Только давай, знаешь ли, без этих... — путано выкрикнул Алексей. — Не я к тебе пришел, а ты ко мне.

— Ничего не понимаю!

— А тут и понимать нечего. Времени в обрез. Так что сейчас ты бы-стренько оденешься и — ноги в руки, к своему спонсору. Хозяину.

«Да нет, все дело в том, что моя тревога — естественная, имеющая внешнюю причину, — пытался анализировать свое состояние доктор. — Поэтому ничего аномального, это не ускоренная реакция...»

— Какому еще хозяину? — на глаза девушки навернулись слезы. — Я что, собака?

— Угу. Почти. Которую кормят, одевают, дают деньги. А она в благодар-ность за все это ныряет в койку к первому же приглянувшемуся мужику. Не думаю, что Виктор Петрович дал тебе на это свое благословение.

Алексей слушал свой голос и оценивал сказанное. Все четко, все пра-вильно. Логично и доходчиво. Стройно.

— Ах, ты сво-олочь, подо-онок! — завывала Ирина. — Сво-олочь! Я дума-ла, ты хороший!

— А с миллионом фунтов буду еще лучше. — Алексей уже оделся, стоял в дверях спальни. — Так что отправляйся к Виктору Петровичу, заведи разговор про эту гребаную загадку... Ну, и как-нибудь по-женски вызнай решение. Тебе-то он скажет. Прикинься любопытной, изобрази каприз — не мне тебя учить. Ты сама ученая, аж клейма негде ставить.

— Эту загадку невозможно решить!

— Это я уже понял, — снова взглянул на часы Алексей, — поэтому мне нужно готовое решение. От автора головоломки. Так, время! Цигель-цигель, ай-лю-лю! Если к одиннадцати вечера ты не отзвонишь и не продиктуешь решение, то... Сама понимаешь, Виктор Петрович тут же узнает о твоей изме-мене. Из первых, так сказать, рук. Из моих рук, если уж быть точным.

Еще секунду назад Алексей боялся, что не сможет произнести эти же-стокие слова, и готовился сделать над собой неимоверное усилие... Но надо же! Заготовленная фраза слетела с губ легко и естественно...

— Сво-олочь! — продолжала горестно завывать девушка.

— Ну, заладила... Впрочем, не буду мешать одеваться. — Задевая дверные косяки, Алексей двинулся на кухню. И... замер в оцепенении.

У кухонного стола стояла Надя, спутанные волосы падали на лоб. По-детски наклонив голову набок, она разглядывала пустые ампулы из-под инъекции, шприц, жгут... Разглядывала и перебирала своими дрожащими пальцами.

Подняв взгляд на вошедшего Алексея, Надя с отрешенным видом произнесла:

— Надо же... Как это я раньше не замечала...

— Чего не замечала? — взорвался Алексей. — Как ты сюда вообще попала?

— У тебя входная дверь была открыта...

Вошла Ирина, и Надя отреагировала на ее появление довольно странно, точнее, почти никак не отреагировала. Словно и не была новоиспеченной невестой, просто обязанной, по традиции, ревновать жениха ко всем существам женского пола.

— Здравствуйте, — вежливо сказала она.

— Здравствуйте. — Губы Ирины кривились от беззвучных слез. — Вас он тоже шантажирует? Да? — И девушка повернулась к выходу, не дожидаясь ответа. Спустя несколько секунд где-то внизу хлопнула дверь подъезда.

— Игорь умер, — коротко сообщила Надя и, не сказав больше ни слова, тоже ушла.

Алексей взял в руки жгут и, деловито выпятив губы, стал обматывать левое предплечье.

В коробке оставалось еще восемнадцать ампул.

Глава тридцать восьмая

— А зачем вам знать, в каких номерах остановились эти господа?

Пожилой породистый портье смотрел на Сергея с нескрываемым подозрением. Похоже, тот лесоторговец, что сбивчиво говорил ему о странном поведении бармена, оказался прав: этот незнакомый парень в малиновом пиджаке и галстуке-бабочке либо сумасшедший, либо...

Сергею и впрямь было сложно объяснить гостиничному портье, по какой такой причине он хочет повидаться с тремя лесоторговцами, только что покинувшими бар и поднявшимися в свои апартаменты. И он решил играть роль до конца, благо «следственный эксперимент» вступал в завершающую стадию. Кое-что вроде бы начинало проясняться... Он, вот-вот, поймает за хвост пресловутый ускользающий рубль!

— Видите ли... — начал Сергей, изо всех сил стараясь изобразить на лице добродушную улыбку. — Как бы вам сказать... — Краем глаза он следил за обстановкой в холле, чувство близкой опасности не покидало его. Вон бородатый мужчина покупает журнал в киоске, полная дама плывет к выходу, высокомерно глядя на швейцара, двое грузных ленивых полицейских развалились в креслах под пальмами, один ковыряет спичкой в зубах... — Тут такой случай. — Он вдруг с ужасом осознал, что мямлит, оправдывается, тогда как надо было бы говорить спокойно и уверенно. — Я по ошибке обсчитал этих гостей и теперь хотел бы вернуть им лишние деньги, а то нехорошо получается...

Портье смотрел на него так, словно стоявший перед ним парень только что сознался в ограблении могил.

— Вы кто такой? Я вас первый раз вижу.

— Я подменяю Шурика... У него дела... Он попросил...

— Разберемся! — рубанул портье и кивком подозвал полицейских, которые неотрывно наблюдали за этой сценой.

— Зачем вы... Я же по-хорошему хотел, — начал, было, Сергей, но уже понял: эксперимент провалился. Провалился с треском, и все — из-за неумной бдительности этого старика за стойкой ресепшена. Он остро ощутил всю свою беспомощность и ничтожность.

Полицейские неспешно приближались к нему, и архитектурный дизайнер в одно мгновение представил, как сейчас его задержат, доставят в отделение «до выяснения», где он проторчит, как минимум, до ночи! Сергей машинально глянул на электронные часы над головой портье: час дня. С копейками.

Он резко повернулся к выходу и буквально протаранил вращающуюся стеклянную дверь. Сзади слышался топот милицейских ботинок...

Желтое такси — «волжанка» с распахнутым багажником стояло у самого входа в гостиницу «Центральная», плотно сбитый таксист выгружал на асфальт чемоданы. Из правой передней двери выкарабкался дородный мужик, с брезгливым выражением что-то говоривший таксисту... Сергей с налета отшвырнул толстяка, пригнул голову и по-собачьи забрался на водительское сиденье. Двигатель почему-то работал... И он быстро дал по газам.

Такси с раскрытой правой передней дверцей и поднятым багажником стремительно стартовало прочь от «Центральной». Сергей ежесекундно

оглядывался, но крышка багажника загромождала задний обзор. Он потянулся к распахнутой двери — надо же захлопнуть! — и тут боковым зрением увидел девочку, вышагивающую по пешеходному переходу. Черт, он же едет на «красный»!

Сергей резко вывернул руль вправо, и его швырнуло лицом о лобовое стекло от плотного, сотрясающего «Волгу» удара. В первый момент он решил, что от растерянности вдавил тормоз до упора, но уже в следующую секунду осознал, что случилось непоправимое.

Девочка с остановившимися глазами и открытым ртом стояла посреди дороги, слева от бампера «Волги». А справа по мостовой катилась к обочине какая-то женщина, невеста как угодившая под радиатор взбесившегося такси...

Сбил!

Сергей на предельной скорости вилял по каким-то переулкам и дворам, из подмышек струился пот. Может быть, в этом слепом безумном гоне он не раз и не два проехал одно и то же место... Даже скорее всего.

Очнулся Сергей возле мусорных ящиков, и сознание зафиксировало, что он лихорадочно скидывает с себя малиновый пиджак и галстук-бабочку... Потом зигзагами бежал по лужам между серыми «хрущевками», не замечая, как из носу течет кровь. На него не особенно обращали внимание: к подобным персонажам в рабочем квартале привыкли. Правда, этот нализовавшийся гражданин был в отутюженных черных брюках и накрахмаленной сорочке, видно, на свадьбе подгулял. А что за свадьба без драки?..

— Идиот! Ты хоть понимаешь, что натворил?

Шурик нервно расхаживал по гостинной, брал в руки то один предмет, то другой, ставил обратно на место.

Сергей понуро сидел на диване, уткнув лицо в ладони. Кровь с лица он уже смыл, и только на рубашке остались бурые пятна.

Ноги сами, на автопилоте, принесли его сюда, в квартиру Шурика, где он был до этого всего один раз, и то несколько лет назад. А в подсознании адрес, оказывается, отложился прочно, конкретно.

— Понимаю, Шурик, — глухо отозвался Сергей. — Я убил женщину. Прямо перед глазами стоит, как она покатила...

— Ты зачем от ментов-то рванул? А? — вкрадчиво проговорил бармен, останавливаясь перед ним. — Ты мне позвонить не мог? Я же сказал: если что, звони. Я бы приехал и все объяснил.

Объяснил бы он! Может быть, может быть... Но как Сергею объяснить Шурику, что для него любая потеря времени — смерти подобна!

Сергей уже понял, что проиграл гонку за миллион фунтов стерлингов. Но вдруг еще не поздно вернуть свое, кровное — рвануть в Венецию на архитектурно-дизайнерскую выставку? И катитесь вы все к лешему!

Как он вообще позволил втянуть себя в эту авантюру с разгадыванием каких-то дурацких загадок? И чуть было не погубил все свои труды и надежды, свое будущее, ради химеры, коварно подложенной дьяволом в лице Виктора Петровича. Бред!

Боже мой! Теперь он, выдающийся архитектор, стал убийцей, его ищет милиция, как тех двух беглых уголовников, от которых когда-то спас его Шурик...

— Шурик, спаси меня! Не выдавай! — взмолился Сергей.

— Да? — издевательски посмотрел на него бармен. — Это каким же образом, любезный друг, мне, по-твоему, удастся сохранить твоё инкогнито? Выходит, я доверил своё место в баре неизвестно кому? Первому встречному? Так, что ли? Кассу доверил, выпивки на три штуки баксов... А может, ещё прикажешь сесть в тюрьму вместо тебя? благородно, конечно, — спасти для человечества такого гения архитектуры, но, знаешь ли, я не в дворянской семье вырос, не благородных кровей. Твои проблемы — это твои проблемы.

Чем больше Шурик разглагольствовал о неразрешимости ситуации, в которую попал его приятель, тем отчетливее Сергей понимал: бармен может и хочет спасти его от ареста. И все это ерничество — лишь прелюдия к чему-то еще. Шурик просто набивает цену...

— Выход есть, Шурик, — решительно заговорил он. — Через два, максимум, два с половиной часа мне нужно быть в Москве, на Полянке. Там канцелярия итальянского генерального консульства.

— Уже интересно, — буркнул бармен.

— Билет забронирован, виза будет. Ночью я окажусь в Италии.

— И больше сюда не вернешься, так?

— Скорее всего... Я позвоню тебе из Венеции, ты скажешь, какие тут дела, и можно ли возвращаться. Все твои дружеские услуги будут щедро оплачены, обещаю.

— Ну, что ж, это вариант... А насчет оплаты услуг — это ты, брат...

Сергей вдруг обессилено откинулся на спинку дивана и провыл:

— Черт, черт!

— Ну, что еще?

— Черт! У тебя в подсобке...

— Что в подсобке?

— Осталась моя ветровка! Там мой паспорт!

— Заграничный, что ли?

— Обычный! С именем, отчеством, фамилией и пропиской! Менты уже у меня на квартире, ждут-поджидают. Я не могу поехать домой за загранпаспортом! Какая, к лешему, Италия!

— Н-да, ситуевина... — покачал головой бармен. — Ты круто попал, братишка.

— Что же делать? Что делать, Шурик? — истерично выкрикнул Сергей.

Шурик подошел к окну, какое-то время задумчиво смотрел вниз.

— Тебе, Серега, надо залечь на дно, — отвесил он, как приговорил. — Только так, и не иначе. — И, подсев к приятелю, обнял его за плечи: — В общем, слушай. Я тебя вытащу из этого дерьма. Через три часа тебе сделают новый паспорт. На другую фамилию. Сейчас приедет фотограф, щелкнет тебя.

Сергей лишь покорно кивал в ответ.

— Поедешь в Сочи вечерним поездом, — продолжал диктовать Шурик. — Отмякнешь там в соленой водичке. И заодно отвезешь вот это. — Он указал на продолговатую спортивную сумку, притулившуюся в уголке гостиной.

— Наркотики? — ужаснулся Сергей.

Этого еще не хватало!

— Успокойся, не наркотики, — усмехнулся Шурик. — Эк вы все наркотиков-то боитесь... Но, тем не менее, глаз с этой сумки не спускай. В Сочи тебя встретят, прямо у поезда. Денег дадут, поселят. А там... Там видно будет. Что-нибудь придумаем.

— А все-таки, что в сумке? — с подозрением посмотрел на Шурика новоиспеченный курьер.

— Знаешь, я бы на твоём месте не был таким любопытным, — злобно ответил бармен. — В твоём-то положении... И в поезде ты эту сумку лучше не открывай. Меньше знаешь... В общем, ты понял?

— Понял...

Глава тридцать девятая

Под ногой хрустнула использованная ампула, но Алексей не чувствовал боли от мелких осколков, впившихся в голую пятку.

— Он умер, понимаешь! — надрылся в телефонную трубку кардиолог. — Игорь умер! Из-за меня, Гена!

У себя в квартире иеромонах Герман зашнуровывал кроссовки, прижав телефонную трубку плечом к уху. «Голос у Лехи какой-то неестественный, выпил, наверное, — машинально отметил он про себя. — Впрочем, ему больше ничего не остается, как напиться».

— Гена! — продолжал взывать полубезумный от горя доктор. — Она не хочет со мной говорить. И вообще, между нами все кончено...

— Да брось ты, время лечит, — сказал дежурную фразу утешения Геннадий, думая о своем. С замиранием сердца думая, со сладостным предчувствием...

— Слушай, Гена, ты же священник! — продолжал свой бред Алексей. — Позвони ей, а? Успокой, утешь как-нибудь... Ты умеешь.

Геннадий посмотрел на часы: девять вечера. Скоро он будет в общежитии аспирантов, получит вождеденное решение хитроумной головоломки. Оттуда, из общежития, — на виллу Виктора Петровича. Геннадий не терял времени даром: узнал, где расположено поместье президента компании «Евразия-Траст». Оказывается, в черте города...

Леха что-то бубнил в трубку, его голос стал неразборчивым от всхлипываний.

«Ну, с меня хватит!» — решил Геннадий, поднимаясь с табуретки в прихожей. Топнул одной ногой, другой. Кроссовки сидели, как влитые.

— Предатель ты, вот кто! — строго сказал он в трубку. — Доктор называется. Бросил умирать больного ради приманки в миллион фунтов.

Казалось, Алексей не слышал его:

— Гена! Приезжай ко мне, я не могу сейчас один, понимаешь!

— Исповедаться надумал? Тогда приходи в церковь! — отрезал Геннадий и дал отбой.

Итак, он остался один на дистанции...

Ему почему-то стало тоскливо и мерзко на душе.

Он стоял и все давил на кнопку вызова лифта, как вдруг металлические двери разъехались, и из подъехавшей кабины на лестничную клетку шагнул Мокеев-старший.

— Привет, батя, — бросил на ходу Геннадий, протискиваясь мимо отца в узкое пространство лифта. — Извини, спешу. — И нажал на кнопку.

— Когда вернешься, сынок? — Валентин Николаевич выглядел радостно-возбужденным, он явно выпил.

— Не знаю.

Дверцы лифта стали плавно закрываться, и Геннадий успел лишь увидеть, как отец поднял вверх свой парижский дипломат.

— Приходи скорей, сынок! — донеслось до него сквозь захлопнувшиеся двери. — У меня есть для тебя великая нечаянная радость!

Лифт тронулся.

В пахнущем кожей салоне «Ауди-100», опершись локтями на руль, сидел с крайне расстроенным видом бармен Шурик. По лобовому стеклу в сгущавшихся сумерках постукивал дождик, уже в который раз за этот день.

Рядом с Шуриком расположился толстый капитан — тот самый, что вещал по местному телевидению об очередных кровавых преступлениях маньяка. Служака по-хозяйски закурил, стряхнул пепел на пол. На заднем сиденье посапывал от негодования молодой старлей.

— Шурик, — лениво заговорил капитан, — скажи прямо: тебе что, наша «крыша» не нравится? А?

— Нравится, — еле слышно прошептал бармен.

— Мы ведь с тобой всегда ладили, Шурик, — укоризненно продолжал капитан. — Думаю, поладим и на этот раз.

— Обяза-ательно поладим, — с угрозой пропел старлей за спиной бармена.

— Короче, Шурик... — положил ладонь на колено бармену капитан. — Нам срочно, просто кровь из носу, нужен лох. С товаром.

— Где ж я вам его возьму? — уныло спросил Шурик. — У меня все курьеры наперечет, проверенные. Других не держим.

— А ты поищи хорошенько, — елейно посоветовал старлей.

— Шурик, я зря говорить не буду, — вздохнул капитан. — У меня чутье... Под меня копают, это точно. А тут еще этот маньяк... На днях комиссия МВД приезжает, всех нас будут шерстить. Подстраховаться бы. Так что... Надо кого-то сдавать, Шурик. Иначе сдадут всех нас. На съедение эмвэдэшникам.

— Скажите... Вы не можете подождать пару дней? — с мольбой посмотрел на него Шурик.

— Нет, Шурик, не могу. Нам надо дружить, Шурик.

— Сочинский поезд, вагон номер десять, четвертое купе, — деревянным голосом продиктовал бармен.

— Я знал, что ты парень хоть куда! — Капитан с довольным видом потрепал его по плечу и обернулся к старлею: — Успеваем?

— Успеваем...

Хлопнули дверцы «Ауди-100», послышался звук отъезжающего «уазика». А Шурик все сидел и смотрел перед собой немигающим тяжелым взглядом.

Глава сороковая

Сквозь морозящий дождик до слуха Сергея доносился гнусавый голос репродукторов, но он даже не вникал в смысл объявлений. Бывший архитектурный дизайнер-технолог прилип лбом к влажному стеклу купе, различая сквозь сумерки редкие фигуры носильщиков, пассажиров и провожающих на противоположной платформе.

Он первым, задолго до отправления, поднялся в вагон сочинского поезда, будто стремясь обрести здесь убежище. Покой. Поставил рядом с собой тяжелую продолговатую сумку и сел на полку.

Да, состояние покоя наступило, но безрадостным было это состояние. Сергей с горечью думал, что вот сейчас он уже мог бы сидеть в аэропорту, пить пиво, ожидая посадки на рейс до Вены. А там — волнующие дни архитектурной выставки, лауреатство, многочисленные интервью. Все то, что предвещает блистательную, стремительную карьеру, феерическую

жизнь... Счастье. Счастье, заслуженное трудом и талантом.

Неужели еще вчера все это было возможно? Да, было. Да что вчера! Еще сегодня, каких-то несколько часов назад. Как же произошло, что он сам, своими руками, разрушил свое будущее? И ради чего?

Не иначе, как это гипноз. Психоз. Умопомрачение. А, может, его разум помутился из-за чудовищного, невероятного перенапряжения последних месяцев? И вот он уже не дипломант международного конкурса, восхитивший мировую общественность своим фантастическим проектом, а убийца, вынужденный скрываться от закона, бежать куда прикажут, лишенный всего, ставший игрушкой в руках мафии. Ничтожеством. «Шестеркой». В том, что его старинный приятель Шурик принадлежит к мафии, Сергей теперь уже не сомневался.

В его кармане лежал фальшивый паспорт, фальшивыми были тонкие усики и дурацкая челка, фальшивыми были очки без диоптрий... А он сам?

Сергей постоянно чувствовал, что кто-то незримый беззвучно смеется где-то под потолком, и вроде бы даже не один, а целый хор гогочет над ним, одураченным и лишенным всего. «Ой, разве-ли лоха! Ой, лох! Лошара!»

Бесы. Это бесы. Прав Генка, Сатана реально существует. Но где же Господь? Помоги мне, Господи, не покинь...

К веселой, галдящей толпе провожающих и отъезжающих на южное море граждан и гражданок подкатил полицейский «уазик», именуемый в народе «канарейкой». Капитан выпростал свои грузные телеса и возгласил:

— Граждане, просьба соблюдать тишину! Всем незамедлительно отойти от вагона! В вагоне находится опасный преступник!

Толпа подалась прочь от распахнутой двери тамбура, в которой маячила проводница.

— Это тот самый маньяк? — послышался возбужденный голос женщины.
— Возможно, — многозначительно ответил капитан.
Старлей тем временем тихо беседовал с проводницей.
— В вагоне кто-нибудь есть?
— Да, двое или трое, — отвечала испуганная проводница.
— В четвертом купе?..
— Один. Молодой такой мужчина.
— Его не трогать, — приказал старлей. — Остальных по-тихому вывести из вагона. Только без шума, чтобы тот, из четвертого, ничего не заподозрил.
— Ой, я боюсь! — запричитала проводница.
— Если сделаете все, как я сказал, то вам опасаться нечего, — заверил ее старлей.

Даже если бы выпроваживание ненужных свидетелей совершалось с грохотом и бранью, Сергей вряд ли очнулся бы от своего горестного сплина. Так что двоих пассажиров из соседнего купе провели мимо него вполне благополучно, лишь под конец некий юноша из соседнего вагона чуть было не нарушил четкое выполнение операции по захвату опасного преступника. Он пытался пройти через вагон, но в тамбуре был остановлен проводницей.

— Вернитесь назад, сюда нельзя, — безуспешно отпихивала она верзилу. — У нас в вагоне опасный преступник!

— Помощь не нужна? — гаркнул парень, словно иерихонская труба. — Я боксер!

На подножку уже вскарабкивался капитан, в руке его тускло поблескивал «макаров».

— Назад, — свистящим шепотом приказал он верзиле. — Кому сказал, твою мать! Назад!

— Понял, — буркнул парень и ретировался.

— Вы тоже покиньте вагон, — бросил старлей проводнице. — Ну, с богом, товарищ капитан?

— С богом!

Сергей сидел, уткнув голову в ладони, когда дверь в купе неожиданно распахнулась с лязгом:

— Без фокусов! Встать! Руки за голову!

Он ошарашено уставился в зрачок пистолета, смотревшего ему прямо в лицо.

— Встать, я сказал! — дурным голосом завопил старлей.

За его спиной маячила туша капитана.

Сергей медленно поднялся, сложив ладони на затылке, и уткнулся подбородком в дерматиновый край верхней полки. Старлей, для профформы, об-

шарил его сверху донизу — он прекрасно понимал, что «опасный преступник» безоружен и о том, чтобы оказать сопротивление, даже не помышляет.

— Чисто...

— Скажите, та женщина... Она... Умерла? — спросил Сергей, чуть повернувшись к капитану.

— Какая еще женщина, придурок?! — крикнул старлей.

— Ну, как же... Та самая... Я ведь сбил сегодня женщину возле центральной гостиницы.

— Так это ты угнал такси? Понятно... — пробурчал капитан. Его пистолет был опущен стволом вниз и даже как будто мешал толстяку. — Слушай, парень, я в курсе, видел сводку происшествий. У нее ушиб заднего места, понял? Даже перелома нет. Так что никакой ты не убийца, успокойся.

Сергей машинально отметил, что капитан говорит сочувственно и даже, пожалуй, с грустью.

— Слава богу! — с неимоверным облегчением всхлипнул он.

— Это тоже — слава богу? А? — злобно прошипел старлей, расстегивая длинную молнию на спортивной сумке.

Сергей, скосив глаза, увидел ряд пистолетных рукояток, торчавших из ячеек продолговатого ящика, и даже обрадовался при мысли, что задержан как курьер, везущий нелегальную партию оружия. Это пустяк. Главное — он никого не убивал!

— Значит, на квартире засады не было... А в Венеции завтра выставка, — задумчиво прошептал он.

— Что? — не понял капитан. — Ты бредишь, парень?

— Девятнадцатизарядный «глок», Австрия. — Старлей вынул один пистолет, понюхал: — Еще в масле. Двадцать штук. Что, поближе к местам боевых действий везешь? Да нет, скорее, поближе к базе отдыха президента.

— Да хватит тебе, Витек, — тихо проговорил капитан. — Забираем его и пошли на выход. —

Он посторонился, пропуская Сергея в узкий коридор, и буркнул: — Иди вперед.

Сергей, как во сне, двинулся по коридору. За его спиной капитан медленно поднял свой табельный «макаров», вздохнул и нажал на спусковой крючок.

Хлопнул выстрел, под левой лопаткой Сергея появилась рваная дырочка, и он ничком рухнул в проход.

— Сволочная все-таки у нас работа, — обернулся капитан к старлею, хищно смотревшему на распростертое тело. — Вложи ему в руку «глок»...

Глава сорок первая

В этот еще далеко не поздний час общежитие аспирантов жило своей привычной, устоявшейся годами жизнью. Нельзя сказать, что она была бурной и разухабистой — все-таки не студенты, а без пяти минут «доценты с кандидатами». К тому же, лето, и многие разъехались кто куда.

И тем не менее...

Геннадий шел по длинному коридору, и навстречу ему то и дело попадались жизнерадостные существа обоих полов — многие подшофе, как машинально отметил про себя иеромонах. Пару раз он услышал, как кто-то поздравлял кого-то с Ильиним днем, но чаще из-за дверей доносились звон гитар, «подблюдные» песенки, а иногда и ядреные словечки.

Волнуясь, он постучал в дверь с номером «двадцать два» и тут только обратил внимание на мистическое совпадение: встреча назначена на двадцать два часа...

«А вдруг там никого нет?» — похолодел Геннадий. Но тут же услышал бодрое:

— Войдите!

«Значит, не обманул... Неужели?»

В комнате аспиранта Рябинина мерцал монитор компьютера, сам хозяин, в трениках и шлепанцах, выглядел довольным и сдержанно-гордым.

— Точность — вежливость королей, — неуклюже пошутил Геннадий и пожал руку аспиранту. — Ну, как?

— Как в аптеке, — пожал плечами аспирант. — Теория чисел — это, видите ли, мой конек. Впрочем, довольно теорий. Вот, держите. — И протянул визитеру несколько отпечатанных на принтере листов.

Геннадий мельком пробежал глазами мудреные выкладки, щедро сдобренные математическими значками, и сразу перешел к пространному выводу.

По мере чтения мозг иеромонаха Германа все гуще застилал розовый туман, ушам стало жарко.

— «Таким образом, число тридцать — мнимое число», — сквозь зубы произнес он вслух последнюю строчку текста и в ярости швырнул листки в лицо аспиранта Рябинина:

— Шарлатан! Ты вздумал посмеяться надо мной! Даже мой отец-картежник сумел дотумкать до этого так называемого решения! Еще сегодня утром!

— Это единственно возможное решение, — лепетал Рябинин, отступая.

— Чушь собачья это, а не решение! Оно не проходит! Тебя не спрашивают о мнимых числах! Тебя не просили опровергать саму постановку вопроса! Тебя спрашивают конкретно: куда делся рубль?!

Геннадий схватил аспиранта за грудки, затем отшвырнул его от себя и со зловецким спокойствием произнес:

— Где деньги?

— У меня их больше нет. Делайте со мной, что хотите, — демонстративно сложив руки на груди, ответил побледневший аспирант.

Геннадий с разбега ударил его головой в лицо, но Рябинин не упал, лишь пошатнулся, прижав ладони к разбитому носу. Между пальцев тут же густо потекла кровь.

— Это были церковные деньги! — прошипел Геннадий.

Рябинин резко отнял руки от залитого кровью лица и воскликнул:

— Стойте! Так вы сын Валентина Мокеева? Я вам все объясню! Деньги у...

Последнее, что увидел обиженный судьбой аспирант, — это летящий ему в лицо предмет, на деле являвшийся ничем иным, как подошвой кроссовки. Геннадий с разворота ударил аспиранта пяткой. А последнее, что услышал Рябинин, — противный хруст своих собственных шейных позвонков.

...Обессилено шатаюсь и все время задевая за один и тот же стул, Геннадий кружил по комнате, пока, наконец, не оказался возле Рябинина. Аспирант полулежал на полу, запрокинув голову на диван.

Геннадий, отдуваясь, раскачивался над неподвижной фигурой, а перед его глазамиплыли кадры какого-то фильма. «Ах да, сонная артерия... Всегда щупают сонную артерию», — пронеслось в сознании.

Он в изнеможении рухнул на колени и долго скользил пальцами вдоль шеи Рябинина. Потом увидел его пустые остановившиеся глаза.

Аспирант был мертв.

Глава Сорок вторая

— Батюшка, подайте Христа ради...

Геннадий потряс головой, будто просыпаясь:

— Что-что?

За ним семенила старуха в шерстяных ботиках и косынке. «Кажется, у нее больные ноги», — вспомнил он.

— Я говорю, подайте на хлебушек в честь праздничка.

— Извини, Глафира, ничего нет, — рассеянно шаря по карманам, проворчал Геннадий и, не оборачиваясь, пошел дальше. Он хотел сказать, что никакой он теперь не батюшка, но не стал.

На аллее сквера горели фонари, и тут только до Геннадия дошло, что уже одиннадцать вечера. Совсем не время для сбора подаяний. «А ее сын-алкоголик на ночь глядя из дому выгоняет, чтоб на водку ему набрала», — всплыли в памяти слова псаломщика Вадима.

«Эх, Вадим, виноват я перед тобой...»

Да! Надо успеть сделать что-то важное... И тут иеромонах вспомнил, что Леха просил прийти, там у него какая-то беда стряслась. Сергей-то, поди, уже в самолете, летит в свою Венецию навстречу счастью...

Ноги вынесли Геннадия к единственному в городе телефону-автомату, который, кстати, усилиями местных умельцев работал бесплатно. Он вошел в будку без стекол, набрал номер.

Справа багровым неоновым светом вспыхнула вывеска магазина «Пеликан», через перекресток проехала патрульная машина с включенными проблесковыми огнями.

Телефон Лехи не отвечал, и Геннадий зачем-то набрал номер Сергея. Тоже глухо. Все правильно, Серега теперь далеко-далеко...

И все-таки, сам не зная почему — на всякий случай, наверное, — Геннадий накрутил телефон матери Сергея. Да нет, не на всякий случай. Просто ему очень захотелось услышать хоть одну хорошую новость.

— Алло, Вероника Александровна? Это Геннадий...

Сквозь безудержные рыдания, из разрозненных слов Геннадий понял, что случилось, и глупо переспросил:

— Как вы сказали? Убит? А что он делал в сочинском поезде?..

Он осторожно повесил трубку на рычажок и медленно повернулся. В багровых отблесках неона прямо на него смотрело картонное лицо розовощекого, улыбающегося пионера. Неподвижная долговязая фигура в черном трико сжимала в правой руке армейский штык-нож.

Фигура четко, под прямым углом, сделала поклон и снова выпрямилась.

— Леша, иди домой, — спокойно сказал Геннадий. — Смотри, луна уже пошла на убыль.

Маска повернулась в сторону бледно-молочной луны, несколько секунд оценивающе изучала рваные края светила. Штык-нож с надтреснутым звоном упал на асфальт.

Геннадий посмотрел себе под ноги и увидел, что лезвие отломилось от рукоятки. «Они же смерть, какие хрупкие, эти штык-ножи», — подумал он, а фигура молча повернулась и, словно робот, двинулась в темный проулок.

Геннадий подошел к витрине-аквариуму. Измученные бессонницей карпы вяло шевелили плавниками.

Он поднял кусок асфальта и швырнул его в витрину. На него стремительно обрушилась лавина воды и стекла, под ногами плясали взбесившиеся карпы. Геннадий отдышался и, не обращая внимания на осколки, принялся собирать карпов и запихивать их в ветровку.

У ограды зоопарка он хмуро посмотрел на острые чугунные пики и, выбрав место поудобнее, пополз вверх. «Три метра, — машинально оценил он высоту ограды. — А то и все три с половиной».

Разодрав брюки и лодыжку, перевалился на ту сторону, чувствительно уткнувшись плечом в пенек.

Ограду из сетки-рабицы, окружавшую вольер пеликана, преодолеть было куда как проще. И пеньков тут никаких не было, это он точно помнил.

Геннадий всматривался во тьму, определяя направление к домику Яшки. «Часть рыбы я подавил, это точно. Ладно, все равно съест».

Хромоногая птица, раскинув метровые крылья, уже спешила ему навстречу. Как обычно, пеликан нежно взял в клюв руку Геннадия повыше кисти.

— Здравствуй, здравствуй, Яшка, — прошептал Геннадий. — Не покорили тебя сегодня... Думал, мы про тебя забыли? Ну да, забыли...

Он вывалил в лохань рыбу, немного постоял и двинулся к ограде. Пеликан, увлеченный поеданием карпов, не пошел его провожать.

Из-за входной двери квартиры Алексея доносились ритмические звуки какой-то inferнальной музыки. Геннадий долго давил на кнопку звонка, потом зачем-то двинул в дверь плечом, и она неожиданно легко поддалась.

Он вошел в темный коридор, двинулся в сторону красных всполохов, остановился на пороге гостиной и позвал:

— Леша!

Полуголый, весь потный Алексей исполнял роботизированный рок. К лицу его была кое-как привязана деревянная маска заморского чудища.

Геннадий повернулся и направился в освещенную кухню. Взял в руки одну из пустых ампул. Омнопон...

Глава сорок третья

Парк перед виллой Виктора Петровича был ярко иллюминирован, струнный квартет исполнял «Танец троллей» Эдварда Грига. Из открытого, подсвеченного разноцветными огнями бассейна доносился счастливый смех девушек.

Мужчины в смокингах и женщины в вечерних платьях поглощали тарталетки с черной икрой, запивая их ледяным, обжигающим горло шампанским «Дом Периньон».

Хозяин виллы стоял чуть поодаль в окружении нескольких деловых партнеров.

— Виктор Петрович, вы скрываете от нас ваше сокровище, — с лукавым видом обратился к устройтелю вечеринки толстогубый жуир. — Не хорошо, ай-яй-яй! Прямо даже нечестно!

— Насколько я понимаю, вы говорите про Ирину? О, сейчас она не может к нам спуститься, — отхлебнув шампанского, ответил Виктор Петрович.

— Это почему же?

— Пакует наряды. Хочет потрясти Лондон.

Мужчины тактично рассмеялись, и поджарый толстосум заговорил уже другим деловым тоном:

— Кстати, о Лондоне. Говорят, сейчас на аукционе в Сотби...

И тут за спиной Виктора Петровича послышалось несмелое покашливанье. Магнат обернулся — перед ним стоял пожилой камердинер в белом смокинге.

— Что? — резко спросил хозяин виллы.

— Извините, Виктор Петрович... Такое дело...

— Какое дело?

— Вас спрашивает некий молодой человек. Назвался Геннадием.

— Геннадием? — раздражение мигом схлынуло с Виктора Петровича. — Проводите его в гостиную.

— Еще раз извините, Виктор Петрович, но... — замаялся камердинер, — он просто ужасно выглядит. И запах...

— Делайте, что вам говорят, — оборвал старшего слугу хозяин виллы и повернулся к собеседникам: — Простите, господа, я должен вас ненадолго покинуть.

Геннадий, сгорбившись, сидел в кресле и утирал кровь, сочившуюся из порезов на лице. Он был весь мокрый и грязный, вместо левой штани-

ны свисали бурые от свернувшейся крови лохмотья. Отвратительный запах рыбы витал в богато обставленной гостиной.

Виктор Петрович ходил взад-вперед перед Геннадием, потерянно бормоча:

— Боже мой, боже мой... Кто бы мог... Я даже не представлял, чем все это кончится! То, что вы рассказали... Это ужасно... Сергея не вернуть, какой талант... Какая нелепая смерть! Как вы, такие умные парни, могли всерьез отнестись к этой ерунде?

— Вы о чем? — не поднимая лица, спросил Геннадий.

— Да о загадке! Ведь это шутка, хохма, игра! Прикол, а вовсе никакая не математическая головоломка! Неужели вы на самом деле поверили, что так можно заработать миллион фунтов стерлингов?

— Шутка? Вы говорите, шутка? — силится осмыслить услышанное Геннадий.

— Ну, да, да! Я лет тридцать назад случайно услышал ее в электричке...

— Это не шутка, когда тебе всерьез предлагают миллион фунтов стерлингов, — медленно произнес Геннадий. — Такая шутка начинает сводить с ума. Она убивает.

Виктор Петрович остановил свой нескончаемый бег и попытался заговорить по-деловому:

— Так. Алексея мы вылечим, конечно. Он ведь еще не успел втянуться...

— От чего вы его вылечите? А? — поднял голову Геннадий. — От полного разрыва с любимой девушкой, невестой? От смерти ее маленького брата? Он мог бы жить и жить! И Леша это понимает...

— Ну, не рвите вы мне сердце! — воскликнул Виктор Петрович. — Хотите, заберите этот проклятый миллион фунтов, только дайте спать спокойно!

— Да спите вы себе спокойно, Господь с вами, — устало произнес Геннадий. — Не вы нас погубили, а мы сами себя. Впрочем, понимаете, как знаете. А миллион ваш мне уже совсем ни к чему. Я больше не имею права служить в церкви. Два с половиной часа назад я убил человека.

— Какого человека?

— Одного аспиранта. Математика. Я поручил ему решить вашу задачу, дал много денег. А он не решил.

Виктор Петрович схватил Геннадия за окровавленные ладони и с жаром произнес:

— Послушайте, отец Герман...

— Геннадий.

— Так вот, послушайте, Геннадий. Это поправимо. Я обеспечу вам любое алиби! Я куплю вам любое алиби! Куплю судью, прокурора, дьявола! Так... Вы останетесь у меня на вилле...

— Не надо, — поморщился Геннадий и выдернул свои ладони из рук Виктора Петровича. — Как вы не понимаете... Я все равно не смогу после этого жить как ни в чем не бывало!

— Да-да, понимаю... Покаяние... — забормотал Виктор Петрович и тут же осекся, поняв, насколько фальшиво прозвучали эти слова.

— А лучше вот что, Виктор Петрович, — оживился вдруг Геннадий. — Купите в зоопарке хромомого серого пеликана. Он без нас теперь пропадет.

— Я обещаю тебе, парень.

Геннадий поднялся и, оставляя за собой мокрые следы, пошел к выходу.

— Куда ты сейчас? — слышалось ему вслед.

— Сдаваться. В руки правосудия, — едва заметно усмехнулся Геннадий, а в дверях вдруг обернулся: — Да, кстати, Виктор Петрович. Я встретил маньяка. И узнал его, хотя он был в маске. Зовут Алексеем, работает раздатчиком корма в птичьем секторе зоопарка. Штык-нож валяется у магазина «Пеликан». Сломанный.

И вышел.

В гостиную ворвалась зареванная Ирина:

— Что ты наделал! — выла девушка. — Я все слышала! Зачем?!

— Ну, прости, ну, хоть ты прости меня... — беспомощно повторял Виктор Петрович.

— Я не хочу... Я не могу сейчас ехать в Лондон! — кричала Ирина.

— Останемся... Останемся... — несвязно бормотал Виктор Петрович, глядя ее по голове.

— Мы ведь пойдем завтра в зоопарк и купим этого пеликана, да? — Она подняла на него опух-

шие от слез глаза. — Я сама буду за ним ухаживать. С Юлечкой. Его зовут Яшка...

— Конечно, конечно...

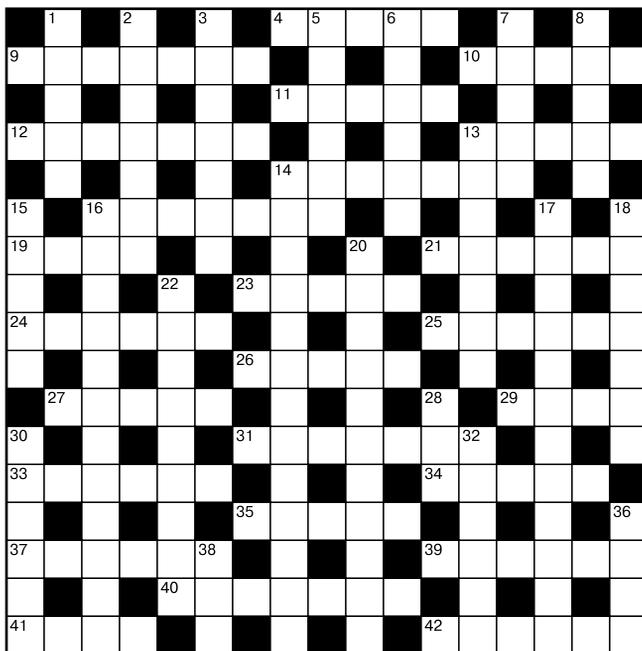
Виктор Петрович мягко отстранил девушку, подошел к телефону и дважды ткнул пальцем в кнопки:

— Алло, полиция? У меня информация о маньяке.

По освещенной бегущими огнями дорожке парка брел Геннадий. За его спиной звучал струнный квартет, слышался звон бокалов, плеск бассейна и счастливый смех девушек... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Говорят, что представители этой нации рождаются с «лыжами на ногах». **9.** Время, выделенное для принятия пищи телесной в промежутке между порциями пищи духовной. **10.** Наконечник здания Адмиралтейства в Санкт-Петербурге. **11.** Какая часть Цветочного города из сказочной повести Николая Носова носила имя ромашек? **12.** Какой камень в средние века считали средством от морщин и веснушек? **13.** Топливо, дающее такой большой стране, как Соединенные Штаты, столько же энергии, сколько атомные электростанции, причем без

постоянной опасности радиации. **14.** Лечебное средство, кишасщее микробами. **16.** Какой город подарил имя журналу Международной федерации переводчиков при ЮНЕСКО? **19.** Из-за какого дамского аксессуара в свое время едва не истребили всех страусов? **21.** Кто из пушкинских героев в бочке вырос? **23.** На сцене Мариинского театра Андрон Михалков-Кончаловский поставил оперу «... и мир». **24.** Какой танец из паркета сложить можно? **25.** Именно ... «Слава Екатерины» стал первенцем Черноморского флота России. **26.** Какую миланскую галерею мож-

но встретить среди моделей «Alfa Romeo»? **27.** Из какой птицы на самом деле надо готовить грузинское блюдо «чахохбили»? **29.** Расцветка, призванная на службу. **31.** «Первый встречный» в отеле. **33.** Какая спортивная империя стоит за футбольным призом «Золотая бутса»? **34.** Из каких гор Енисей вытекает? **35.** Ответ на вопрос: «Где эта улица? Где этот дом?» **37.** Американский штат из сказки про волшебника Изумрудного города. **39.** «Победоносное ... редко бунтует». **40.** Червяк, попавший на крючок. **41.** «Я готов плюнуть в ... всякому, кто скажет, что я некультурный». **42.** Какой кот скушал жаркое у крыловского Повара?

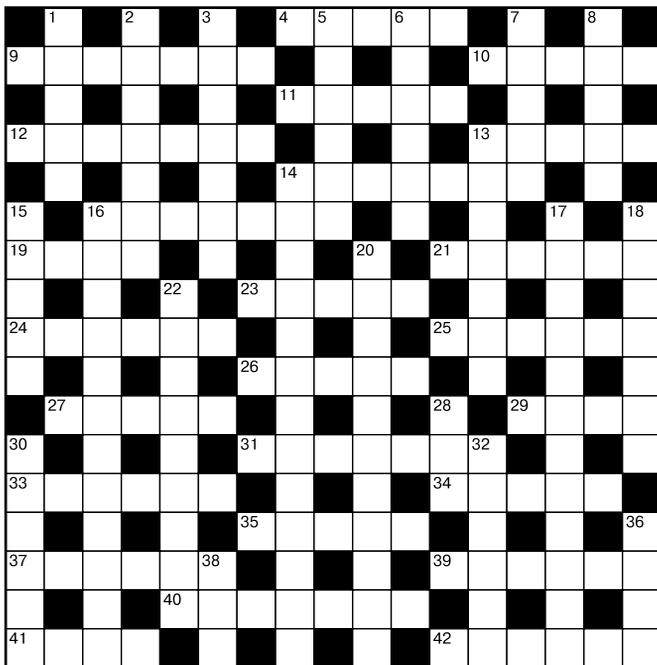
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Полковая святыня». **2.** Где у пешеходов есть шанс не оказаться под колесами? **3.** Кто «самый ушастый» на подлодке? **5.** Какой географический объект на острове Кунашир назвали в честь Дмитрия Менделеева? **6.** «Калитка» шкафа. **7.** Лошадиный акселератор. **8.** Какой уникальный товар в России XIX века покупала Академия наук и

платила по 15 копеек за штуку? Когда Владимир Даль прислал 1000 штук и заметил, что у него еще десятки тысяч, от дальнейших закупок отказались! **13.** Что легло в основу романа «Одиннадцать минут» Пауло Коэльо? **14.** Кто из тружеников ЖКХ «идет на мокрое дело»? **15.** Крылатая фраза из кинокомедии «Бриллиантовая рука» Леонида Гайдая звучит так: «Детям — мороженое, его бабе — ...» **16.** Самый желанный работник на мясокомбинате. **17.** «Эмоциональное здоровье». **18.** Не только тепловая, но и жизненная. **20.** Мэри Поппинс нашего кино. **22.** «Водоплавающий тандем». **28.** На гравюре «Пробил ...!» великого Франциско Гойи всякая нечисть убегает от дневного света. **30.** Какое великое русское озеро можно заполнить девяносто четыре раза такими водоемами, как Азовское море? **32.** «Домашняя ... сама по себе не плоха — но бесконечно одинока». **36.** Понятие «лошадиная ...» используют ветеринары при назначении лекарств. **38.** Где «отцвели уж давно хризантемы» из старинного романа?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Буйство. **7.** Спас. **10.** Гобой. **12.** Амикошонство. **13.** Взлом. **15.** «Ситроен». **16.** Коэльо. **19.** Сон. **20.** Аншлаг. **24.** Агро. **25.** Жаворонок. **27.** Вайс. **28.** Начало. **29.** Гестапо. **30.** Движок. **31.** Дамаск. **33.** Гну. **36.** Зорро. **37.** Строчок. **40.** Аспид. **42.** Камин. **43.** Окулист. **44.** Лежак. **45.** Океан. **46.** Азарова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Поезд. **2.** Голос. **4.** Удмурт. **5.** Секрет. **6.** Вошь. **8.** Патологоанатом. **9.** Скороговорка. **11.** Антон. **14.** Мираж. **16.** Кокон. **17.** Разводы. **18.** Ошейник. **21.** Гашек. **22.** Кофта. **23.** Поппинс. **26.** Кабачок. **29.** Голод. **32.** Ирокез. **34.** Утесов. **35.** Эстет. **36.** Зидан. **38.** Чайка. **39.** Китай. **41.** Флер.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какой фараон освободил Египет от владычества гиксосов? **9.** С какой собакой, по мнению булгаковского Шарикова, согрешила его беспородная бабушка? **10.** «Символ смерти» с картины «Послы» Ганса Гольбейна. **11.** Зазвеневшее фаянсовое ... подтолкнуло француза Блеза Паскаля к написанию «Трактата о звуках». **12.** Тропическое дерево, чьи плоды «поставляют» масло, чтобы варить шоколад, «тающий во рту, а не в руках». **13.** Немец, ставший самым юным доктором философии в истории, что зафиксировано «Книгой рекордов Гиннеса». **14.** Жур-

нальный псевдоним великого Роберта Шумана. **16.** Русская поэтесса, чей стих Виссарион Белинский окрестил «алмазным». **19.** Красноперка с Дальнего Востока. **21.** «Скалистый обрыв» из словаря Даля. **23.** Какой норвежец придумал канцелярскую скрепку? **24.** Шелковый кафтан на Иване Грозном. **25.** Хозяйство Трифона Семеновича из чеховского рассказа «За яблочки». **26.** Мексиканский ковбой. **27.** Последняя страна в Европе, принявшая христианство. **29.** Сергей среди основателей Google. **31.** Композитор, к которому обращены слова Алексея Верстовского: «Русско-

му таланту и тюрьма — на пользу!»

33. «След на склоне» в переводе с норвежского. **34.** «Сарафанное радио». **35.** Последняя роль в кино для легендарного актера Ростислава Плятта. **37.** Взрывчатка с чилийской селитрой. **39.** Что библейский Авраам однажды предложил царю Нимроду, уподобившему себя Богом, поднять хотя бы однажды с запада? **40.** Главное кушанье на «проводах русалок» у славян. **41.** Кто из грандов мировой моды разработал форму для бойцов СС и гитлерюгенда? **42.** На что похожа статуэтка премии «Хьюго», ежегодно вручаемой лучшим фантастам в мире?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Драгоценный шарф византийского императора. **2.** Какую птицу в Австралии используют для обучения детей правильно произношению? **3.** Французский город с улицами имени графа Монте-Кристо, аббата Фариа и Эдмона Дантеса. **5.** «Самый безотказный домкрат» для поднятия настроения русскому человеку. **6.** Первый муж Умы Турман. **7.** Супруга Альберта Эйнштейна как-то иронично замети-

ла: «Мой муж ...! Он умеет делать абсолютно все, кроме денег». **8.** Какой темп у музыкантов самый медленный? **13.** Результат синтеза живописи и поэзии у Андрея Вознесенского. **14.** Международный орган, заседающий в Страсбурге. **15.** Национальная шапочка на чувашке. **16.** Единственный в мире стадион, построенный из белого мрамора. **17.** Каким методом воскресили динозавров в «Парке юрского периода»? **18.** Какое слово в испанском языке образовано от трех глаголов «беги, увидь, скажи ему»? **20.** Какой показатель за первые два срока правления «железной леди» Маргарет Тэтчер вырос в Великобритании почти втрое? **22.** Что погубило одного из первых фотографов снежинок американца Уилсона Бентли? **28.** Какой буквой древние евреи обозначали число «тринадцать»? От них же и идет его «несчастливая слава». **30.** Какой хищник охраняет небо над Кремлем? **32.** Героиня московского памятника плавленому сырку «Дружба». **36.** Что символизировала у средневековых алхимиков «козлиная голова»? **38.** После какой болезни Анна Ахматова стала полнеть?

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Саранча. **7.** Атос. **10.** Щусев. **12.** Килиманджаро. **13.** Гамем. **15.** Гонорий. **16.** Чулков. **19.** Нил. **20.** Клавир. **24.** Мирт. **25.** Висконсин. **27.** Тоту. **28.** Садист. **29.** Америка. **30.** Уесиба. **31.** Бонали. **33.** Чоп. **36.** Слива. **37.** Тихонов. **40.** Отець. **42.** Варя. **43.** Вервица. **44.** Индау. **45.** Кобра. **46.** Вторник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Чудак. **2.** Берег. **4.** Акимов. **5.** Анилин. **6.** Чхан. **8.** Транквилизатор. **9.** «Соответствия». **11.** Адаул. **14.** Мотив. **16.** Чибис. **17.** Акаатиум. **18.** Кантосе. **21.** Римма. **22.** Якорь. **23.** Анекдот. **26.** Набоков. **29.** Абель. **32.** Евпейт. **34.** Пиაცი. **35.** Штаны. **36.** Страх. **38.** Навоз. **39.** Ведро. **41.** Явор.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие 2012 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту:

sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 71 руб. 50 коп., на 3 месяца — 214 руб. 50 коп., на 6 месяцев — 429 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С апреля открыта подписка на журнал «Смена» на 2-е полугодие 2012 года по каталогам через любое почтовое отделение связи.

Образцы каталогов:

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
<p>ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

«Князь Дмитрий Донской, около тридцати лет правивший Московским княжеством и ставший первым собирателем русских земель под свое единоначалие, был причислен к лику святых спустя более шести веков после Куликовской битвы. Но за эти несколько столетий имя великого князя стало символом русской воинской славы, и потомство сохранило память о нем как о победителе и ниспровергателе ордынского ига.

Светлана **Бестужева-Лада** «Символ воинской славы»

«Считается, что французский король Людовик XIV, которого называли также «Королем-Солнце», имел бесчисленное число фавориток, ибо ни одна женщина не могла устоять против его обаяния — как мужского, так и королевского. На самом же деле настоящих любовниц у Людовика было всего четыре, и, по прихоти судьбы, первая и последняя оказались весьма набожными женщинами. Луиза де Лавальер постриглась в монахини, а Франсуаза де Ментенон фактически сделала монахом самого короля....

Денис **Логинов** «Две любовницы Короля-Солнце»

«Булочная Филиппова, филипповские калачи, сайки — эти слова многим из нас знакомы с детства. Но когда он жил, была ли у него семья, каким он был — добрым или расчетливым, мы никогда не задумывались, хотя порой до сих пор мечтаем о знаменитой филипповской сайке с изюмом...

Евгения **Гордиенко** «История калачей для москвичей»

«Сегодня многие из нас задаются извечными вопросами: что делать? Как жить дальше? Как избавиться от депрессии и обрести душевное равновесие? Кому же, как не Владимиру Леви, известному психологу и знатоку человеческих душ, знать ответы на эти вопросы?»

Татьяна **Комарова** «Давайте жить на солнечной стороне»

«Ироническая повесть Андрея **Дышева** «Диссертант»